

И. В. Калита

**Актуальные вопросы
современной славянской
фразеологии**

И. В. Калита

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2020

УДК 811.16

ББК 81

К17

Рецензенты:

доктор филологических наук, ректор БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики **Ю.Н. Исаев**;

кандидат педагогических наук, доцент,
специалист по проектной деятельности **Г.Н. Петров**

Калита И. В.

К17 **Актуальные вопросы современной славянской фразеологии** : монография / И. В. Калита. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 136 с. ISBN 978-5-907411-02-9

Книга представляет цикл научных очерков, посвящённых актуальным аспектам современной фразеологии. Рассматриваются такие вопросы, как фразеологический минимум, символика синего цвета в национальных картинах мира, использование междометных фразеологизмов и другие. Книга адресована лингвистам, культурологам, переводчикам, может быть полезна студентам филологических и переводческих специальностей, изучающим славянские языки.

☞ Издание полностью ёфицировано

Издание осуществлено при финансовой поддержке грантового проекта «Компаративная фразеология» (2020), реализованного в Университете имени Яна Евангелисты Пуркине, г. Усти над Лабем, Чехия

Все права защищены. При цитировании обязательна ссылка:
Калита И. В. Актуальные вопросы современной славянской фразеологии. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 136 с. – ISBN 978-5-907411-02-9

DOI 10.31483/a-10247

© Калита И. В., 2020

ISBN 978-5-907411-02-9

© ИД «Среда», оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФРАЗЕОЛОГИЯ – НАУКА О ЖИЗНИ СТАРОЙ И НОВОЙ	5
I. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИМУМ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИИ – ОПЫТ – ПЕРСПЕКТИВЫ	7
Введение.....	7
1. Фразеологические компетенции при обучении языку – общие замечания.....	8
2. Фразеологический минимум как понятие	10
3. Российский опыт (советский и постсоветский периоды).....	11
4. Учебники по фразеологии для иностранцев	14
5. Новые фразеологизмы с семантикой цветообозначения.....	18
Заключение	20
Литература	21
II. ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМУ МИНИМУМУ	25
Введение.....	25
1. Обучение чешскому языку как родному – «поиски» путей к фразеологии	26
2. Обучение чешскому языку как иностранному – первые шаги.....	29
3. Бархатная революция – стартовый рубеж для создания фразеологического минимума чешского языка.....	30
4. XX век: проблемы, мнения, перспективы	31
Заключение	34
Литература	35
III. СИНИЙ ЦВЕТ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРАХ РУССКИХ И ЧЕХОВ	40
Введение.....	40
1. Синий – историко-этимологическая справка.....	43
2. Краткие сведения о формировании цветообозначения синий в истории русского языка	44
3. Формирование чешского цветообозначения «синий» (modrá barva).....	53
4. Анализ материала чешских словарей («Чешско-немецкий словарь Ф. Котта» (1878-1893), «Словарь чешского литературного языка» (2011), «Народные поговорки» Я. Заоралека (1947)).....	54
5. Анализ материала русских словарей («Толковый словарь» В. Даля (1882), «Словарь современного русского литературного языка» (1963), «Словарь русских народных говоров» (2003)).....	57
6. Активный запас фразеологизмов с колоронимом синий в современных русском и чешском языках.....	61

7. Языковая семантика колоронима на фоне искусствоведческого восприятия синего цвета (Й. Иттен и В. Кандинский)	67
Заключение	70
Литература	71
IV. 'БОГ' В БЕЛАРУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ПАРЕМИИ	77
Введение	77
1. Бог в коллективном сознании чехов – статистика	78
2. Беларусь и вера	80
3. «Отношения» человека с Богом – беларусская лингвомодель	80
4. Чешская лингвомодель «отношений» человека с Богом	85
5. Межъязыковые взаимосвязи	87
6. Межъязыковая асимметрия в номинации Бога и человека в формулах обращения	88
Заключение	90
Литература	91
V. О СИНКРЕТИЗАЦИИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	94
Введение	94
1. Методология	96
2. «Хавайся ў бульбу» – семантика, метафорика, динамика и сферы распространения	98
3. Место единицы «хавайся ў бульбу(!)» в ряду других междометий	100
4. «Знаки чувствований» на пути к «знакам представлений»	104
5. Примарная форма и функция междометного фразеологизма «хавайся ў бульбу!»	106
6. Функции единицы хавайся ў бульбу(!) в письменной форме языка	109
7. Компонентное расширение «трымай парты, хавайся ў бульбу» ..	111
8. «Хавайся ў бульбу» как этнофразеологизм	114
Заключение	117
Литература	119
Список использованных сокращений	125
АННОТАЦИЯ. Актуальные вопросы современной славянской фразеологии	126
SUMMARY. Current questions of contemporary Slavic phraseology	129
Ключевые слова / Keywords	133
Информация об авторе	135

ФРАЗЕОЛОГИЯ – НАУКА О ЖИЗНИ СТАРОЙ И НОВОЙ

Фразеологизмы – основной предмет исследования данной книги, – лежат в основе языковой картины мира каждого народа. Это не только «осколки» древнего мирозерцания, это и занимательные этимологические истории, отражающие множество других историй – мифологических, библейских, литературных, индивидуальных, политических, экономических и других, одновременно фразеологизмы являются фактами исторического развития языка и мышления человека.

Фразеология – самобытный слой любого языка, способствующий более глубокому пониманию специфики древних контактов, а в нашем исследовании – осознанию значимости общей языковой истории Славии – историко-географического ареала, объединившего различные культуры. Фонд славянской фразеологии одновременно отражает и общность славян, и их национальную уникальность, воплощённую в этнофразеологизмах.

Фразеология в своём развитии проходит различные этапы, самые древние устойчивые единицы отражают представления о природном и божественном устройстве мира, они говорят о высших и низших силах – добре и зле (белом и чёрном), представляют «реакцию» природы на действия и просьбы человека, отражают познание окружающего мира посредством диких, а позже – и домашних животных. Человек постепенно познаёт своё физическое и психологическое тело, пополняя фразеологию соматическими компонентами – названиями частей тела и единицами, отражающими «движения» его души, вербализирует собственные ментальные характеристики посредством сравнений с животными, растениями, другими людьми и народами. Язык человека, а вместе с ним и фразеология, обогащается с переходом от язычества к единобожию, со сменой политических и экономических формаций. Наше глобализированное время вносит в развитие мировых экономик общие тенденции, языковые результаты которых пополняют фразеологическую периферию.

Открытость современного мира ставит перед народами задачу налаживания широкого межкультурного диалога. В этих условиях в научной среде особую значимость приобретает сравнительное изучение фразеологии. Ценность компаративных исследова-

ний заключается в возможности оценить «себя» посредством «другого», рассмотреть явления своей национальной культуры и единицы родного языка на фоне других. Предлагаемая книга состоит из пяти самостоятельных частей, объединённых общей идеей – донести читателю необходимость систематического изучения фразеологии на всех этапах обучения, показать её ценность в обучении языку как родному и как иностранному, подчеркнуть базисную роль фразеологизмов в фундаменте национального языка и культуры. Цель книги – в компаративном описании представить актуальные вопросы русской, белорусской и чешской фразеологии, иллюстрирующие славянскую взаимность, благодаря которой доминирующая позиция во фразефондах славянских народов принадлежит общим единицам. Кроме решения чисто лингвистической задачи – выявления эквивалентов и этнофразеологизмов, такие исследования позволяют глубже заглянуть в современность, историю и ментальность народов.

Примечание: Буква «а» в написании прилагательного «*белорусский*» (и единицах, образованных от «*Беларусь*») используется с целью обратить внимание на вопрос, уже более 25 лет относящийся к разряду нерешённых. Жители постсоветских стран расценивают советские названия своих стран как устаревшие. После распада СССР бывшая БССР (*Белоруссия*) приняла официальное название – *Республика Беларусь*. Образовательный портал Грамота.ру в качестве первого варианта приводит устаревшую форму – *Белоруссия*, -и (*Республика Беларусь*) и прилагательное «*белорусский*». Написание буквы «о» в названиях представителей нации, как и написание прилагательного «*белорусский*» с «о», логично не увязывается с современным официальным названием – *Беларусь*. Устаревшие названия – *Белоруссия*, *Byelorussia*, *Bielorussie*, *Weissrussland*, отражающие концептосферу советской эпохи и колониальный дискурс, сегодня звучат неэтично. В официальной документации ООН, представляющей документы на нескольких рабочих языках (<<http://documents.un.org>>), с учётом постсоветских изменений, используются варианты: англ. – *Belarus*, *Republic of Belarus*, *Belarusian history*, *The Belarusian Constitution*; испанск. *Belarús*, *República de Belarús*; фр. – *Bélarus*, *République du Bélarus*.

Мнение рецензентов и издательства в отношении написания прилагательного *беларусский*, *беларусы* может не совпадать с мнением автора книги.

І. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИМУМ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИИ – ОПЫТ – ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение

Бурный всплеск интереса к фразеологии в конце XX века дал толчок к созданию новых переводных словарей и дальнейшей разработке теоретических основ фразеологической науки. Новые публикации приносят свои плоды и одновременно ставят новые вопросы и задачи. Проблемным полем фразеологии, обсуждаемым ещё в прошлом веке, является фразеологический минимум. Произошедшие в конце XX века глобальные геополитические трансформации и появившаяся возможность пересекать границы с туристическими и иными целями делают этот вопрос в наше время еще более актуальным. Возможность получать образование за границей диктует необходимость усовершенствования методик преподавания языков как иностранных. На первом этапе обучения языку обычно предполагается формирование у студента-иностранца (инофона) лексического минимума. Накопленный в прошлом веке лингводидактический опыт свидетельствует о необходимости учёта не только первичных «кирпичиков» – слов, из которых инофон строит в своей речи «коробку здания» чужого языка, но также включения в обучение информации о «глубинном фундаменте», заложенном в сознании носителей языка. В основе такого фундамента лежат устойчивые единицы различных типов и уровней. Если лексика называет новое явление или предмет, то фразеологическая единица (далее ФЕ) указывает на уже оформившуюся в языке и культуре ассоциативную связь, национально-культурный или общий стереотип, и формирует собственно-национальный фон языковой, и шире – национальной картины мира. Устойчивые единицы, актуальные в языке «здесь и сейчас», должны учитываться при обучении национальному языку как родному, и как иностранному, т.к. фразеологизмы являются составной частью культурно-языковой компетенции, адекватно отражающей обновляемые контексты общения и формы поведения.

В некоторых языках работа над фразеологическим минимумом ведётся уже давно, в других – находится в стадии разработки, а в третьих – его создание является задачей будущего. Новое время диктует свои условия, в которых фразеологический минимум становится визитной карточкой национального языка, поэтому задача

создания этой «визитки» в XXI веке стоит перед каждым языком. Любая деятельность в этом направлении может основываться на уже накопленном опыте других языковых традиций, именно по этой причине в настоящее время важно обобщить существующий опыт преподавания русского языка как иностранного и почти пятидесятилетний опыт работы над созданием русского фразеологического минимума.

Мы рассмотрим традицию обучения русскому языку как иностранному (РКИ), затронем тематический выбор фразеологии, используемой при обучении. Основная цель данной работы состоит в решении следующих задач:

1) обобщение накопленного материала по теме *фразеологический минимум* при изучении русского языка как иностранного с целью создания «гибкой» основы для тех языковых традиций, которые на сегодняшний день не имеют фразеологического минимума и стоят перед задачей его создания;

2) обоснование необходимости периодического обновления фразеологического минимума;

3) обоснование необходимости включения фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-колоронимом в состав фразеологического минимума (ФМ) при изучении языка как иностранного (далее фразеологический минимум русского языка как иностранного – ФМ РКИ).

1. Фразеологические компетенции при обучении языку – общие замечания

Вопрос формирования фразеологического минимума не нов. При общей его нерешённости отличается также степень его разработанности в разных национальных традициях. Необходимость создания ФМ как теоретический вопрос обсуждается с последней четверти XX века, существует много мнений относительно объёма и подходов к его созданию. Накопленный опыт показывает, что создаваемые ФМ чаще ориентированы на потребности конкретных специальностей и исходят из целей и задач обучения иностранцев, их уровня владения языком. Однако исходной точкой при подготовке ФМ следует назвать подход к определению главного предмета научного и методического интереса – выбор одного из суще-

ствующих подходов понимания фразеологии: узкого или широкого. В подавляющем большинстве случаев при создании ФМ предпочтение отдаётся широкому пониманию фразеологии, которое зачленяет в рассматриваемую категорию самые различные типы устойчивых сочетаний, включая пословицы и поговорки, формулы речевого этикета, различные клише публицистического и официально-делового стиля. При узком понимании к фразеологизмам относят лишь те единицы, которые обладают такими свойствами, как номинативность, идиоматичность, воспроизводимость, раздельнооформленность, устойчивость, по мнению В. Н. Телии, предметом фразеологии являются «единицы языка, которые входят в его номинативный инвентарь» [21, с. 75].

Рассматривая роль фразеологии в образовательном процессе в общем, можем говорить о последовательном подходе к фразеологии в российской и польской образовательной практике. Об этом свидетельствует существование и активная разработка ФМ в российской традиции, а также использование термина *фразеодидактика*, оформившегося на переломе XX-XXI веков и вошедшего в оборот в польском и русском языках благодаря работам немецких учёных (P. Kühn, S. Ettinger, R. Hessky, H. H. Lüger, M. Lorenz-Bourjot). Этот термин используется и в словацкой дидактике (J. Mlacek, P. Ďurčo, J. Pečarovičová) [31, 33]. Польская исследовательница М. Сулковска (M. Sułkowska) пишет, что в настоящее время в Польше фразеодидактика развивается в основном благодаря немецким исследователям и представителям Испанского исследовательского центра в Сантьяго-де-Компостела (S. Ettinger, González Rey) [38], названный термин М. Сулковска широко использует в своих научных работах. В польской дидактике обучению фразеологии уделяется много внимания [32], [34], [35], [36], [37], [38], [39], иностранцам адресованы два основных издания: «Nie taki diabeł straszny. Podręcznik frazeologii polskiej dla obcokrajowców (Rybicka, 1990) [34] и «Co raz wejdzie do głowy już z niej nie wyleci» (Pięcińska, 2006) [32]. Создание фразеологического минимума польского языка – цель ближайшего будущего, его практическая потребность обосновывается прежде всего с позиций глоттодидактики. ФМ видится инструментом, способным значительно облегчить процесс обучения польской фразеологии и решить задачу создания фразеологического словаря для иностранцев [39].

В России термин *фразеодидактика* используется начиная с 2005 года, вероятно, впервые в работе Т. Н. Федуленковой [24], и далее

более активно распространяется после выхода в 2008 году сборника научных трудов Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова «Фразеология и фразеодидактика: актуальные проблемы» [25]. Для российской традиции введение термина *фразеодидактика* отнюдь не обозначает формирование новой дисциплины, скорее это жест согласия российских учёных с упорядочением терминологии. С последней четверти XX века в СССР, а позже в России и постсоветском ареале проблемы фразеодидактики рассматривались в общих рамках лингводидактики обучения РКИ.

Русский язык, начиная с 1930-х годов, значительно расширил круг пользователей – будучи мажоритарным языком многомиллионного государства он упрочил свои позиции в роли государственного языка СССР. Однако национальный состав СССР обязывал брать во внимание вопрос развития методики обучения РЯ как неродному, который встал на повестку дня в середине XX века, и уже в 1950-е годы началась работа над созданием лексического минимума для национальных школ, а позже и фразеологического минимума.

2. Фразеологический минимум как понятие

Понятие *фразеологический минимум* в относительно недолгой истории своего развития успело пройти ряд трансформаций. Как справедливо подчёркивает Е. В. Гананольская, «*Все известные нам фразеологические минимумы русского языка в той или иной степени созданы для учебных целей*» [9, с. 500]. В СССР фразеологический минимум создавался с целью решения потребностей национальных школ, т. е. изначально понятие ФМ подразумевало наличие инофонов в пределах одного государства, а поставленная цель заключалась в создании фразеологической базы русского языка как в разной степени иностранного. Позже встал вопрос о том, что при наличии ФМ для инофонов в России отсутствует ФМ для носителей языка. Его разработка определила задачу поэтапного фразеологического просвещения, исходящего из возрастных критериев. Поэтому понятие ФМ начали определять как минимум наиболее значимых ФЕ, которые должен знать русский школьник, т. е. носитель русского языка. Исходя из того, что жизненный опыт школьников растёт вместе с получаемыми ими знаниями, и значительно отличается у учеников младших и старших классов, возникло общее разделение на возрастные школьные категории: младшие (1-5) и старшие (6-11) классы.

При этом вопрос о создании ФМ для русских школьников, как отмечает Ю. А. Максяшина, – оказался менее разработанным [13].

Ориентацией на возраст руководствуются и составители современных словарей. Развитие традиции обучения русскому языку иностранцев за границами РФ и предложения российских вузов иностранным студентам обучаться в России в 2000-х годах вновь вернули дидактику обучения РКИ к вопросу формирования ФМ русского языка как иностранного для инофонов, но уже с более широким спектром родных языков – славянских и неславянских. Современный – условно «второй» этап создания ФМ РКИ имеет богатый базис – советский опыт, и в тоже время несёт бремя неразрешённых вопросов.

Фразеологический минимум РЯ сегодня ориентирован на две категории обучаемых: (1) носителей языка и (2) пользователей языка (иностранцев / инофонов), оба варианта учитывают возрастную / компетентностный показатель, и соответственно разделены на возрастные уровни.

3. Российский опыт (советский и постсоветский периоды)

История создания русского ФМ вытекает из советской традиции, корни которой восходят к 1970-м годам. В 1974 году в Москве был издан для обсуждения проект «Единого фразеологического минимума русского языка для национальной средней школы», авторами которого являлись сотрудники НИИ преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР. В отзыве на предложенный словарь А. М. Эмирова и Л. И. Ройзензон отмечали, что по своему назначению он является специализированным – предназначенным для всех национальных школ, а также подчёркивали, что авторы этого словаря сами осознают *«недостаток такой глобальной ориентации»*, на то же указывают и учёные-практики: *«необходимость конкретизации состава словаря на основе учёта условий республики. По-видимому, имеются в виду наименования специфически национальных реалий фразеологическими средствами и наличие межъязыковой идиоматики»* [27, с. 59]. Приблизительный объём предложенного фразеологического минимума составлял 300 единиц.

Начиная с 1970-х годов работа над созданием ФМ РЯ, а точнее – его усовершенствованием, не прекращалась. В начале его разработ-

чики ориентировались на основную особенность СССР – многонациональный состав. «Единый лексико-фразеологический минимум» для национальных школ РСФСР был предложен в 1975 г., его авторами были В. Г. Бирюков и В. К. Журавлёв, позже вышел «Учебный фразеологический словарь русского языка. Пособие для учащихся национальных школ» (Быстрова – Окунева – Шанский 1984) [4]. Этот словарь адресован учащимся старших классов и содержит около 800 ФЕ, которые авторы позиционировали как необходимый минимум для овладения русским языком как средством межнационального общения. Принципом отбора единиц авторы подтвердили необходимость ориентации на широкое понимание фразеологии при её преподнесении инофонам. Во введении к словарю отмечено:

<...> в словарь включены фразеологизмы, являющиеся единственными обозначениями каких-либо предметов, явлений, действий (*день открытых дверей, вести себя*), различные формулы речевого этикета (*будьте добры, доброе утро, спокойной ночи*). Число этих единиц сравнительно невелико. Однако высокая употребительность фразеологизмов названного типа в различных жизненных ситуациях делает овладение ими исключительно важным и необходимым для общения на русском языке [4].

В постсоветский период при разработке ФМ РЯ внимание в большей мере акцентировалось на возрастные и образовательные компетенции школьников. Новые фразеологические словари XXI века делятся на категории: 1-4 классы, 5-11 классы, в вузовских программах для носителей языка ФМ не прописан, но важным он считается в обучении иностранцев. Непрерывающиеся дискуссии об объёме и методике обучения ведут к известной истине – для качественного обучения необходим учебник. Оптимальным средством формирования лингвострановедческой компетенции иностранцев на фразеологическом материале Т. Никитина считает учебное пособие словарного типа, в котором параметрические зоны словарной статьи строятся по принципу:

«заголовочная зона (фразеологизм-вокабула, толкование, функционально-прагматический комментарий), лингвострановедческий текстовый комментарий, языковые, условноречевые и коммуникативные упражнения – соотносятся с формируемыми параметрами лингво-страноведческой компетенции» [17, с. 197].

Принципы отбора единиц для составления ФМ языка как иностранного в настоящее время являются интуитивными. Их отбор обычно базируется на критериях коммуникативной ценности и актуальности в контексте современного общения. В большинстве предлагаемых ФМ на первом месте стоит тематический подход, характеризующий основные сферы человеческой деятельности (человек и его характеристики, семья, здоровье, дом, работа, отдых). Значимым критерием отбора единиц является их национально-культурный объём, при обучении особо ценны ФЕ с «индивидуальным характером» (лакуны), отсутствующие в языке обучаемого, и полные или частичные эквиваленты, позволяющие проследить общие тенденции в развитии фразеологии двух языков, то есть дифференцировать общезначимое для нескольких культур и индивидуально значимое для одной культуры.

Некоторые учёные считают, что при сопоставлении фразеологизмов разных языков целесообразно учитывать семантику, образность (т. е. внутреннюю форму) и стилистическую окраску [22, с. 64]. При отборе русских ФЕ в целях минимизации учебного материала для иностранных студентов Л. С. Пугачева предлагает такие критерии: «1) тематическая принадлежность, 2) употребительность, 3) коммуникативная ценность, 4) принадлежность к одному стилистическому уровню, 5) страноведческая ценность, 6) синонимичность, 7) учёт специфики изучаемого (русского) языка» [18, с. 193]. С развитием интернета выдвигаются новые критерии – учёт присутствия и частотности ФЕ в интернет-источниках: «*Современное пространство Интернета как раз примечательно тем, что наполнено текстами самых разных стилей и жанров и в целом отражает круг интересов среднего носителя языка*» [9, с. 504]. В неславянской аудитории наблюдается подобная спецификация критериев:

«Предпочтение при отборе отдаётся ФЕ с высокой частотностью и фразеологизмам, являющимся единственным способом выражения данного понятия, притом в таком порядке: преимущественно общеупотребительные, затем межстилевые фразеологические материалы, ФЕ активного фразеологического запаса, а также фразеологические неологизмы языка, получившие широкое распространение. Устаревшие ФЕ, а также фразеологизмы окказиональные или индивидуального образования не включаются» [23, с. 338].

В современных лингвистических исследованиях в целом, и во фразеологии в том числе, значительное место отводится материалам Национального Корпуса русского языка, который, безусловно, может стать неопенимым инструментом в корректировке состава ФМ.

4. Учебники по фразеологии для иностранцев

Сегодня учёные и педагоги-практики считают изучение фразеологии на всех этапах обучения необходимым. В процессе обучения неопенимую роль играет учебник. Одними из первых источников, репрезентирующих ФМ в XX в., можно считать пособие И. К. Сазионовой «Лексика и фразеология современного русского литературного языка (пособие для иностранца)» (1963) [19] и «Русско-немецкий фразеологический словарь-минимум» А. П. Мартынюка (1969) [14]. Далее следует назвать издания, посвящённые подготовке иностранных студентов: «Справочник по русской фразеологии для иностранцев (выражение эмоций)» (Р. И. Яранцев, 1976) [28], «Русская фразеология (учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык)» (Н. Н. Кохтев – Д. Э. Розенталь, 1990) [12], «Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев» (А. В. Величко, 1996) [7], издания нашего века: «Русские фразеологизмы в ситуациях. Учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи» (Н. В. Баско, 2015) [1], «Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов: нефилологических специальностей русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам» (Е. В. Резвая, 2017) [20], «Русская фразеология» (Н. А. Буре, 2019) [3], «250 фразеологизмов русского языка для иностранцев» (И. А. Шущарина, 2019) [26]. Все эти издания рассчитаны на студентов продвинутого уровня обучения.

Традиция подготовки адресных учебников по фразеологии, ориентированных на пары конкретных языков и предназначенных для студентов-иностранцев, начинает складываться в XXI веке, и таких учебников немного. В настоящее время лишь некоторые вузы вне РФ предлагают специальные курсы, знакомящие с фразеологией и имеющие обеспечение учебниками. Среди них «Русская фразеология для немцев» (Х. Вальтер, Т. Малински, В. Мокиенко, Л. Степанова, 2005) [5] и «Ruská frazeologie pro Čechy / Русская фразеология для чехов» (V. Mokienko – L. Stěpanova, 2008) [30], «Русская фразеология для поляков» (Х. Вальтер, В. Мокиенко, Е. Невзорова-

Кмеч, Л. Степанова, 2018) [6]. Данные издания знакомят аудиторию с устоявшимися ФЕ. При их подготовке учитывалась специфика обоих языков – изучаемого и родного языка студентов. Важная роль в этих учебниках отведена информации лингвокультурологического характера. Иной подход использовали Н. В. Баско, Ченг Чанг, Лай Инчуань – источником ФЕ, вошедших в их «Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских средств массовой информации) послужили СМИ XXI века [2].

Названные издания предназначены студентам продвинутого уровня обучения, но «точечное» ознакомление с отдельными ФЕ проводится и на начальных этапах знакомства с языком, когда студенты ещё не накопили достаточные языковые и фоновые знания. При обучении РКИ за границей ознакомление с фразеологизмами в малой мере, но всё же встречается в различных учебных пособиях по русскому языку, издаваемых вузами для конкретных специальностей. Например, в учебном пособии «Практика речевого общения / Konverzace v ruštině» И. Калиты [29], адресованном чешским студентам 1 курса, ФЕ в нём включены в различные темы.

В рамках темы №5 «Высшее образование» дополнительной темой является числительное. Студентам предлагается упражнение, в задачи которого входит: прочитать русские фразеологизмы, объяснить, как их поняли, найти числительные и назвать их разряды, найти чешские соответствия, если такие имеются. Предложенные для анализа единицы включают числительное «один»: *один в поле не воин; один волк гоняет овец полк; один вор – всему миру разорение; на один зуб; из первых рук; один за всех, все за одного; один пашет, а семеро кулаками машут; один раз совершишь – другой не поверят; один ум хорошо, а два лучше; одна ложка дёгтя портит бочку мёда; одно ухо – и то глухо; один как перст; семь раз отмерь, один раз отрежь; одного поля ягода; одной ногой в могиле; одному богу известно*. Числительное встречается в теме № 8 «Человек. Внешний вид и характер». В качестве развивающего задания предлагается объяснить значения ФЕ *второе дыхание; сидеть на двух стульях; в три шеи; с три короба; в три погибели; заблудиться в трёх соснах; знать как свои пять пальцев; пятое через десятое; как собаке пятая нога; как телеге пятое колесо; искать пятый угол; семи пядей во лбу; седьмое небо; работать до седь-*

мого пота; семеро одного не ждут; до седьмого колена; у семи нянек дитя без глаза; восьмое чудо света; опять двадцать пять. После изучения обязательного лексического минимума по теме «Здоровье» следует задание найти в предложениях фразеологизмы, объяснить их значение, назвать числительные и их разряды. Студенты работают с предложениями (*У него семь пятниц на неделе. В старину говорили: отправился за семь вёрст киселя хлебать. Этот Иван нам седьмая вода на киселе. Наш новый однокурсник, похоже, семи пядей во лбу. Когда мы выиграли, мы все были просто на седьмом небе.*)

При описанном подходе решается важная методическая задача – помещение ФЕ в контекст, что является продуктивным обучающим приёмом.

«Для учебных фразеологических минимумов недостаточно списка единиц; важны контексты, иначе минимум становится бессмысленным списком, не способствующим обучению» [9, с. 511].

При возможности студенты совместно с преподавателем подбирают синонимический и антонимический ряд ФЕ в обоих языках. Такой подход созвучен методу управляемых открытий (конструктивному обучению), о котором пишет Эрик Де Корте:

«<...> проектируя образовательную среду, следует соблюдать эффективный баланс между личными изысканиями и открытиями, с одной стороны, и систематизированным преподаванием и наставничеством – с другой, постоянно учитывая при этом индивидуальные особенности учащихся: их способности, потребности и мотивацию» [11, с. 34].

При использовании «контекстного внедрения» ФЕ на занятиях РКИ вначале используется интуитивный подход (метод «проб и ошибок») – инофон пытается угадать значение ряда ФЕ, часть которых может полностью или частично совпадать с единицами родного языка; часть ФЕ представляет собой «нераспознаваемый» на первый взгляд материал; и в части предложенных ФЕ может содержаться компонент, тем или иным образом служащий подсказкой. В безэквивалентных примерах используется сначала прямой перевод, а затем преподаватель даёт лингвокультурологический комментарий. Такой метод многие педагоги считают наиболее оптимальным методом семантизации ФЕ. Китайский русист Фан Цзин видит его цель в раскрытии происхождения ФЕ и «обеспечении необходимым линг-

востраниоведческим комментированием, достаточным для понимания и восприятия ФЕ, что также соответствует лингвострановедческому аспекту преподавания РКИ» [23, с. 338].

В работе с ФЕ студенты решают различные коммуникативные задачи, «втягивающие» их в ситуацию и «провоцирующие» на предположения, оценки, поиски эквивалента, иначе говоря – задачей является поместить обучаемых в ситуацию фразеологического фона с целью включения их в дискуссию, в которой звучит их собственное мнение, оценка и восприятие семантического поля фразеологизма.

Существующие ФМ и учебники по фразеологии ориентируются на общую характеристику человека и его деятельности: внешность, характер, поведение, семью, близкое окружение, связь с окружающей средой.

Каждая пара языков, при наличии немало общего или подобного пласта ФЕ, всегда предлагает свои уникальные единицы и соответствия, поэтому невозможно создать универсальное руководство по созданию ФМ РЯ. Можно говорить об общей основе, которая будет включать формулы речевого этикета, единицы, характеризующие человека и элементарные сравнения.

ФМ для носителей языка должен включать частотные и культурно значимые единицы языка, зафиксированные в художественной литературе и используемые в современной устной речи, т.е. при сохранении «связи времён» в сознании обучаемого необходимо формировать понимание того, что язык постоянно обновляется, и наиболее «консервативные» единицы языка, как фразеологические, не являются исключением. ФМ для пользователей языка в идеале должен включать минимум, общий для всех инофонов, независимо от их родного языка, а также составляющую, учитывающую специфику территориально-культурных взаимосвязей родного и изучаемого языка. ФМ, как и любой язык в целом – постоянно развивающаяся живая система, в которой происходят изменения. Во фразеологии изменения протекают значительно медленнее, чем в лексике, тем не менее, они всегда взаимосвязаны с общими процессами в текущей истории народа. Первые двадцать лет XXI века характеризуются значительными изменениями, вызванными процессами глобализации. К 2020-м годам назрел вопрос необходимости введения во ФМ РЯ накопившихся в языке нового времени фразеологических инноваций.

5. Новые фразеологизмы с семантикой цветообозначения

В запасе фразеологии в наше время увеличивается количество единиц, в состав которых входят цветообозначающие прилагательные (колоронимы). Цвет присутствует не только в будничной жизни, где каждый встречающийся нам предмет окрашен и модные цвета меняются ежегодно. Цвет является маркером языковой категоризации явлений, возникающих в процессе жизнедеятельности человека. Поэтому вопрос отражения категории цвета в различных сферах сегодня становится значимым, а в особенности актуальным он видится во фразеологии, т. к. именно в относительно новых, недавно оформившихся единицах отражаются общие тенденции развития глобализирующегося мира.

В учебной литературе бывают представлены архетипичные отношения 'добро – зло', в которых фигурируют два первичных цвета – белый и чёрный. Однако репрезентация цветосемантики во фразеологии этими двумя колоронимами не ограничивается. Анализ материалов современных СМИ показывает, что особо активными в современной периферийной фразеологии во всех мировых языках становятся колоронимы *серый* и *зелёный*. Они отражают общие для всех национальных экономик тенденции: (1) наличие «серого» сегмента в мировой экономике (*серая экономика*) и (2) развитие вектора бережного использования природных ресурсов (*зелёный туризм*).

Колоронимы несут огромный содержательный и эмоциональный потенциал. Кроме разносторонних характеристик человека, предметов, явлений и действий они используются для систематизации понятий (чаще искусственно созданных, например, государственная символика, системы оповещения населения об опасности, политических и других категорий (*коричневые, зелёный, зелёный маркетинг, белый офицер, красное движение*). Колоронимы являются трансляторами эмоций, отражают различные реакции носителей языка, а также указывают на инновации, происходящие в экономической и социальной сферах (*серая зона, белая экономика, чёрные деньги*) [10].

Целесообразность включения ФЕ с семантикой цвета во ФМ обусловлена рядом причин, возникших на переломе веков. Множество фразеологизмов с компонентом-колоронимом было известно в XX веке и ранее, они зафиксированы в словарях. Фразеологические инновации не входят в словари, многие единицы относятся к периферии фразеологии, или к разряду *социальной фразеологии*.

Под социальной фразеологией понимаем межъязыковой пласт устойчивых выражений, которые носят интернациональный характер и с одинаковым значением используются в славянских и неславянских языках. Периферийность таких единиц определяется сферой их применения – это публичный дискурс, публицистические и аналитические тексты. В отличие от традиционной фразеологии, социальная не черпает свои ресурсы из разговорного языка, а чаще всего представляет собой заимствования из английского. Периферийная социальная фразеология включает такие единицы, как *белая экономика*, *серая экономика* и др.; также выражения, называемые *политической фразеологией*, которая имеет разное происхождение (*отмывание грязных денег*, *эшелоны власти*, *политический бомонд*).

Присутствие этих единиц практически во всех языках мира даёт возможность в процессе обучения рассматривать процессы фразеологической неологии в сравнительном ключе.

Например, серый цвет представлен в русском языке такими известными в XX в. устойчивыми сочетаниями, как *серый день*, *серая мышь*, *сивый мерин*, *серый кардинал*. На переломе веков количество единиц с колоронимом *серый* значительно возросло. Импульсом для неологизации лексики и фразеологии во всех европейских и неевропейских языках стала складывающаяся трехкомпонентная модель: белая экономика (официальная) – серая экономика (полуофициальная) – чёрная экономика (неофициальная). В русском языке мы встречаем единицы *«серая» экономика*, *«серый» импорт*, *«серый» нал*, *«серая» зарплата*, *«серые» кредиты*, *«серые» схемы*, *«серый» курс*, *«серый» пункт*, *«серая» техника* и др. Названные экономические схемы актуализируют семантику серого цвета.

К инновациям относятся и единицы с колоронимом *зелёный*: *зелёный маркетинг*, *зелёный туризм*. Экологический подход сегодня популярен, что неизбежно отражает каждый язык.

При изучении фразеологизмов с компонентом-колоронимом нужно обратить внимание студентов на такой аспект, как возникновение нетрадиционной синонимии цвета, реализующейся лишь в сфере фразеологии. Особая синонимия возникает в паре прилагательных *чёрный* – *розовый*. Семантика отражает не реальность, а субъективное восприятие: *видеть / расписать (всё) в чёрном свете* – *видеть в розовом / радужном цвете / свете*.

Включение ФЕ с семантикой цвета во ФМ станет наглядным показателем того, что фразеология не является застывшим пластом языка. Приведённые примеры отражают неразрывную связь современных экономических процессов с инновациями в языке и во фразеологии в частности. Поэтому введение цветообозначающих ФЕ во ФМ любого языка на данный момент кажется целесообразным и своевременным.

Заключение

Русский язык входит в первую десятку по количеству носителей, по разным статистическим данным, в XX в. он находился на пятом-восьмом месте, после распада СССР число изучающих русский язык сократилось. Родным русский язык является приблизительно для 150 миллионов человек, и вторым языком для 113 миллионов человек. Эти показатели объясняют факт, что работа над «продвижением» русского языка в общемировом масштабе в советскую эпоху являлась одной из главных задач масштабной культурной политики СССР, а создание ФМ РЯ входило в задачи языковой политики. Идея необходимости изучения фразеологии при изучении родного и иностранного языка ни у кого не вызывала сомнения. Учёные, работавшие над созданием ФМ, сходятся во мнении, что его варианты, созданные на протяжении XX века, не сняли актуальности проблемы.

Фразеологизмы как единицы эмоциональные, делающие речь более яркой и образной, присутствуют в устной речи и классической литературе. Потому наравне с лексическим минимумом студенты должны осваивать и минимум фразеологический, который надо воспринимать как гибкое понятие. По мнению В. М. Мокиенко – *«минимум не может быть универсальным для каждого языка в силу своей изменчивости и зависимости от языкового уровня носителей языка»* [16, с. 333]. Таким образом, работа над ФМ – это бесконечный процесс, постоянная обновленческая деятельность, реагирующая на «уход» и «приход» ФЕ, их значимость в новых контекстах и частотность.

Фразеологический минимум надо понимать как варибельную конструкцию, включающую множество вариантов, приспособленных к каждой отдельной паре языков, вступивших в контакт в культурной, образовательной или переводческой ситуации. ФМ может

состоять из двух условных частей: единой для всех основы (формулы речевого этикета, элементарные сравнения и выражения, дающие основную характеристику человека), и «индивидуальной» части конкретной пары языков, созданной с учётом их национально-культурных связей и параллелей.

Общий набор ФЕ уже нашёл отражение в различных, вышеприведённых в данной работе учебниках. При сохранении этого устоявшегося слоя единиц необходимо отражать и современное состояние языка, поэтому целесообразным подходом является введение во фразеологический минимум отдельных периферийных единиц – фразеологических инноваций с компонентом-колоронимом, отражающих общие для современного мирового сообщества тенденции экономического и политического развития.

Литература

1. Баско Н. В. Русские фразеологизмы в ситуациях: учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 160 с.
2. Баско Н. В. Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских СМИ) / Н. В. Баско, Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг. – СПб.: Златоуст, 2016. – 198 с.
3. Буре Н. А. Русская фразеология. – LAP Lambert Academic Publishing, 2019. – 64 с.
4. Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся нац. школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1984. – 271 с.
5. Вальтер Х. Русская фразеология для немцев / Х. Вальтер, Т. Малински, В. Мокиенко [и др.]. – СПб.: Златоуст, 2005. – 232 с.
6. Вальтер Х. Русская фразеология для поляков / Х. Вальтер, В. Мокиенко, Е. Невзорова-Кмеч [и др.]. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. – 232 с.
7. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. – М.: МГУ, 1996. – 96 с.
8. Величко А. В. Когда есть о чём поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. – СПб.: Златоуст, 2016. – 188 с.

9. Ганапольская Е. В. Фразеологический минимум русского языка: реальность и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 496-516. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-496-516

10. Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, беларусов и чехов. – М.: Дикси Пресс, 2016. – 176 с.

11. де Кортэ Э. Проектирование учебного процесса: создание высокоэффективных образовательных сред для развития навыков саморегуляции. // Вопросы образования / Educational Studies. – 2019. – № 4. – С. 30-46.

12. Кохтев Н. Н. Русская фразеология (учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык) / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – М.: Русский язык, 1990. – 306 с.

13. Максяшина Ю. А. Фразеологический минимум русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 14 с.

14. Мартынюк А. П. Русско-немецкий фразеологический словарь-минимум. – М., 1969.

15. Мокиенко В. М. Современная паремиялогия (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6-20.

16. Мокиенко В. М. Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (проблемы методики освоения фразеологизмов) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – № 15 (3). – С. 333-345.

17. Никитина Т. Учебное пособие по фразеологии как средство формирования лингвострановедческой компетенции иностранных студентов // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. – 2016. – 1. – С. 188-199.

18. Пугачева Л. С. Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2011. – № 129. – С. 192-198.

19. Сазонова И. К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка (пособие для иностранца). – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 136 с.

20. Резвая Е. В. Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов: нефилологических специальностей русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 136 с.

21. Телия В. Н. Объём фразеологии и типы её единиц / В. Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

22. Ткаченко Н. Г. К вопросу о русской фразеологии (лингвистический и методический аспекты) // Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти Г. И. Рожковой. №6. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 60-69.

23. Фан Цзин. Концепция обучения русской фразеологии в китайской аудитории // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 1 (48) – С. 337-340 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obucheniya-russkoy-frazeologii-v-kitayskoy-auditorii> (дата обращения: 19.11.2020).

24. Федуленкова Т. Н. Современная фразеология и фразеодидактика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2005. – Вып. 2, № 11 (51). – С. 35-39.

25. Фразеология и фразеодидактика: актуальные проблемы: сборник научных трудов. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – 204 с.

26. Шушарина И. 250 фразеологизмов русского языка для иностранцев. – М.: Флинта, 2019. – 120 с.

27. Эмирова А. К теории двуязычной фразеографии / А. Эмирова, Л. Ройзензон // Учёные записки Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова. Серия XII: Языки и литература. – 1976. – № 1. – С. 86-93.

28. Яранцев Р. И. Справочник по русской фразеологии для иностранцев (выражение эмоций). – М.: Издательство Московского университета, 1976. – 92 с.

29. Kalita I. (Калита И.) Практика речевого общения I / Konverzace v ruštině. Díl I – Ústí nad Labem: UCP UJEP, 2013. – 256 с.

30. Mokienko V., Stěpanova L. Ruská frazeologie pro Čechy / Русская фразеология для чехов. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. – 259 s.

31. Mlacek J., Ďurčo P. a kol. Frazeologická terminológia. – Bratislava: Stimul, 1995. – 160 s.

32. Pięcińska A. Co raz wejdzie do głowy już z niej nie wyleci. – Kraków: Universitas, 2006. – 227 s.

33. Pekarovičová J. Slovenčina ako cudzí jazyk z pohľadu aplikovanej lingvistiky (K sedemdesiatke Petra Baláža) // SLOVENSKÁ REČ. – 1998. – Č. 4(63). – S. 210-220.

34. Rybicka E. Nie taki diabeł straszny. Podręcznik frazeologii polskiej dla obcokrajowców. – Kraków: Uniwersytet Jagielloński. 1990. – 212 s.

35. Sułkowska M. Z zagadnień frazeodydaktyki, czyli o kształceniu przyszłych nauczycieli języków obcych w zakresie związków frazeologicznych. // Nauczyciel języków obcych dziś i jutro. – Poznań/Kalisz. – 2009. – S. 237-247.

36. Sułkowska M. Typowość i struktury prototypowe we frazeologii oraz ich znaczenie dla frazeodydaktyki. // Poradnik Językowy. – 2010. – № 6. – S. 48-61.

37. Sułkowska M. Dydaktyka frazeologii – sukces czy porażka? // J. Sujęcka-Zajac, A. Jaroszewska, K. Szymankiewicz, J. Sobańska-Jędrych (red.) Inspiracja. Motywacja. Sukces. Rola materiałów dydaktycznych i form pracy na lekcji języka obcego. – Warszawa. – 2014. – S. 295-312.

38. Sułkowska M. Frazeodydaktyka i frazeotranslacja jako nowe dyscypliny frazeologii stosowanej. // Applied Linguistics Papers. – 2018. – №25 (2). – S. 69-181.

39. Szafraniec K. Nauczanie frazeologizmów w metodzie komunikacyjnej // ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS. Kształcenie polonistyczne cudzoziemców. – 2013. – № 20. – S. 103-110.

II. ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМУ МИНИМУМУ

Введение

Разница между т.н. «большими» и «малыми» языками состоит в реализации целей глобального характера. Как правило, большие по количеству носителей языки стремятся к дальнейшему продвижению в общемировом масштабе. Наравне с функцией национального языка, нацеленной на обеспечение внутригосударственных коммуникативных нужд, «большой» язык занимается масштабной «саморекламой» на внешнем «языковом рынке». Для решения этой задачи государство формирует ряд систематических мероприятий и обеспечивает их финансовую поддержку – т.е. разрабатывает языковую политику и языковой менеджмент.

Большинство «малых» языков остаются языками для внутригосударственного пользования. И в тех случаях, когда язык с малым количеством носителей не встречает преград в своём развитии, он практически не выходит за рамки своих географических границ. В наиболее выгодном положении находятся национальные языки, выполняющие роль единственного государственного языка. При возникновении определённых условий, такой язык может стать востребованным со стороны иностранцев, для «малого» языка – это большой шанс упрочить свои позиции и увеличить количество носителей. Практическое решение задачи международной репрезентации национального языка переходит в компетенцию системы образования, которая должна подготовить программу мер, предусматривающих формы и методы обучения национальному языку как иностранному. Опыт показывает – когда появляется возможность обучать языку иностранцев, в скором времени возникает необходимость создания фразеологического минимума языка. Об этом наглядно свидетельствует история создания русского фразеологического минимума.

Не углубляясь в историю чешского языка, отметим, что он пережил периоды неравноправного сосуществования с немецким, критическую точку абсолютного «истощения», которая в результате привела к национальному Возрождению. История XX века – объединённой Чехословакии дала пример равноправного сосуществования чешского и словацкого языков в одном государстве. Последовавший

в 1993 году распад Чехословакии, т.н. «бархатный развод», изменил культурно-образовательный ландшафт Чехии и Словакии, оставив каждому народу только один язык, удалив из телепрограмм, школы и других социальных сфер, ставший привычным, второй язык.

После вхождения в 2004 году Чешской Республики в Европейский союз, чешская система образования следует принципам «Общеввропейской системы уровней компетенции владения иностранным языком (CEFR)» [42], что даёт реальные положительные результаты для развития системы сертификационных образовательных уровней, позволяя чешскому языку из «языка для внутреннего пользования» перейти в группу языков «внешней репрезентации». Продвижению чешского языка (ЧЯ) и увеличению количества его пользователей способствует прежде всего: 1) выгодное географическое положение страны в центре Европы и сохранившиеся памятники архитектуры, что привлекает в Чехию большое количество туристов; 2) возможность бесплатного обучения для иностранцев в государственных вузах на общих основаниях – на чешском языке; 3) программы по трудоустройству иностранцев, предлагаемые Правительством ЧР. Всё это ставит новые задачи перед системой образования и переводит обучение чешскому языку в новую практическую плоскость – актуальной задачей становится разработка системы обучения чешскому языку как иностранному (ЧКИ).

Данная часть носит обзорный характер, её основная цель – представить этапы, обусловленные историческими событиями, которые привели чешских богемистов к осознанию необходимости более систематичного подхода к введению фразеологии в преподавание чешского языка в начальных и средних школах Чехии, а в последствии – к необходимости создания фразеологического минимума чешского языка для иностранных студентов.

1. Обучение чешскому языку как родному – «поиски» путей к фразеологии

Научный и методический интерес к фразеологии в Чехии имеет свои давние корни, пословицы и поговорки заняли своё место ещё в дидактике Я. А. Коменского (1592-1670). После её использования автором, традиция известного педагога развивалась по прерывистой линии, время от времени возникали издания учебного харак-

тера, преподносившие фразеологический и паремиологический материал преимущественно в чешско-немецком сравнительном аспекте. Такой подход объясняется непосредственным соседством двух народов и историческими событиями. Следует отметить, что уже во второй половине XIX века существовали учебники, включавшие фразеологический материал, которые были адресованы ученикам разных уровней чешских школ. Это «Примеры чешско-немецкой и немецко-чешской фразеологии: с приложением образцов чешского стиля старого и нового / составлено специально для обеспечения нужд средних школ» Я. Малего (Malý, 1868) [31] и «Хрестоматия для второго класса средней школы» Ф. Бартоша (Bartoš, 1883) [2].

«Учебники чешского языка и школьных грамматик (напр., школьная грамматика Я. Гебауера, использовавшаяся в школах с 1890 г.) включали в себя и фразеологические примеры с грамматическими фактами (напр., предложный падеж суш.: *mít něco na srdci (na paměti, na mysli), mít něco na jazyku*). Источником таких ФЕ был и фольклор, и классическая чешская литература, такого рода материал был составной частью учебников, изданных во времена первой Чехословацкой Республики. Следовательно, в чешской среде ФЕ сначала служили не коммуникативным целям, а были инструментом определения языковых явлений и соответствующих упражнений в рамках грамматического учебного материала» [53, с. 61-62].

В начале XX века выходит «Иллюстрированная фразеология и пословицы» Й. Лады (Lada, 1924) [32], на которой выросло не одно поколение, и, которая до сих пор не потеряла своей ценности. В это время увеличивается количество учебных изданий, посвящённых фразеологии, и не только чешской:

– Шилга А. (Šilha, 1926) «Чешско-немецкая фразеология: разговорная книга и незаменимое руководство для школы, офиса и частного обучения, содержащее более 4000 статей в алфавитном порядке и почти 10000 практических предложений и поговорок» [44];

– Гнатэк В. (Hnátek, 1937) «Забавная английская фразеология: для завершения курса английского языка» [24];

– Форманкова-Кубинова А. (Formánková-Kubínová, 1939) «Чешско-немецкая конверзация и фразеология: представленная в алфавитном порядке по главному чешскому слову в предложении» [15];

– Кубелка В. (Kubelka, 1937) «Чешско-немецкая фразеология в обучении немецкому языку I.: для учителей и школьников» [34].

Начиная с 1930-х годов в Чехословакии регулярно выходили пособия, содержащие фразеологию для специальных целей, как например:

– Крейчи Т. (Krejčí, 1932) «Немецкая деловая переписка: фразеология и глоссарий для государственных торговых школ» [33];

– Махт А. (Macht, 1941) А. «Фразеология современной и практической немецкой деловой корреспонденции: для торговли, предпринимательства, официальных учреждений, банков, финансовых учреждений, страховых компаний, перевозчиков, экспортёров, импортёров, представителей и для торговых школ» [30];

– Петрасек И. (Petrásek, 1941) «Методическая хрестоматия немецкого письма по системе Хероутовой-Микуликовой: деловая фразеология, диктанты, чтение» [38].

Гораздо позже вышло небольшое пособие «Краткий обзор русско-чешской фразеологии» Н. Пухляковой (Puchlĵaková, 1958) [39], предназначенное для вузов.

В первой половине XX века фразеологические единицы использовались в чешских учебниках с разными целями – в основном для более наглядного подхода при изучении грамматики и стилистики, но не с целью изучения фразеологии как дисциплины или репрезентации фразеологизмов в качестве активных средств языка. К концу 1960-х – началу 1970-х годов фразеологизмы практически исчезли из учебников чешского языка для средних школ. В 1971 году на эту проблему реагируют методические указания «Фразеология при обучении (рекомендации): методический лист» (1971) [43].

Вопрос введения фразеологии в обучающий процесс в Чехии поднимался в публикациях М. Чеховой, отмечавшей, что чешский язык гораздо более идиоматичен, чем кажется на первый взгляд [8, с. 151]. Будучи автором учебников чешского языка, начиная с 1970-х годов М. Чехова включала в задания для средних школ упражнения, ориентировавшие учеников на работу с фразеологизмами. Однако эта работа носила несистематический характер [6, с. 145]. Осуществившаяся на переломе XX-XXI веков реформа школьного образования обозначила необходимость включения фразеологизмов в образовательный процесс на всех этапах обучения. Эта реформа во многом явилась продолжением событий 1989

года. Её результатом стало более пристальное внимание к фразеологии на всех этапах обучения, включая высшее образование.

Й. Гасил предлагает в планы бакалаврских специальностей ввести предмет «Чешская фразеология», целью которого должно стать ознакомление студентов не только с теоретическими основами фразеологии, но прежде всего – с её практической стороной, т.е. с наиболее частотными единицами современного чешского языка. Составляющей данного предмета должен быть активный практикум, т. к. неправильное использование фразеологизмов ведёт не только к нарушению речевого этикета, но и к созданию коммуникативных барьеров. В качестве основы для нового предмета Й. Гасил предлагает использовать содержание спецкурса «Фразеология», реализуемого на кафедре богемистики Педагогического факультета Университета им. Яна Евангелисты Пуркине в г. Усти над Лабем, и спецкурса «Аспекты и использование фразеологии», проводимого Институтом богемистики на Философском факультете Карлова университета в Праге [52, с. 37]. В дальнейшей разработке чешской традиции фразеологического просвещения Й. Гасил предлагает следовать принципу, описанному польским лингвистом М. Баловским (M. Balowski) [3, с. 49-56], и считает, что преподаватель чешского языка при обучении небогемистов должен отдавать предпочтение семантико-прагматическому подходу, небогемисты и богемисты должны уметь определить значение используемых фраз при восприятии и реализации чешской коммуникации, соответствующих уровню их знаний. В обучении богемистов-иностранцев предпочтение также должно быть отдано семантико-прагматическому подходу, при этом должен использоваться и структурно-грамматический подход [52, с. 36].

2. Обучение чешскому языку как иностранному – первые шаги

В 1955 году вышел первый учебник и хрестоматия чешского языка для польских школ, подготовленные авторским коллективом под руководством Я. Белича (J. Bělíč). Эти издания были адресованы ученикам польских школ Чехословакии, работавшим в приграничном с Польшей Тешинском регионе. В истории чешского образования это было первое издание, в котором чешский язык преподавался как иностранный. Авторский коллектив исходил из

факта близкородственности двух языков, а потому основным рабочим методом был избран сравнительный. Такой подход ориентировал учеников на выявление общего и различного в двух языках. Позже, в 1977 году вышла книга И. Дамборского, посвящённая компаративному исследованию чешской и польской лексики и фразеологии (J. Damborský: «Studia porównawcze nad słownictwem i frazeologią polską i czeską»).

Во второй половине XX века возможность изучать чешский язык иностранцам предоставлял Карлов университет в Праге, где с 1956 года начала работать кафедра чешского языка для иностранцев. Однако более живой интерес к Чехии и чешскому языку со стороны иностранцев возникает после Бархатной революции 1989 года. Вопросы обучения чешскому языку как иностранному нашли отражение в сборниках проводимых в Чехии конференций. С целью создания постоянной платформы для обсуждения вопросов теории и практики обучения на всех уровнях школ, на педагогическом факультете Карлова университета в Праге был основан журнал «Иностранные языки» («Cizí jazyku»).

3. Бархатная революция – стартовый рубеж для создания фразеологического минимума чешского языка

Чешский язык входит в седьмой десяток по количеству говорящих на нём, общее число его носителей и пользователей – около 13 миллионов человек, из них более 2,5 миллионов проживают за границами Чехии.

Бархатная революция открыла границы для чехов, желавших выехать за рубеж, а также для иностранцев, искавших возможности реализации в Чехии. По мнению М. Хадковой, этот *живой зарубежный контакт* стал для Чехии одним из самых ярких результатов 1989 года. Возникли не только двухсторонние возможности путешествовать, устанавливать личные и рабочие контакты с иностранцами и зарубежными компаниями, но также иностранцам была предоставлена новая возможность – учиться, работать и жить в Чешской Республике. Изменения геополитической ситуации в Европе начала 1990-х годов обусловили интерес Чешской Республики к международному сотрудничеству, и не только в рамках европейских структур, они также поставили новые задачи в практической области репрезентации чешского языка для иностран-

цев [17]. В этом контексте на повестку дня встал вопрос об изучении фразеологии в рамках чешского языка как иностранного. Началась теоретическая разработка методики обучения, ориентированная на новые условия.

Необходимость репрезентации ЧКИ начиная с 1990-х годов обсуждалась в публикациях К. Гроновой, М. Грдлички, М. Чеховой, Й. Гасила, М. Хадковой, Г. Конфортиовой, М. Чадской (например, М. Hrdlička [25], [26], М. Čechová [6], [7], [8], [9], [10], [11], J. Hasil [20], [21], [22], [23], М. Hádková [14], [16], [17], [18]) и других, однако сам процесс обучения начался позже, и прежде всего в Праге. Опыт обучения чешскому языку как иностранному обобщён в книгах К. Гроновой «Чешский язык как иностранный» (Hronová «Čeština jako cizí jazyk», 1993) [27], «Иностраннный язык – чешский» М. Грдлички (Hrdlička «Cizí jazyk čeština», 2002) [25], «Чешский язык с другой стороны» (Hádková «Čeština z druhé strany», 2008) М. Хадковой [16]. «Чешский язык как иностранный в европейском контексте» (Šindelářová «Čeština jako cizí jazyk v evropském kontextu», 2008) Я. Шинделаржовой [51].

4. XX век: проблемы, мнения, перспективы

Обучение ЧКИ в первое десятилетие XXI века имело свои недостатки – к преподаванию на практических курсах чешского языка для иностранцев привлекались люди, не имевшие специальной подготовки и образования, главным критерием было то, что учитель был чехом – т.е носителем чешского языка [14, с. 56]. Со временем этот процесс вошёл в нормальное русло, началась разработка курсов чешского языка для иностранцев, после обучения на которых иностранец мог поступить на обучение в чешский вуз.

Создание чешского ФМ, несмотря на довольно продолжительную, хотя и прерывистую традицию репрезентации фразеологии, в настоящее время в Чехии находится в зародышевом состоянии, его формирование относится к разряду поставленных задач эпохи. Необходимость ФМ чешского языка констатируют И. Гасил [52, с. 33], Я. Шинделаржова, С. Шкодова [50] и многие другие, хотя задача формирования минимальных фразеологических компетенций при изучении чешского языка как иностранного для уровня В2 была определена ещё в 2005 году. Изданный Министерством образования, молодёжи и спорта Чехии официальный документ

«Чешский язык как иностранный. Уровень B2, отвечающий стандарту Общеввропейских компетенций владения иностранным языком. Как изучаем языки, как учим и как оцениваем» [1, с. 187] относит знание фразеологических и идиоматических единиц к социокультурным компетенциям, понимание которых требует знания исторических или культурно-исторических реалий. В нём приводятся такие ФЕ, как например *dopadnout jak sedláci u Chlumce*, то есть ‘плохо’ (аллюзия на крестьянские бунты и их насильственное подавление в Хлумце над Цидлиной в XVIII веке), *má se jako Pánbůh ve Frankrajchu* – ‘хорошо, отлично’, *mít řečí jako Palacký / Palackej* – ‘много говорить’, и другие наиболее частотные единицы.

Несмотря на недостаточную теоретическую базу, определённые практические наработки в области обучения иностранцев чешской фразеологии имеются – к ним можно отнести прежде всего трёхязычный «Интерактивный фразеокультурный словарь» В. Мокиенко, Я. Шинделаржовой, Д. Балаковой [35]. В обучении фразеологии чешского языка как родного может быть использован хорошо разработанный материал М. Кршиванцовой, в котором задействованы образы сказочных героев, отражённые сквозь призму чешской фразеологии [29].

Важную роль в продвижении идей изучения чешского языка как иностранного сыграл Международный симпозиум «Чешский язык в мире и мир в чешском языке», состоявшийся в Праге в 2013 г., на котором, в ряду прочих вопросов, обсуждалась также фразеодидактика.

В 2016 году создание ФМ чешского языка как иностранного своей целью провозгласила В. Скибина [40]. Констатируя факт недостаточности теоретической базы – то есть с точки зрения фразеодидактики, она видит потенциал развития работы над ФМ в использовании языковых корпусов [41]. Вслед за Я. Шинделаржовой, приводящей статистику: по состоянию на 31 января 2016 г. в Чехии имеют временное или постоянное место жительства 106 182 украинцев, 35 083 россиян и 4 828 беларусов [48], В. Скибина заостряет внимание на факте роста количества восточных славян в Чехии, а следовательно – необходимости учёта особенностей русскоговорящих иностранцев [40]. Своей задачей В. Скибина видит создание ФМ чешского языка, ориентированного на русскоязычный контингент Чехии.

Значительный вклад в теоретическую разработку вопросов фразеологии и фразеодидактики, а также практическое внедрение ФЕ

в процесс обучения в Чехии принадлежит Я. Шинделаржовой, последовательнице идей М. Чеховой. Её многолетний опыт преподавания чешского языка как родного и иностранного разным возрастным и национальным группам обучающихся подтверждает, что

«“мир в картинах“ и “картина мира“ в дидактическом понимании Я. А. Коменского занимают и в наше время значимое место в обучении, ибо составляют неотъемлемую часть коммуникативной компетенции иностранцев в общении, позволяют вникнуть в культурологический контекст другого народа и показать различные перспективы взглядов на язык с позиции его носителей, а именно – в языковых, межъязыковых и внеязыковых обстоятельствах» [53, с. 60].

Изучение фразеологии при обучении родному и иностранным языкам Я. Шинделаржова (J. Šindelářová) расценивает как развитие, тренировку и усовершенствование способностей ученика / студента. Одним из наиболее эффективных методов обучения фразеологии в начальной и средней школе она считает метод языковой игры, включающий в процесс восприятия обучаемого эмоции. Именно эмоции, являющиеся неотъемлемой составляющей игр, и социальный контакт играют важную роль, т.к. игра предполагает взаимную интеракцию, в ней участвуют два – три человека или группа. Таким образом, социально обозначенные правила в рамках фразеологической игры являются более действенными, чем правила, предложенные абстрактно [49, с. 60]. Й. Гасил подчёркивает роль чтения и просмотра чешских фильмов, естественной языковой среды, которая функционирует также на чешских сайтах и в социальных сетях. По его мнению, при подаче фразеологии на занятиях чешского языка ключевая роль принадлежит учителю, его креативности и изобретательности. Учебник находится на втором месте [52, с. 37].

Формирование коммуникативных компетенций иностранцев, проживающих в Чехии, является задачей каждого уровня образования, начиная от начальной школы. В 2016/2017 учебном году в начальных классах количество иностранцев составляло 2,3% (20 237 чел.) от общего количества учеников (885 951 чел.), пятёрка наиболее многочисленных групп эмигрантов была представлена следующим количеством учеников: украинцы (5 332), словаки (4 505), вьетнамцы (4 003), русские (1 484), болгары (511) [36, с. 24].

Исследования уровня фразеологической компетенции в русском как родном и в чешском как иностранном языке, проведённые Я. Шинделаржовой, позволили проследить употребление ФЕ в коммуникации русских, проживающих в Чехии более пяти лет, и посещающих чешские школы. Фразеологические компетенции исследовались на базе 800 русских респондентов-учеников пятых классов (110 чешских и 110 русских примеров устойчивых сравнений) и показали относительно хороший результат знания опрошенными учениками набора чешских и русских устойчивых сравнений, при том, что их пассивное знание в обоих языках преобладает над активным.

Безусловно, к наиболее простым для усвоения единицам относятся базисные знания – формулы речевого этикета: приветствия, прощания, благодарения, извинения. На начальном этапе также рекомендуется знакомство с устойчивыми сравнениями – эти единицы встречаются в каждом языке, имеют общую структуру и относительно легко воспринимаются в сравнительном аспекте.

«Операция сравнения – самый древний вид интеллектуальной деятельности человека, она лежит в основе суждений о сходстве и различии объектов. УС базируются на компонентах логического сравнения, но во фразеологическом сравнении есть показатели образности: *zpívát jako slavík / петь как соловей; smát se / chechtat se / řehnat se jako blázen / смеяться как сумасшедший* и т. п.» [53, с. 60].

Кроме того, родственные языки содержат много эквивалентных сравнительных оборотов, что способствует их скорейшему запоминанию.

Заключение

Вопрос необходимости обоснования методической целесообразности изучения ФЕ и необходимости создания ФМ чешского языка стал актуальным относительно недавно – в последнее десятилетие XX века. В определённой степени он стал следствием Бархатной революции 1989 года. Некоторые старшие чешские учёные-практики используют накопленный в этой области русский опыт, представители младшего поколения, не владеющие русским языком, такой возможности лишены. Работа над формированием чешского фразеологического минимума в настоящее время продолжается как в практической, так и в теоретической плоскости.

Несмотря на относительно короткий срок – тридцать лет, когда из языка «для внутреннего пользования» чешский язык превратился в язык, востребованный иностранцами, дидактиками чешского языка была проделана огромная работа в области преподавания чешского языка как иностранного. Чешский фразеологический минимум ещё не сложился. Однако на лицо результаты проделанной огромной работы – иностранцы, получившие сертификат после прохождения курсов чешского языка, на общих основаниях успешно обучаются в чешских вузах, многие из них после обучения остаются в Чехии.

Литература

1. Adamovičová A., Bischofová J., Cvejnová J., Gladkova H., Hasil J., Hrdlička M., Mareš P., Nekvapil J., Palková Z., Šára M. *Čeština jako cizí jazyk. Úroveň B2 podle „Společného evropského referenčního rámce pro jazyky. Jak se učíme jazykům, jak je vyučujeme a jak v jazycích hodnotíme“*. – Praha: Univerzita Karlova. – 2015. – 416 s.
2. Bartoš F. *Česká čítanka pro druhou třídu škol středních*. – Brno: Winiker, 1883. – 208 s.
3. Bałowski M. *Glottodidaktické otázky české frazeologie*. // *Co všechno slovo znamená*. – Ústí nad Labem: UJEP. – 2007. – С. 49-56.
4. Bělič J. a kol. *Język czeski. Podręcznik do nauki czytania, mówienia, gramatyki i pisowni (učebnice pro 5. tř.)*. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. – 274 s.
5. Čadská M. a kol. *Čeština jako cizí jazyk podle SERRJ – úroveň A2*. – Praha: MŠMT. – 2005. – 281 s.
6. Čechová M. *Frazeologie ve škole // Český jazyk a literatura*. – 1985/1986. – No 36 (4). – S. 145-150.
7. Čechová M. *Dynamika frazeologie // Naše řeč*. – 1986, – No 69 (4). – S. 178-186.
8. Čechová M. *Frazeologie v komunikaci // Jazyk a komunikácia v súvislostiach*. – Bratislava: Univerzita Komenského. – 2011. – S. 151-158.
9. Čechová M. *Zkušenosti z výuky češtiny u imigrantů a cizinců. // Bohemistika*. – 2007. – No (3). – S. 203-211.
10. Čechová M. *Řeč o řeči*. – Praha: Academia. – 2012. – 312 s.
11. Čechová M., Zimová L. *Začleňování žáků jinojazyčného původu do výuky češtiny // Český jazyk a literatura*. – 1999/2000. – No 50 (9/10). – S. 214-219.

12. Čermák F. Propoziční frazémy a idiomy v češtině // Frazeografia słowiańska. – Opole: Uniwersytet Opolski. – 2001. – S. 93-101.

13. Čermák F. Frazeologie a idiomatika česká a obecná. – Praha: Karolinum, 2007. – 718 s.

14. Hádková M. Dvacetiletí výuky češtině v roli jazyka nemateřského // Usta ad Albim Bohemica. – 2009. – No 9 (1). – S. 45-61.

15. Formánková-Kubínová A. Česko-německá konverzace a frazeologie: srovnaná v abecedním pořádku podle vedoucího českého slova ve větě. – Praha: A. Neubert, 1939. – 391 s.

16. Hádková M. Čeština z druhé strany. – Ústí nad Labem: PF, 2008. – 223 s.

17. Hádková M. Jazykový obraz světa a lingvodidaktika // Jazyk a komunikácia v súvislostiach. – Bratislava: Univerzita Komenského. – 2011. – S. 389-394.

18. Hádková M. Vliv flexivnosti češtiny na její výuku jako cizího jazyka // K některým problémům výuky češtiny jako cizího jazyka. – Praha. – 1997. – S. 44-55.

19. Hádková M., Linek J., Vlasáková K. Čeština jako cizí jazyk. Úroveň A 1, MŠMT ČR. – Praha: Tauris. – 2005. – 320 s.

20. Hasil J. Sociokulturní kompetence, nebo realie? // Sociokulturní složka výuky cizího jazyka a SERR. – Ústí nad Labem, Ratiboř: UJEP a Státní vysoká škola v Ratiboři. – 2008. – S. 127-137.

21. Hasil J. Jak nás vidí oni aneb Pohled cizinců na češtinu a na Čechy // Ty, já a oni v jazyce a v literatuře, 1. díl – část jazykovědná. – Ústí nad Labem: UJEP. – 2009. – S. 380-385.

22. Hasil J. Jak Češi a cizinci rozumějí ustáleným výrazům obsahujícím názvy peněžních jednotek // Jazyk, literatura a finance. – Ústí nad Labem: UJEP. – 2010. – S. 41-48.

23. Hasil J. Interkulturní aspekty mezikulturní komunikace. – Ústí nad Labem: UJEP, 2011. – 221 s.

24. Hnátek V. Zábavná anglická frazeologie: pro dokončení kursu angličtiny. – Praha: A. Neubert, 1937. – 108 s.

25. Hrdlička M. Cizí jazyk ČEŠTINA. – Praha: ISV, 2002. – 150 s.

26. Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyku. – Plzeň: Západočeská univerzita, 2010. – 245 s.

27. Hronová K: Čeština jako cizí jazyk. – Praha: Karolinum, 1993. – 115 s.

28. Komenský J. A. Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. – Praha: J. Otto, 1921. – 155 s.

29. Křivancová M. Pojd'te s námi do pohádky (Obraz pohádkových bytostí v české frazeologii) // Acta FF ZČU. – 2017. – No 9 (2). – S. 67-99.

30. Macht A. Frazeologie moderní a praktické německé obchodní korespondence: pro obchody, živnosti, úřady, banky, peněžní ústavy, pojišťovny, zasilatele, vývozce, dovozce, zástupce a pro školy obchodní. – Praha: A. Neubert, 1941. – 259 s.

31. Malý J. Ukázka fraseologie česko-německé a německo-české: s dodatkem vzorů českého slohu staršího i novějšího / ku potřebě zvláště škol středních sestavil = Proben böhmisch-deutscher und deutsch-böhmischer Phraseologie: mit einem Anhang von Beispielen älteren und neueren böhmischen Styles / zunächst zum Gebrauche für Mittelschulen verfaßt von Jakob Malý. – Praha: I. L. Kober, 1868. – 325 s. [Elektronický resurs]. – Режим доступа: <http://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:f9af3230-9952-11de-947d-000d606f5dc6?page=uuid:2e10fd77-d5c9-4189-a864-29ad40eeca98> (дата обращения: 12.12.2020).

32. Lada J. Illustrovaná frazeologie a přísloví. – Praha: Fr. Borový, 1924. – 93 s.

33. Krejčí T. Německá obchodní korespondence: frazeologie a slovníček pro veřejné školy obchodní. – Praha: Československá grafická Unie, 1932. – 222 s.

34. Kubelka V. Česko-německá frazeologie při vyučování němčině I.: pro učitele a žáky. – Brno-Král. Pole: Nová brána jazyků, 1937. – 67 s.

35. Mokienko V., Šindelářová M., Baláková D. Interaktivní frazeokulturologický slovník / Интерактивный фразеокультурный словарь. – 2012 [Elektronický resurs]. – Режим доступа: <http://sociocultur.ujep.cz/frazemy> (дата обращения: 12.12.2020).

36. Musil J., Říčan J. Cizinec ve třídě: pohled zevnitř. Metodika a průvodce pro učitele. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2019. – 158 s.

37. Pekarovičová J. Frazeodidaktika na pozadí slovenčiny ako cudzieho jazyka // Frazeologické štúdie II. – Bratislava: Esprima. – 1997. – S. 125-130.

38. Petrásek J. Methodická čítanka německého těsnopisu podle soustavy H[eroutovy]-M[ikulíkovy]: korespondenční frazeologie, dik-táty, četba. – Praha: Česká grafická Unie, 1941. – 54 s.

39. Puchlajaková H. Krátký přehled česko-ruské frazeologie. – Praha: SPN, 1958. – 65 s.

40. Skibina V. K problematice pojetí a stanovení frazeologického minima českého jazyka jako cizího. // Didaktické studie. – 2016. – No 8 (2). – S. 104-110.

41. Skibina V. Kritéria stanovení frazeologického minima pro výuku češtiny jako cizího jazyka // *Cizí jazyky*. – 2017/2018. – No 4. – S. 16-24.

42. Společný Evropský referenční rámec pro jazyky [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msmt.cz/mezinarodni-vztahy/spolecny-evropsky-referencni-ramec-pro-jazyky> (дата обращения: 12.12.2020).

43. Svobodová N. Frazeologie při vyučování (povely): metodický list. – Brno: Krajský pedagogický ústav, 1971. – 18 s.

44. Šilha A. Českoněmecká frazeologie: konveršční kniha a nepostrádatelná příručka pro školu, pisárnu i soukromé studium, obsahující přes 4000 abecedně seřazených hesel a skoro 10000 praktických vět a úsloví / napsal Antonín Šilha = Phraseologisches Lexikon Tschechisch-Deutsch: Konversationsbuch und unentbehrlicher Leitfaden für Schule, Kontor und Selbstunterricht, enthält über 4000 alphabetisch geordnete Schlagwörter, durch ungefähr 10000 praktische Sätze und Redensarten belegt / verfaßt von Anton Šilha. – Praha: Česká grafická Unie, 1926. – 232 s.

45. Šindelářová J. Lingvodidaktická koncepce výuky češtiny jako mateřského i cizího jazyka. // *Kontinuitné a diskontinuitné otázky jazykovej komunikácie*. – Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela. – 2007. – S. 184-189.

46. Šindelářová J. Znalost a chápání frazémů u cizinců // *Frazeologické študie V*. – Ružomberok. – 2007. – S. 343-357.

47. Šindelářová J. Čeština jako cizí jazyk v evropském kontextu. – Ústí nad Labem: UJEP, 2008. – 177 s.

48. Šindelářová J. Výuka češtiny z pohledu žáků-cizinců východoslovanského původu. – 2011 // *Metodický portál*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clanky.rvp.cz/clanek/c/GUH/9671/VYUKA-CESTINY-Z-POHLEDU-ZAKU-CIZINCUCU-YCHODOSLOVANSKEHO-PUVODU.html> (дата обращения: 12.12.2020).

49. Šindelářová J. Frazeologie a jazyková hra ve výuce mateřského jazyka // *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації*. – 2012. – Т. 25 (64). – № 2 (1). – S. 57-64.

50. Šindelářová J., Škodová S. Metodika práce s žáky-cizinci v základní škole. – Praha: MŠMT. 2012. – 135 s.

51. Šindelářová J. Čeština jako cizí jazyk v evropském kontextu. – Ústí nad Labem: Acta universitatis Purkynianae. 2008. – 176 s.

52. Гасіл Ї. Jaké místo zaujímá frazeologie ve výuce češtině pro cizince? // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – 2012. – Вип. 19. – S. 32-39.

53. Шинделаржова Я. Фразеологические сравнения в современном речевом узусе молодого русского поколения в чешской среде // Rossica Olomucensia. – 2018. – Vol. LVII. – Num. 1. – С. 57-72 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ff.upol.cz/fileadmin/userdata/FF/katedry/sla/dokumenty/rusistika/Rossica/Rossica_2018_1.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

III. СИНИЙ ЦВЕТ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРАХ РУССКИХ И ЧЕХОВ

Введение

Цвет сопровождает и реформирует сознание и жизнь человека от начала его существования. Интерес к изучению цвета возникал в разное время практически во всех областях знания. В разных странах им занимаются философы, физики, химики, искусствоведы, архитекторы, дизайнеры, лингвисты, а также представители производственных сфер, связанных с разработкой косметики, автомобилей, пищевых красителей и промышленных красок, производства тканей и других изделий и продуктов.

От древнего восприятия цвета – как загадки китайской и европейской философии (китайская «Книга перемен», трактаты Демокрита и Аристотеля) представления о цвете постепенно наполнялись научными знаниями, и к XVII веку исследования цвета приобрели более систематичный характер. Трактат И. Ньютона «Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света» (1704), «Учение о цвете» (1810) И. В. Гёте, разработки Э. Шрёдингера в области цветометрии создали научный базис для изучения функций цвета, который оказался полезен не только философам и физикам, но во многом определил дальнейшее исследование цвета как междисциплинарного явления. Искусствоведение привнесло в развитие теорий цвета новые классификации, несмотря на разную культурно-национальную принадлежность исследователей, значения художественной семантики цвета «перекликаются» в работах таких теоретиков искусства, как например, В. Кандинский и Й. Иттен.

XX век стал абсолютно новым этапом в восприятии, научном изучении и практическом расширении цвета. Выделение анилина в конце XIX века и вытекающая возможность его промышленного получения привели к запуску промышленного производства химических красителей. На смену трудоёмким, дорогим натуральным красителям пришли синтетические. В начале XX века цвет играет важную роль в рекламе и советском плакате, ещё больше возрастает его роль в рекламе постсоветского периода.

В 1963 году был основан Американский институт цвета (Pantone Color Institute), в 1967 году – международная Ассоциация цвета (AIC – International Colour Association). Логичным продолжением

стал выход книги Б. Берлина и П. Кея «Основные цветовые термины» (Basic Color Terms: Their Universality and Evolution, Berlin – Kay, 1969), проложившей путь к изучению цветосемантики в языке. Стоит упомянуть и более раннее издание, которое в научной литературе осталось практически незамеченным и недооцененным – это небольшое по объёму сравнительное исследование «Названия цветов и символическое значение их» (1884) чешско-русского филолога В. И. Шерцеля (V. Šercl 1846-1906).

Изучение языковой цветосемантики в СССР отмечено наличием множества подходов. Ставшая классической книга Н. Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» (1975) [6] посвящена исследованию цвета в исторической ретроспективе и основана на анализе письменных памятников восточных славян, начиная с XI века. Цвет является основным научным направлением трудов А. П. Василевича, исследующего названия цвета в русском языке древнего и современного периода. Различные аспекты языковой цветосемантики отражены в работах К. И. Масленниковой, В. В. Колесова, Р. М. Фрумкиной, Н. В. Злыдневой, Н. В. Серова, В. Г. Кульпиной, Д. Н. Борисовой, Д. Н. Поляковой, С. Н. Кузнецовой, С. С. Мищенко и других.

После распада СССР анализ вербального оформления цвета расширяет сферу своей деятельности на новые исследовательские поля. Во-первых, начинается изучение цвета в национальных языках новообразовавшихся государств – бывших союзных республик, что ведёт к более глубокой разработке понятия национальная картина мира, в которой особое «звучание» получает толкование цвета как элемента национальной культуры. Одновременно возникают работы, посвящённые сравнительному исследованию цветосемантики языков постсоветского пространства – сравнение проводится чаще всего с русским и английским языком. Во-вторых, важным и весьма популярным направлением становится исследование литературной цветописи, возникает ряд работ, рассматривающих творчество и произведения отдельных писателей с точки зрения индивидуально-авторской реализации колоронимов. Наряду с названными направлениями разрабатывается теоретический и терминологический аппарат лингвистики цвета – молодой дисциплины, синтезирующей знания сопредельных наук.

В сравнении с другими научными дисциплинами, лингвистика обратилась к изучению цвета позже. Публикации, посвящённые

роли и значениям цвета, имеют разную направленность, но практически все они подтверждают, что изучение лингвосемантики цвета невозможно без привлечения материала других дисциплин. Поэтому междисциплинарный подход является основным вектором современных исследований цвета.

Цвет как невербальный код культуры сочетает в себе «внешние» и «внутренние» свойства, обусловленные разделением цветов на холодные и тёплые. Каждая группа имеет свою специфику, и каждый цвет оказывает на психику человека конкретное воздействие. Вербализация этих цветных «импульсов» посредством лексики национальных языков отражает специфические – «внутренние» свойства и эмоциональную нагрузку.

Основной задачей данного исследования является анализ репрезентации синего цвета в национальных картинах мира двух славянских народов – русских и чехов. Мы рассмотрим колороним *синий* в его лексической и фразеологической реализации с целью выявления межъязыковых эквивалентов и лакун. Данная работа дополняет проведённые компаративные исследования семантики серой и тёплой (красный, розовый, оранжевый, жёлтый) цветовой гаммы, которые нашли отражение в ряде статей и книгах автора: «Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов и чехов» (2016) [11], «Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов» (2017) [12].

Используя компаративный метод, мы будем исходить из основных задач лингвокультурологии: выявление взаимосвязей двух рассматриваемых языков, описание фактов взаимодействия языка и культуры на различных уровнях, использование фразеологических единиц для объяснения типологически значимых явлений и выделения культураносного объёма фразеологии, содержащей колороним *синий*. Данное исследование проводится на основе словарного материала, извлечённого методом сплошной выборки из различных типов словарей, преимущественно фразеологических, изданных в разное время, и таким образом – запечатлевших разные срезы присутствия и восприятия синего цвета в двух славянских традициях. Анализ опирается не только на прилагательное *синий*, называющее собственно цвет, рассматриваются и другие части речи, различные типы устойчивых сочетаний – устаревших, актуальных и инновативных, т.к. все эти единицы являются культураносными информантами.

1. Синий – историко-этимологическая справка

Синий цвет относится к хроматичным холодным цветам и занимает промежуточное положение между зелёным и чёрным, в русском языке его обозначают двумя лексемами: *синий* – название тёмного цвета, *голубой* – название его светлого оттенка.

Синий – общеславянское прилагательное, связанное с праславянским *sinjь* (-a, -o), которое обозначает неяркие, тёмные оттенки – иссиня-чёрный, серовато-синий, свинцово-синий, по В. И. Далю – «тёмно-голубой, цветом гуще голубого» [8, с. 186], по П. Я. Черных – средний между «голубым и фиолетовым, более тёмный, более насыщенный и густой, чем голубой, цвета неба или моря» [34, с. 163]. Как и сам синий цвет, который человеческий глаз начал различать относительно поздно, так и его цветообозначение оформилось в восточнославянском ареале позже других – к XVIII веку. Хотя слово *синий* уже в XI веке использовалось для обозначения одного из цветов радуги. «В доузѣ свойства сѣтъ чрьвеною и сине и зелено и баграно. Изб. 1073 г. л. 247» [31, с. 356].

Этимологическое гнездо у М. Фасмера представлено следующим образом:

«сѣний синь, синя́, сѣне, укр. сіній, блр. сіні, др.-русск. синь, цслав. синь *πελιδνός*, *μέλας*, болг. син, сербохорв. сѣнь «сероватый, синий», словен. *sinji*, чеш., слвц. *siný*, польск. *sinu* Родственно сѣть (см.) или сѣвый, лит. *šūvas* «светлой масти», др.-инд. *śuāmás* «черный, темный», лит. *šėmas*, *šėmas* «пепельного цвета, сероватый»; см. Лёвенталь, *Farbenb.* 14; Перссон 32; Траутман, *BSW* 306; Зубатый, *AfslPh* 13, 418; Шпехт 121; Беценбергер, *GGA*, 1896, 966. Сюда не относится алб. *si* «глаз», вопреки Г. Майеру (*Alb. Wb.* 383) (см. *óko*). Созвучные фин.-уг. названия: фин. *sinii* «синий цвет», морд. м. *šeń*, э. *seń* «синий», мар. *šinziš* – то же; см. Сетэлэ, *FUF* 2, 250; Миккола, *Berühr.* 162; *ÅB* 75. Миккола смело предполагал заимств. из ир [См. еще Эрне, *Die slav. Farbenbenennungen*, Упсала, 1954, стр. 81 и сл. – Т.]» [33].

Н. М. Шанский, Л. В. Успенский, П. Я. Черных, А. В. Семёнов, Г. А. Крылов, Н. Б. Бахилина сходятся во мнении, что синий относится к группе слов *сив*, *сивый*, *сиять* с первоначальным значением ‘сияющий’, ‘сверкающий’, ‘блестящий’, также выводит чешскую этимологию слова Й. Рейзек. Он считает, что *siný* относится к общеславянской лексике, и приводит примеры однокоренных русского,

сербского и хорватского прилагательных, которые, по его мнению, связаны с праславянским *sin'ь*, развившимся, вероятно, из индоевропейского **skei-ni* от **skei-* ('svitit', 'lesknout se') – 'светить', 'блестеть'. Первичным Й. Рейзек считает значение 'majici barvu jasne oblohu' т.е. 'имеющий цвет ясного неба' [47, с. 573]. В древности обозначение синий было близко к светообозначению, сохраняющему семантику 'относящийся к свету, блеску' (в современном понимании – люксониму). Однако, как отмечает Н. Б. Бахилина, оно имело значение «не 'блестящий', 'сверкающий', а напротив, 'тёмный', 'тусклый', 'лишённый блеска, сияния'» [6, с. 176].

2. Краткие сведения о формировании цветообозначения «синий» в истории русского языка

В восточнославянских оригинальных и переводных письменных памятниках XI–XII вв. слов-цветообозначений насчитывается очень мало, при этом, как отмечает А. М. Панченко – «абсолютное большинство текстов, традиционно относимых к древнерусской художественной продукции, полностью или почти полностью лишено цвета» [25, с. 7]. По подсчётам Н. Б. Бахилиной, в этот период в письменных источниках используется около двадцати цветообозначений, а полное представление о цветовом видении и «чувстве цвета» восточных славян невозможно сформировать, т.к. «до нас не дошли речевые контексты, где возможно предполагать употребление цветообозначений» [6, с. 11]. В письменных памятниках среди общего количества лексем, обозначающих цвет, представленных преимущественно прилагательными, преобладают белый, чёрный и красный цвета, остальные, включая синий, встречаются редко. Не только у восточных славян, но и у многих древних народов смешивались синий и зелёный цвета, а также синий и чёрный. В процессе формирования цветового зрения присутствовала диспропорция между языком и реальными возможностями человеческого глаза [25, с. 4].

В переводных памятниках XI–XII веков цветообозначений немного больше, чем в оригинальных текстах восточных славян. В целом по количеству цветообозначений выделяются «Слово о полку Игореве» и «Хроника Иоанна Малалы». Синий цвет употребляется в «Слове о полку Игореве» в таких контекстах: на синѣмь море (19), синему морю (25), къ синему морю (24), на синѣ

морѣ (23), синего Дону (6), синѣ мъглѣ (35), синее вино (23), синии мльнии (12) (Бахилина 1975, 19); в «Хронике Иоанна Малалы»: «облечеса в ризу синю, и играа нань облечеса в зелену (VII, 20); облечеса в зелену котыргу и играа нань облечеса в Посидонь образъ, в синь еже есть вода (VII, 21); морю синю чясть (VII, 20); синии шарь (VII, 24)» [6, с. 20]; в «Девгиниевом евангелии»: шатѣр синь (150) [6, с. 21]; в «Житии преподобного Прокопия Устюжского»: «А на шей стране видех многое множество темныя силы демонов, видением черны и сини» [25, с. 4].

По мнению А. М. Панченко, в древней письменности цвет играет роль символа, синкретического представления, *«цвет был переживанием, уже чувственно недейственным»* [25, с. 4].

«Окаменение» способно распространяться на нейтральные цветовые характеристики, лишённые символической функции. *Сине море*, по мнению учёного, в «Слове полку Игореве» и «Слове о погибели Русской земли» – в цвете не осознавалось, это «окаменелость», отражающая этикетность в употреблении некоторых цветowych эпитетов [25, с. 12].

Синим цветом в древности обозначали водные поверхности: *на синемъ море, синего Дону*, некоторые природные явления: *синии молнии*, характеризовали внешность человека – чаще избитого, с синяками: *«кровавь мужь и синь»*. Эта же символика сохраняется и в наше время, с тем отличием, что в древних текстах синий обозначал ‘тёмный’ и ‘чёрный’, сейчас – обозначает конкретный цвет. По мнению Н. Б. Бахилиной, в XI–XII веках прилагательное *синий* как цветообозначение не выкристаллизовалось, *«в нём ещё сохранились какие-то черты более древнего состояния, когда оно было либо более многозначно, либо, напротив, называло просто тёмный цвет»* [6, с. 35]. К устойчивым выражениям этого времени относится ФЕ *сини очи*, обозначающая во многих памятниках пьяного человека.

В группу синего цвета входят прилагательные *зекрый (изекрый)* и *сизый*. Первое обозначает цвет глаз и цвет камня. По предположению Н. Б. Бахилиной, *зекрый* – это ‘светлоглазый’ [6, с. 36]. Слово *сизый* использовалось для обозначения цвета оперенья птиц. Прилагательное *голубой*, как цветообозначение, называет светлый оттенок синего, оно появляется в восточнославянских письменных текстах позже, чем синий, в деловых памятниках фиксируется в XIII–XIV веках [6, с. 36]. Прилагательное *синий* в эпоху древних

письменных памятников «было где-то на границе свето- и цветообозначения или, может быть вернее, будучи цветообозначением, в какой-то мере сохраняло свои старые качества светообозначения ...» [6, с. 175]. В следующие – XV-XVII века прилагательное становится более употребимым.

В XVII веке за счёт развития фольклора, деловых памятников и художественной литературы значительно увеличивается количество письменных текстов, развивается новый жанр – записки путешественников, для этих текстов свойственно более свободное отношение к цветообозначениям. Например, *соль красная и белая*, описание цвета одежды, тканей, цвета кожи, волос [6, с. 65]. В XVII веке группа синего цвета представлена тремя основными прилагательными *синий, голубой, лазоревый*, а также *васильковый* (только для обозначения цвета тканей), *сизый (сизовый)* – означает оперенье птиц (в фольклорных текстах) и цвет тканей (новая функция).

Что могло способствовать упрочению слова *синий* в качестве цветообозначения? Закономерным кажется ответ – распространение самого цвета в какой-либо форме. Формой «наполнения» жизненного пространства синим цветом в России стала одежда, как свидетельствуют источники, шитьё одежды было востребованным, а потому наблюдалась узкая специализация ремесленников: «портные мастера, шубники, сарафанники и пр. Шились одежды из тканей, делавшихся на посаде и привозных. На посаде находились холщевники, крашенники, суконники, сермяжники, колотильщики и другие» [35].

Третья часть «Торговой книги» (1575) – «О сукнах всяких» посвящена качеству и ценам на сукно: «Сукна смотрите, чтобы были краскою чисты, пѣжины бы и чалинь и полосъ не было, гниль выщупывай, и не мѣстоваты бы были» [32, с. 118]. В ней также дана информация о цвете:

«6. въ брюкишѣхъ середняя мѣра 35 аршинъ, а мѣрные приходятъ и больше; а цветъ въ брюкишѣхъ лучшій синь, лазоревъ, аспидень и голубъ; а подъ тѣми цвѣты бываетъ иной цвѣтъ рудо-жолтъ, свѣтлозелень и цѣнинень дешевле <...> [32, с. 118].

Из перечисленных сортов сукна разных производителей к наиболее качественным, дорогим и рекомендуемым автором «Торговой книги» относятся преимущественно сукна цветов *синь, темносинь, лазоревъ, голубъ*.

Высказанное Н. Б. Бахилиной предположение, что окрашивание одежды в синий цвет на Руси было распространено в древности, т.к. в памятниках XV-XVII веков присутствуют названия красителей (*синь, синило*), название ремесла *синильник*, выражение *синильный ряд, синь творити*, полностью подтверждается информацией из «Торговой книги» и рядом других неединичных письменных документов. Прежде, чем перейти к ним, отметим такую важную деталь, как наличие в русском языке XVII века синонимов для обозначения ремесленников, занимающихся красильным делом: *синильник* и *крашенник / крашенинник*.

«По описи 1620 г., в Галиче оставались лишь крашенинники – их продукция ввиду дешевизны и всеобщего разорения была наиболее ходовой – и 2 портных кропача: в трудное время галичане предпочитали шить одежду дома» [1].

П. С. Паллас отмечал, что своих синих красителей в Российской империи не было, правительство искало их источники. «<...> употребляют только в малой Росіи растущую траву, изъ которой выходит краска крутикъ. В прочемъ люди покупают у купцовъ брусковую краску и крутикъ, или синей сандаль, и оными красятъ обыкновеннымъ образомъ» [23, с. 98-99]. В книге «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773) П. С. Паллас перечисляет все натуральные красители – травы, информацию о которых он получил от местного населения во время своего путешествия, и отмечает, что крестьянки знали все красильные травы и собирали их в надлежащее время.

Н. Б. Бахилина высказывает предположение, что «для какого-то времени или территориально синий цвет одежды воспринимался как праздничный (или как цвет дорогой, городской одежды)» [6, с. 182], что также подтверждается различными источниками, включая письма к Екатерине Великой.

«Тогда, как другой Барон в синем кафтане (Барон Ч*. Они вместе были Камергерами) присоединяет голос свой к торжественным восклицаниям, окружающим трон Вашего Величества в славнейшее для России время, мне должно изъявить Вам радость мою заочно, мне, носящему на синем кафтане своём воротник из материи Вашего платья, а в сердце глубокое чувство Вашей славы!» [24].

Само слово *кафтан* в русском языке начало использоваться с XV века, оно обозначало мужскую домашнюю и верхнюю одежду. По кафтану часто визуально определяли достаток человека – по материалу, из которого он сшит: дорогих тканей, на дорогих мехах, с серебряными пуговицами, или из холщёвой домашней окрашенной ткани.

«Кафтаны в XV–XVII веках носили представители всех социальных слоёв русского общества в городах и в деревнях. <...> Будничные кафтаны шили из серого, коричневого, чёрного сукна домашней выделки, пониточкины, праздничные – из синего фабричного сукна, белого сукна домашней выработки, плиса» [30, с. 107-108].

В XVII веке наблюдается активный процесс предметной дифференциации синего цвета. Например, расписанный преимущественно *синей* краской фарфор и фаянс называли «*ценинными*» [27, с. 162]. *Синец* – сохраняющееся древнее обозначение беса, дьявола. В моде в то время были синие оттенки сукна на сукманы (кафтаны и сарафаны), а сами сарафаны называли *синяк*, *синюха*, *синетина*. Памятники XV–XVII веков фиксируют идиомы *синий лёд* – ‘весенний лёд’, *по синему льду* – ‘весной’.

Анализ любого явления языка в идеале должен основываться на рассмотрении его устной и письменной репрезентации, некоторые выводы о развитии синего цвета и его вербального обозначения в древний период можно делать лишь на основании сохранившихся письменных памятников. В диахронном исследовании истории колоронима в качестве опосредованного источника, запечатлевшего следы живой народной речи, можно рассматривать сказки. Безусловно, это факультативный источник, т.к. многие сюжеты сказок и языковые средства имеют «кочующий» характер. Тем не менее сказки ценны тем, что они опровергают «малоцветность» древнего мира восточных славян, о которой говорит научная литература. В работах Н. Б. Бахилиной [6], А. М. Панченко [25] утверждается, что авторы письменных восточнославянских источников древнего периода вплоть до XVII века избегали активного «включения» цвета, в то же время документы, касающиеся конкретных описей вещей, цвет используют, активен цвет и в языке русских сказок. Именно в сказках, наряду с *красным*, часто встречается колороним *синий*, и его старший вариант *синь*, включённый в примечательную форму *синь кафтан*, многочисленные примеры использования которой

можно встретить в записях А. Н. Афанасьева [3] и других русских фольклористов. Приведём несколько примеров.

«Я там была, мёд-вино пила, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синий кафтан; я пошла, а вороны летят да кричат: «Синь кафтан, синь кафтан!» Я думала: «Скинь кафтан», взяла да и скинула. Дали мне красный шлык. Вороны летят да кричат: «Красный шлык, красный шлык!» Я думала, что «краденый шлык», скинула – и осталась ни с чем» («Звери в яме») [3].

«Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак – башмак ей ладен. Он взял её замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» – взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» – взял да и бросил» («Золотой башмачок») [3].

«Фомка на то не согласен; взял короля в плен и покорил всё его королевство. Воротился из походу – царь встретил его с большим почётом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошёл пир на весь мир! И я там был, мёд-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто. Дали мне колпак, стали со двора толкать; дали мне шлык, а я в подворотню шмыг! Дали мне синь-кафтан; летят синицы да кричат: «Синь-кафтан, синь-кафтан!» А мне послышалось: «Скинь кафтан!» Скинул и бросил на дороге. Дали мне красные сапоги; летят вороны да кричат: «Красные сапоги, красные сапоги!» А мне послышалось: «Крадены сапоги!» Снял да и бросил. Дали мне лошадку восковую, плётку гороховую, уздечку репяную; увидел я – мужик овин сушит, привязал тут лошадку – она растаяла, плётку куры склевали, а уздечку свиньи съели!» («Фома Беренников») [3].

Сказочные формулы-концовки построены по общей модели. В концовке «звучит» голос автора/рассказчика, не только оценивающего плохой или хороший исход сказки, но и представляющего себя самого. Рассказчик констатирует своё присутствие – «сопереживание / соучастие – *«и я там был»*. Затем обычно следует фраза – «*мёд, пиво пил – по усам текло, да в рот не попало»*, в контексте сказочной концовки *«попытки съесть что-либо оказываются бесплодными: угощение несъедобно, либо попросту не попадает в рот»* [2, с. 2]. Краткий вариант концовки, структура которого состоит из двух слагаемых: [*констатация присутствия*] + *«несовершившееся угощение»*], на этом заканчивается.

В развёрнутой сказочной концовке к ним добавляются следующие слагаемые: [*изгнание*] + [*подарок*] + [*подозрение*] + [*отказ/исчезновение подарка*]. В первом приведённом примере отражён добровольный уход с пира, во втором и третьем – рассказчика выталкивают, а в некоторых сказочных концовках – бьют: *«стали со двора пихать»*, *«взяли меня за нос и бросили за мост»*, т.е. удаляют из сказочного мира. Выражения, как правило, имеют варианты названий и варианты количества птиц – *«я пошла, а ворона / вороны / синица / синицы летят да кричат <...>»*, птицы «высказывают подозрение» в заслуженности подарка. Они выкрикивают: *«синь кафтан»*, *«красные сапоги / башмачки / шлык»*, что вызывает замешательство рассказчика, выражаемое глаголом «послышалось»: *думала, что «краденый шлык»; я думаю: «Украл башмачки!» – взял да и бросил; а мне послышалось: «Крадены сапоги!»*. *Снял да и бросил*. В некоторых концовках эта заключительная часть [*отказ / исчезновение подарка*] бывает ещё более развитой, что особо подчёркивает окончательное возвращение рассказчика из сказки в реальность, удаляющие следы его присутствия в иной реальности: *«Дали мне лошадку восковую, плётку гороховую, уздечку репяную; увидел я – мужик овин сушит, привязал тут лошадку – она растаяла, плётку куры склевали, а уздечку свиньи съели!»*. В качестве синих атрибутов в русских сказках встречается также *синий клубок* («Баба-яга», «Звериное молоко»), *сундук красный и синий* («Падчерица и мачехина дочка»), *синий розан и синий лес* («Синий розан»). Из сказочных концовок следует, что синий и красный цвета наделены в них особым смыслом, они выполняют функцию охраны сознания от увиденного в «другом» мире.

Идея двух миров прослеживается в использовании красного и синего цвета ещё в одном фольклорном жанре – свадебных приговорах. В них цвет способствует осуществлению идеи свадебного ритуала – «перехода» жениха и невесты в другую социальную группу, закрепление их перехода в новый статус [5, с. 65], [15, с. 98]. В приговорах дружек слово *красный* характеризует детали и одежду участников свадьбы – молодых замужних женщин, жениха, сваты жениха, а также подарков, передаваемых невесте от жениха [15, с. 100]. Синий цвет в этом фольклорном жанре многозначен. Ю. Крашенинникова выделяет несколько его символических значений: в характеристике пожилых людей и детей – связь с потусторонним, нечистым, испорченным; в связи с одеждой прорисовывается

символика повседневности, обыденности: *синие повязушки, сини синюхи, сини заплатки*; телесные изъяны, болезненное состояние (*сини пупки, сини желудки, сини синюшки*). Вместе с другими языковыми средствами колороним *синий* подчёркивает такие характеристики старых людей и детей, как «*физическая неполноценность, болезненность, уродливость, испорченность, склонность к обману и обжорству, плохое материальное положение*» [15, с. 104].

Другим значимым аспектом реализации синего колоронима в свадебных приговорах является создание коллективного портрета поезжан со стороны жениха и описание его самого. В этой форме синий цвет несёт значение 'праздничный' и 'красивый'. Одежда друзей жениха – *синие армяки, синие штаны, синие тулупы, синие кафтаны* – маркер «состоявшихся» людей, а их синяя одежда – новый, праздничный атрибут.

«Сочетание *сини сарафаны* означает повседневную рабочую одежду, которая будет использоваться молодожёнами в дальнейшей жизни и совместных работах. В этом контексте синий представляет собой одно из поэтических средств, посредством которого «проговаривается» идея приобщения молодожёнов к другой социальной группе» [15, с. 106].

Сказки и свадебные приговоры отражают единство в использовании символики цвета, в обоих жанрах красный и синий являются не единственными, но преобладающими символами. Их доминирующая позиция среди других функционально-значимых в фольклоре цветов подчёркивает их особую значимость для древнего понимания «перехода», в сказке – возвращения из неизвестного мира в реальный, в приговорах – переход и приобретение нового статуса и новой социальной роли. Позже в российской действительности определилась новая социальная роль синего цвета – как цвет кафтана он «определял» достаток людей и их положение.

Асимметрия, проявляющаяся в использовании цвета в русском фольклоре и в письменных памятниках, приводит к мысли о возможности намеренного игнорирования авторами письменных текстов названий цвета и своеобразном отстранении от этих названий по причине их распространённости в сферах «низкого» фольклорного бытования, т.е. то, что используется в народной разговорной речи могло считаться неприемлемым для «высокого» письменного языка, в особенности – официального. «Наполнение» письменных текстов цветом начинается с развитием художественной литературы. Прослеживая

историю присутствия синего цвета в русской культуре и логический переход сказочного синего кафтана в русскую литературу, отметим, что здесь ему отведены другие функции, как например, социальная дифференциация, со временем претерпевшая изменения.

«Войдите в церковь: народ стоит удивительно чистый, лица умные, благообразные, на всех почти синие кафтаны; а вон наперед стоят одна лисья и две енотовые шубы – это-то и есть самые богачи: они из Терентьева, да их и много; вон в синем кафтане, рублей по восемнадцати сукно, – это из Овсянова; заезжайте к нему в гости: уверяю, что без цимлянского не уедете!» [26].

Национальный корпус русского языка содержит 25 документов к запросу «синий кафтан», преобладающее их количество относится к XIX – первой трети XX века. Примеры показывают, что *синий кафтан* из атрибута состоятельного человека (*У него водились и синь кафтан ради праздника, и добрые кони на дворе, – и дом во всем исправный.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881) [22] постепенно смещался в разряд модной одежды среднего класса, представители которого хотели похвастаться своим доходом (*Глядит, и впрямь несётся тележка; воронная лошадь в наборной шлее с медными бляхами, на облучке подсакивает не то мещанин, не то помещик, а только не мужик: на нём картуз и синий кафтан* [Д. В. Григорович. Антон-горемыка (1847) [22]. О связи цвета кафтана с достатком и статусом также свидетельствует множество поговорок: *этот кафтан (сарафан) вам не к рукам; этот кафтан не по нашим (или нам не по) плечам; пуст карман, да синь кафтан* (щёголь).

В начале XX века синий кафтан постепенно уходит из литературы и языка, но синий цвет получает в русской культуре новую роль. Он становится атрибутом новой – советской массовой революционной культуры. Непродолжительный период – с 1920-х по 1933 год в СССР существовал советский эстрадный театр «Синяя блуза», возникший в Москве. Один из его идеологов, Осип Брик, выразил суть этой театральной группы в «Марше агитбригады «синяблузников»:

«Мы синяблузники, мы профсоюзники – / Нам всё известно обо всём, / И вдоль по миру свою сатиру, / Как факел огненный, несём. <...> Мы только гайки в великой спайке / Одной трудящейся семьи...» [19].

Название «Синяя блуза» связано со сценической формой артистов – они носили свободные синие блузки и чёрные брюки или юбки. Образ «синяблузника», именно так с гордостью называли себя артисты, был отголоском традиционного изображения рабочего в прозодежде на агитационных советских плакатах 1920-х годов. Прозодежда – производственная одежда, или, говоря современным языком, спецодежда, рабочая одежда, выдавалась работающим на заводах и фабриках.

История распространения синего цвета в одежде русского населения показывает, что роль цвета, как модного и социального атрибута, со временем может кардинально изменяться. От дорогого синего кафтана – маркера высокого положения на социальной лестнице, через его «снижение», наблюдаемое в XIX веке благодаря стремлению среднего класса к повышению своего социального статуса, в XX веке синий цвет наконец становится цветом рабочей одежды.

3. Формирование чешского цветообозначения «синий» (*modrá barva*)

Происхождение чешского прилагательного *modrý*, эквивалента русских *синий* и *голубой*, также, как и праславянского **modrь*, не имеет однозначного толкования. Чешский этимолог Й. Рейзек связывает его с латинским *madëre* ‘быть мокрым’, греч. *madáo* ‘выпускаю влагу’, ‘таю’, *máda-* ‘опьяняющий напиток’, индоевр. **mad-* ‘мокрый’, обращает внимание на возможную связь с латыш. *madara*, древневерхненемецк. *matara*, англ. *madder* – марена красильная (лат. *Rubia tinctorum*) ‘название растения, из которого получают краситель’ (но красный) [47, с. 385].

В современных чешском и словацком языках для обозначения синего цвета, как было отмечено выше, используется слово с другим корнем. Книжное, устаревшее слово *siný* сегодня в чешском языке практически не употребляется, оно считается книжным, устаревшим. «Чешско-немецкий словарь Ф. Котта» приводит значение *siná rána* – ‘рана’ и лишь небольшую характеристику: «*Siný*. Cf Mkl. Etym. 295. S. bezedno, dál, Čch., Zr., tvář, Kká, oblak. Mcha. Tys syná jako cibula. Slez. Šd.» [43, Sv. 7, с. 0681], выделяя такие значения, как (1) бездонность, даль, (2) лицо, (3) облако, и приводит пример сравнения с луком/луковицей.

Сохраняя значение ‘*namodralý*’, т.е. ‘с синим оттенком’, в современном чешском языке прилагательное *siný* входит в названия редких грибов *Hřib siný* (лат. *Gyromorus cyanescens* – синяк или *gyromorus синеющий*), *Podloubník siný* (лат. *Gyrodon lividus* – подольшаник, или гиродон жёлтый / сизоватый), редких рыб: *Cejn siný* (лат. *Ballerus ballerus* – синец) и птиц: *Modravec siný* (лат. *Myophonus caeruleus* – синяя птица, или лиловый дрозд). Со словом *siný* связывают также этимологию названия последнего месяца года – *prosinec* [47, с. 385].

4. Анализ материала чешских словарей («Чешско-немецкий словарь Ф. Котта» (1878-1893), «Словарь чешского литературного языка» (2011), «Народные поговорки» Я. Заоралека (1947))

С целью получить максимальный охват языкового материала, тем или иным образом отражающего колороним *modrý*, нами была проведена сплошная выборка из двух больших, наиболее авторитетных словарей, относящихся к разным историческим эпохам: «Чешско-немецкий словарь Ф. Котта» (*Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta, 1878-1893*) [43], «Словарь чешского литературного языка» (*Slovník spisovného jazyka českého, 2011*) [48]. Для получения более достоверной картины были проанализированы единицы разговорного характера из словаря Я. Заоралека «Народные поговорки» (*Lidová řeč, 1 изд. – 1947*) [50]. Нашей задачей было охватить массив литературных и разговорных единиц XIX–XXI веков.

Чешско-немецкий словарь Ф. Котта закономерно показал пласт устаревшей лексики и фразеологии, неизвестной или малоизвестной современным носителям чешского языка. Из полного состава единиц с синим колоронимом в наше время используются только три устойчивых сочетания:

- *Na modro rybu vařit* [43, Sv. 1, с. 1058] (сейчас – *ryba / kapr na modro* – досл. рыба до синего цвета). Речь идёт о традиционном чешском блюде, которое готовят к праздничному столу;
- *Do modra* [43, Sv. 1, с. 1058] – ‘до посинения’;
- *Slibovati někomu m. s nebe* (něco nemožného) [43, Sv. 6, с. 1019] (досл. обещать кому-то синее с неба – ‘обещать невозможное’).

Большинство из зафиксированных в названном словаре ФЕ являются устаревшими:

– *Bylo jich tam až m. (mnoho)* [43, Sv. 6, с. 1019] (досл. было их там аж сине) – ‘очень много’, или – море людей;

– *Nemudrujme do modra (marně)*. [43, Sv. 9, с. 0169] – (досл. не надо мудрствовать / думать до посинения) – ‘не делать что-то зря’;

– *Neberu to z modra, co ti povídám (nevumýšlím si toho)* [43, Sv. 9, с. 0169] – (досл. то, что тебе говорю, не беру это из синего) – ‘не придумываю это’;

– *Bylo viděti, že jí do modra nechválil (nadarmo)*. Sá. Pr. m. I. 102. [43, Sv. 10, с. 1084] – (досл. не хвалить до посинения) – ‘не хвалить зря’;

– *Nemyslete, že mluvím do modra (bez rozmyslu)* [43, Sv. 10, с. 1084] – (досл. болтать до посинения) – ‘болтать лишь бы что / не думая’;

– *Má m. oči jako obloha* [43, Sv. 8, с. 0213] – (досл. имеет глаза, голубые как небо);

– *M. Pondělek* [43, Sv. 1, с. 1058] – (досл. синий понедельник). Данное выражение как глагольное *Slavit, držet, světít modrý pondělek / modré pondělí (nepracovat po dnu volna)* [48] (досл. праздновать синий понедельник) встречается и в современном словаре чешского литературного языка. Оно имеет значение ‘не работать после выходного дня – воскресенья’. В словаре Ф. Котта: «*P. modrý (u řemeslníkův, kteří jej slaví a nepracují, nedělka)*. Šp. *Pondělek jest nedělin bratr (říkají ti, kterým se do práce ještě nechce)*» [Sv. 2, с. 0744] – синий понедельник (ремесленники, которые его празднуют, не работают), «*понедельник – брат воскресенья*», – говорят те, кому не хочется на работу.

Все дни святой пасхальной недели (*pašijový týden*) в чешской традиции имели свои названия, четыре из них обозначались цветом, понедельник и вторник имели в разных регионах варианты названия: *Květná neděle, Modré / Žluté pondělí, Šedivé / Žluté úterý, Škaredá / Sazometná středa, Zelený čtvrtek, Velký pátek, Bílá sobota, Boží hod Velikonoční, Velikonoční pondělí*. «Синий понедельник» – второй день праздничной пасхальной недели, в который начиналась уборка дома, но люди не работали на других тяжёлых работах. Позже, в сленге рабочих это выражение начало использоваться в ситуациях, когда рабочий не пришёл на работу в понедельник, или пришёл, но не мог работать – причину, как правило, связывали с алкоголем. Данная

чешская единица является полным эквивалентом немецкой *Blauer Montag*. С непосредственным территориальным соседством этих народов связана вторая этимологическая версия этого выражения. *Blauer Montag* – день, когда у красильщиков было мало работы, они лишь развешивали ранее намоченные в синем красителе сукно или нити, чтобы всё высохло и окончательно окрасилось. Современное немецкое *blaumachen* обозначает ‘не работать’, ‘лениться’ ‘избегать работы после выходного дня’ [37, с. 177].

Среди единиц, зафиксированных в «Словаре чешского литературного языка» также встречаем немало устаревших единиц:

– *Modrá armáda* (železničáři) [48] – досл. синяя армия – ‘железнодорожники’;

– *Být v modrém* (zast. bílém) *kabátě, nosit modrý* (zast. bílý) *kabát* (dř.) *být vojákem* [48] – досл. носить синее пальто – ‘быть солдатом’;

– *Dostat modrý* (zast. bílý) *kabát* (být odveden k vojsku) [48] – досл. получить синее пальто – ‘быть взятым в салдаты’;

– *Dali mu modrý arch, dostal modrý arch* (zast.) (byl dán do výslužby) [48] – досл. дали ему / получил синюю книжку) – ‘быть призванным в армию’;

– *Modrý kříž* (dř.) *voj.* (označení skupiny bojových chemických látek) [48] – досл. синий крест – обозначение разряда военных химических веществ;

– *Ten se naplatí, až bude modřej* (ob. expr. – mnoho) [48] – досл. будет платить, пока не посинеет – ‘будет много платить’.

Третий использованный нами источник – «Народные поговорки» Я. Заоралека представляет следующие устаревшие ФЕ:

– *Je mu modro* = je mu blaze; má se dobře [50, с. 196] – досл. ему сине – ‘у него всё прекрасно’;

– *Mudrovat do modra*, t. zbytečně, nazdařbůh [50, с. 196] – досл. мудрить / думать до посинения – ‘выдумывать, думать слишком много’;

– *Lakovat někoho na modro* = šidit, klamat, balamutit ho (stud. slang) [50, с. 196] – досл. лакировать / покрывать / красить кого-то в синий цвет – ‘обманывать кого-то’ (студенческий сленг).

Выражение из книги Я. Заоралека *Zmalovat někoho na modro = nadělat mu modřin* [50, с. 197] – досл. покрасить кого-то в синий цвет, со значением ‘избить до посинения’ используется и в современном чешском языке.

В общей массе фразеологизмов, приведённых в названных словарях, преобладают устаревшие единицы, что свидетельствует о том, что в чешском языке XIX века синий цвет был представлен в большем объёме, чем в современном языке XXI века.

**5. Анализ материала русских словарей
 («Толковый словарь» В. Даля (1882),
 «Словарь современного русского литературного языка» (1963),
 «Словарь русских народных говоров» (2003))**

При выборе русских словарей мы следуем тому же принципу – охватить материал разных столетий, материал литературного языка и народных говоров. Для анализа были выбраны «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (Т. 4, 1882/1956) [8], «Словарь современного русского литературного языка» В 17 т. под ред. В. И. Чернышёва (Т. 13, 1963) [29], и «Словарь русских народных говоров» (Ред. Д. О. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов, вып. 37, 2003) [28].

Словарь В. Даля содержит относительно небольшое количество единиц с корнем син-: *синева*, *синекуй* арх. Самоедск. «Отверстие чума, для выпуска дыма»; *синель* «фрн. Бархатные шнуры или мохровая нить для женских нарядов. Искажн. Раст. Сирень, будто от синий. Синельная, синелевая бахрома. Синельный шев, вышивание синелью» [8, Т. 4, с. 186]. Кроме перечисленного, словарная статья «Синий» включает названия химических веществ, названия птиц, рыб, растений, грибов, а также ФЕ: *синя-пороха во рту не было, каков ни есть, а в синем* (кафтани); *враг силён, валяет и в синем*, т.е и в синем кафтани, и богача [8, т. 4, с. 186].

Чрезвычайно богато представлен синий цвет в «Словаре русских народных говоров», слов с корнем син- в нём значительно больше, чем в словаре В. Даля. Приведённые единицы можно условно разделить на несколько семантических групп:

1) синяк: *синавицы*, *синева*, *синевина*, *синевица*, *синевишка*, *синево*, *синекур*, *синета*, *синина*, *синица*, *синова*, *синовина*, *синовицы*, приведены также ФЕ: *ставить / поставить / посадить / набить синевицу; избить / набить в синивицы;*

2) небо, облака: *синевицы*, *синета;*

3) темно (природа, окружающая среда): *синё*, *синина* – ‘дождевая туча’;

4) названия цветов и трав (часто неизвестных (*?)): *синеветренник* (*?), *синеворот* (сем. лютиковых. Растение *Ranunculus acer* L.;

лютик едкий. Растение *Trollius europaeus* L.; купальница европейская; *Dracoscephalum Ruischiana* – сем. губоцветных; змееголовик); *синевороть* (*Mercurialis perennis* L., сем. Молочайных пролеска многолетняя); *синеворял* (лекарственное растение, применяемое в народной медицине); *синегаля* (*Onobrychis Sativa* Led., сем. бобовых; эспарцет песчаный; *Yentiana cruciata* L., сем. горечавковых; соколиный перелёт) и много других;

5) названия сортов и видов растений: *синекочанка* – сорт капусты, *синец* (сорт льна), *синенькие* (баклажаны), *синегузка* – ‘пшеница плохого качества, подмокшая на корню’; *синеуска*, *синеколоска* / *синеколосая пшеница* (сорта), *синетал* (вид ивы), *синенькая картошка* (с синеватой кожурой), *синеглазка* (сорт картофеля) – «*Берлинка, скороспелка, белая, мериканка, синеглазка*. Параб. Том., 1965» [28, с. 323];

6) названия грибов: *синевица*, *синька*, *синегуз* – ‘сыроежка’; гриб *Agaricus emeticus*; *синяк*; *синегриб* (*?), *синегуб* (*?), *синекоreshка* (‘белый гриб с синеватыми «корешками»), *синий подосиновик* (*Boletus pachurus*);

7) названия птиц: *синеворонка* (*сизоворонка*), *савка синеносая*, *синешейка* (варакушка), *синий воробей* – (а) зимородок, (б) снегирь;

8) лиса: *синедушка*, *синедуцатая лисица* – ‘лиса с буро-красным окрасом меха и с тёмно-серым мехом на шее и животе’;

9) некачественный беличий мех: *синедушка* – ‘белка с некачественным мехом’; *синелапка* – ‘шкурка белки с синеватой мездрой на лапках’, *синеручья* – ‘белка в предзимний период линьки; шкура такой белки’, *синий мех* – ‘некачественный беличий мех’;

10) лошадь: *синегривка*, *синегривый* (игрневый – о масти лошади);

11) названия рыб: *синеглазка* – ‘речная рыба, похожая на леща’, *синеузка*, *синепуп*, *синёц* – ‘пескарь’ и др.;

12) слова, связанные с ловлей рыбы: *синежная сетка*, *синелька* – ‘разноцветная шерсть, привязываемая к рыболовному крючку. *Синелёдка* – ‘рыбная ловля весной по тонкому льду’;

13) внутренние органы человека и животного: *синёк* – ‘внутренность животного синеватого цвета’, *селезёнка*, *сердце* (у человека и животного);

14) обозначение гнили, болезни: *синина* – ‘гниль древесины синеватого цвета’, *синина* – ‘болезнь злаковых растений, спорынья’, *синня* – ‘заболевание у свиней, сопровождающееся посинением и судорогами’;

15) мастерская по окраске: *синельня, синильня, синительня*;

16) мастер красильщик: *синей, синельщик, синельщик, синильщик, синильщица, синелька и синёлка* – ‘женщина, занимающаяся окраской пряжи в синий цвет’;

17) названия предметов одежды: *синёвка* – ‘синяя юбка из домотканой шерстяной ткани’, *синедьё* – ‘домотканая крашенная верхняя одежда’, *синекубник* – ‘сарафан из синей ткани’, *синетина* – ‘сарафан из синеного холста’, *синец* – ‘верхняя мужская одежда из тонкого сукна’;

18) обозначение цвета: *синелевый* – ‘сиреневый, цвета сирени’; *синета, синёта, синота, синенкей, синедь* (слово имело также значения ‘синеный холст’, ‘домотканое сукно синего цвета’, ‘шуба, покрытая синим холстом’, ‘верхняя одежда (обычно кафтан) из синего сукна’, ‘летняя женская одежда из синей ткани’, ‘название старой одежды’) [28, с. 324];

19) нечистая сила: *синеобразный* (леший, водяной и др. нечистая сила);

20) характеристика соматизмов и человека в целом: *синебутылый* – эпитет длинных ног; *синежилый* – ‘тощий’, ‘хилый’, ‘тщедушный’; *синеплёсый* (о коже человека: «*Синеплесый, синявка, это когда такой некрасивый цвет кожи, белый не белый, иссиня*» [28, с. 326]). В характеристике человека синий цвет характеризует не только свойства характера: скупой, жадный [с. 331], здоровье: *синенький* – ‘о худом, болезненном (человеке)’ [28, с. 326]; *синетина* – ‘о бледном, болезненном ребёнке’ [28, с. 327]; но и социальное положение: *синенький* – ‘о человеке, одетом в суконную одежду, по-городскому’, а также выступает в качестве негативной бранной характеристики: *синеупый* – «*Чалдон синеупый. Бранно. О коренном жителе Сибири. Говорили чалдон синеупый, желторотый*» [28, с. 326].

Также следует отметить наличие некоторых прилагательных, которые, вероятно, относятся к старшему лексическому слою русского языка:

«**Синеморский**, ая, ое. Фольк. Бывающий на море, характерный для моря. Синеморские туманы (песня). Сиб., 1850. || С дождём и туманом (о погоде на море). Ой, что вот да погодушки синеморской (песня). Печор. А в ту погоду синеморскую заносила тут неволя три чернёных, три-то корабля (былина). Беломор» [28, с. 326].

«Синемуший, ая, ее. Фольк. Могучий, очень сильный; эпитет богатыря. Иван – синемуший богатырь и Алёша несчастный сирота (сказка). Сиб., 1916» [28, с. 326].

Одно и то же слово может использоваться в качестве номинации для нескольких абсолютно разных понятий – называет рыбу, растение, сорт и т.д. Несколько значений имеет, например, слово *синель*: ‘Домотканый холст с набивным узором синего цвета’, ‘летняя женская верхняя одежда из синего холста’, ‘комнатное растение с синеватыми цветками’, полевая синель. Растение *Veronica Latifolia* – вероника широколистная, Растение *Vicia Cracca L.* – горошек мышиный. В то же время *синель / синелька* – это и сирень (Сирень. *Синельник в старину называли*) [28, с. 325]. Единиц, имеющих несколько значений, в словаре достаточно много, например, к слову *синец* приведено 16 значений, к слову *синька* – 17 значений.

Привлекает внимание большое количество названий василька в русских говорах – *синёга, синеголов, синеголовник, синец, синецветик, синецветка, синецветник, синька*, а также устойчивые сочетания, которых нет в современном русском языке:

Синельное дело. «В кустарном производстве – окраска пряжи, холстов в синий цвет» [28, с. 326].

– *Синь – синеть.* ‘Очень сильно выделяться своим синим цветом’ [28, с. 329].

– *На синий негодь.* ‘Очень мало, совсем немного’.

– *Не братья ни за синюю воду.* ‘Ничего не делать, бездельничать’.

– *Не за синие щёки.* ‘Не просто так, а заслуженно’. «*И в суд меня не за синие щеки выбирали.* Сузун. Новосибир., 1964».

– *Синь-горюч-камень.* Фольк. Эпитет камня.

– *Синяя покрывка раскрывается.* «По суеверным представлениям – явление разверзающегося ночью неба. Ядрин., Космодемьян. Казан., 1849» [28, с. 331].

Также как в чешском словарном материале, превалирующее количество русских единиц, относящихся к XIX веку, являются в наше время устаревшими. В отличие от тематики, представленной в чешских словарях, основная тема русских словарей до начала XX века – окрашивание тканей, нитей и одежды (синение). Это большая группа слов, представленная разными частями речи, характеризующими красители, красильщиков, в т.ч. женщин, полный

процесс, а также результат этой работы – синие вещи и их последующую «социализацию».

Лексико-фразеологический запас русского языка XIX века был богат на синие колоронимы, в XX веке они «вымываются» из активного словаря. В этом процессе значительную роль сыграло развитие красильной промышленности, положившей конец многим ремёслам, связанным с крашением и пошивом одежды. Замена натуральных природных красителей синтетическими привела к перенесению всего процесса в производственную сферу. В 1890-х годах в России началось производство собственного красильно-отделочного оборудования. Утрата большого количества объектов номинации привела к выходу из активного словаря соответствующего количества синих колоронимов.

6. Активный запас фразеологизмов с колоронимом «синий» в современных русском и чешском языках

Активный современный запас ФЕ с колоронимом *синий* в обоих языках весьма незначителен, в общем фразеологическом запасе эти единицы составляют малую долю. Прежде всего это заимствования, которые с одинаковым значением используются во многих языках мира, в т.ч. в русском и чешском:

Р. *синий чулок* = Ч. *modrá punčocha* – единица малочастотная, в чешских словарях приводится с пометой *устаревшее*. Выражение является калькой англ. *blue-socking*. М. Фасмер даёт следующее её толкование:

«Синий чулок – насмешливое прозвище учёной женщины, как и нем. *Blaustrumpf* – то же, франц. *bas bleu*, из англ. *blue stocking*, первонач. – насмешливая кличка учёного общества, возглавляемого миссис Монтэгью (ум. в 1762 г.), которое существовало в Лондоне (ср. Клюге-Гётце 62; Фальк-Торп 78); названо так потому, что один из участников являлся на собрания общ-ва в синих чулках <...>» [33].

– *Modrá krev* = *голубая кровь / синих кровей* (калька с франц. – *aïseau bleu*) – ‘человек дворянского, аристократического происхождения’.

– *Indigové děti* = *дети индиго* – заимствование из английского (*Indigo children*), распространяющееся с конца XX века. Данное вы-

ражение относится к фразеологической периферии. Это псевдонаучный термин, авторство которого принадлежит американскому экстрасенсу Нэнси Энн Тепп. *Дети индиго* – ‘одарённые дети нового времени, обладающие особой аурой тёмно-синего (индиго) цвета’.

В русском языке используется заимствование *синяя птица* (*птица счастья*), которое чешскому языку незнакомо.

Фразеологизмы со славянской лексической основой образуют такие межъязыковые эквиваленты, как разноструктурные *посинеть от холода* – *být zimou celý modrý*, *позеленеть / посинеть от зависти* – *byť modrý závistí*.

Некоторые из актуальных чешских ФЕ с колоронимом синий не имеют русских эквивалентов, это например, выражение *modré z nebe*, являющееся своеобразным фразеологическим ядром, присоединяющимся к нескольким управляющим глаголам: *dát / snést / přinést / snášet modré z nebe* и *slibovat [někomu] snést modré z nebe*.

ФЕ *dát / snést / přinést / snášet modré* – досл. *дать / принести / нести синева с неба* – имеет значение ‘быть готовым совершить / сделать / делать что-то невозможное’. В качестве соответствий к ним, в зависимости от стилистики текста, в русском языке могут выступать различные единицы: более официальные – *(с)делать невозможное / (с)делать всё возможное*, ФЕ *достать звезду / луну с неба / небес*, и более сниженные разговорные ФЕ *вывернуться наизнанку, выпрыгнуть из штанов*.

ФЕ *slibovat / naslibovat [někomu] modré z nebe* со значением ‘обещать / наобещать невозможное’, или ‘обещать сделать всё возможное’, а также *сулить / обещать / наобещать золотые горы* в последнее время всё чаще используется в комментариях к действиям чешских политиков и обозначает ‘невыполнимые обещания’, или указывает на чьи-то действия, не оправдавшие надежд, обманувшие ожидания людей.

– «*Adepti na prezidenta slibovali modré z nebe <...> Že všichni budou slibovat modré z nebe, aby získali naše hlasy, s tím musíme počítat*» (diskuse aha! – 9.08.2012) (Перевод: Кандидаты в президенты обещали сделать невозможное <...> Стоило ожидать, что каждый будет сулить золотые горы, чтобы получить наши голоса).

– «*Dráhy slibovaly modré z nebe, místo toho není ve vagonech ani internet*» (ct24 –23.01.2016). (Перевод: Железная дорога обещала звёзды достать с небес, вместо этого – в вагонах нет интернета).

– «Nemá smysl pouštět se do kolosálních projektů a slibovat lidem modré z nebe, říká Zdeněk Pecka» (Перевод: Нет смысла браться за грандиозные проекты и обещать людям невозможное, – говорит Зденек Пэцка) (Pecka – 29.9.2014).

Как видно из вышеприведённых примеров, фразеологическое ядро *modré z nebe* можно переводить в зависимости от контекста различными русскими выражениями. При переводе сохраняется основное значение, но стилистическая окраска минимизируется. Кроме того, в языковой практике встречаются контексты, где перевод является затруднительным. Это например: «*Když Vám brokerři slibují „modré z nebe“, které není ani modré ani z nebe*» (Trading Academy) (дословно: если брокеры обещают вам синь с неба, которая ни синь, и ни с неба).

К актуальным и довольно частотным единицам, используемым в чешском языке, относится ФЕ *to samý v bledě modrým* [39, с. 182] с умеренно выраженным негативным значением ‘(это) то же самое’.

«*Článek obsahuje návrh a ukázkou, jak pomocí bibliometrických ukazatelů hodnotit kvalitu a výkonnost výzkumu na univerzitách. Ačkoliv se hned v úvodu článek kriticky zmiňuje o sčítání bodů z kafemlejnku, navrhuje to samé v bledě modrém*» (Münich – 1.12.2017) (Перевод: В статье содержится предложение и пример использования библиометрических показателей для оценки качества и результативности исследований в университетах. Хотя во введении к статье содержится критическая заметка о подсчёте баллов из “кофемолки”, сама статья предлагает то же самое).

Относительно новая ФЕ *modrá je dobrá* (досл. синий цвет – хороший) возникла в конце XX века благодаря чешской группе «*Žlutý pes*». Песню с таким названием группа исполнила в 1998 году, после чего словосочетание стало популярным и постепенно закрепились как устойчивое выражение, отражающее позитивную оценку синего и голубого цвета какой-либо вещи, это выражение согласия приобрести вещь синего или голубого цвета, покрасить стены и т.д.

К русским ФЕ, не имеющим соответствий в чешском языке, относится *гореть синим пламенем*, единица сохраняет свою актуальность в современной разговорной речи и выражает сильные эмоции со значением ‘пропади всё пропадом’.

В. Г. Кульпина отмечает, что перспектива сопоставительных исследований «*лежит в плоскости изучения особенностей перевода цветовой метафорики, которое может позволить вскрыть новые*

ментальные пласты. Ведь нередко именно семантизация через перевод позволяет выявить компоненты семантики слова, тонкие этнически релевантные нюансы» [16, с. 220].

Внимания заслуживает общая для русского и чешского языков единица, которая в современном русском языке сочетается с большим количеством глаголов и служит своеобразным усилителем их значения. Выражение *до посинения*, то есть ‘до потери сил’, считают разговорным. В средневековье в русских говорах эта единица использовалась без приставки – *до синения*.

До посинения – *do modra* используют в обоих языках давно, но эти единицы не являются полными эквивалентами. Русское выражение обладает более широкой валентностью и связано с метафорическими значениями, определяемыми глаголом, с которым единица вступает в подчинённые отношения. Единица сочетается с множеством глаголов: *спорить, работать, делать, бить, пить, кричать, стоять, писать, тренироваться* и многими другими. Русское *до посинения* имеет значения ‘до потери сил’, ‘истово’, ‘не щадя сил’, ‘рьяно’, ‘упорно’. Конструкция и семантика выражения состояния [глагол + *до посинения*], наступившего в результате какого-то действия, позволяет рассматривать эту ФЕ как пример результата, в зависимости от контекста он может представлять разные результаты.

Свою широкую валентность выражение *до посинения* проявляет в художественной литературе и СМИ. Приведём несколько примеров из Национального Корпуса русского языка.

«И не каким-нибудь бреньканьем на балалайке или тем, что песню до посинения выводил. [И. Ф. Стаднюк. Максим Перепелица (1956)]» [22].

«Я вообще никого клеймить не собираюсь – пусть опаздывают, и курят до посинения, и детальки разные с завода волокут. [Эдуард Шим. Ребята с нашего двора (1976)]» [22].

«Он меня запер и стал драть до посинения и учить, и первый класс я закончил пайнкой, озлобленной, но послушной, и на «хорошо». [Митьки. И наступил день когда (Сталин, крысы и землетрясение) (1993)]» [22].

«Актриса: Меня никогда не прогоняли, я сидела за общим столом, как говорила мама, «до посинения». [Знаменитые Захаровы из одного театра // «Общая газета», 1998]» [22].

«Тубики с утра уходили самовольно за территорию, там напивались до посинения, а потом тащили друг друга обратно в свой барак. [Евгений Попов. Подлинная история «Зелёных музыкантов» (1997)]» [22].

В СМИ ФЕ *do posinenia* в последнее время используется в характеристике политиков, чаще единица встречается в русскоязычном сегменте белорусского интернета. Выражение распространяется в медиа благодаря А. Г. Лукашенко. Президентские предвыборные кампании в Беларуси показали, что это одно из его любимых выражений, звучавших в разных вариантах перед каждым выборами, а также в его эмоциональных высказываниях относительно других. Начиная с 2014 года Лукашенко обещал, что *не будет держаться за власть до посинения (пальцев)*:

– «У меня не стоит вопрос любой судьбой уцепиться до посинения за это кресло и держаться» (2014).

– «Я посиневшими пальцами за кресло держаться не буду» (2019).

– «Люди понимают – чтобы жить хорошо, надо вкалывать до посинения» (2020).

– «Вот они и будут ходить до посинения пока их всех не переловят» (2020).

– «Вот она, ирония судьбы и геополитики: до посинения интегрировались с одними, а выручают в трудную минуту совсем другие» (Класковский – 21.01.2020).

Этим же выражением СМИ начинают комментировать В. В. Путина:

– «Путин и сам не промах: “чекистской хитростью” обнулится, обеспечив себе возможность до посинения сидеть на троне» (Сидорова – 31.10.2020).

– «Путин не будет держаться посиневшими руками за власть, он найдёт вариант того, чтобы к власти пришли люди или человек, которые продолжат тот путь развития России, который существует сейчас» (РБК – 06.08.2020).

Чешская ФЕ *do modra* такой валентностью не обладает, поэтому нельзя говорить о ней как о полном эквиваленте названной русской, в современном языке она чаще обозначает именно окрашивание чего-то в синий цвет. И самих выражений с ядром *do modra*

относительно мало, это, например, *ja ho seřežu, až bude modrý* – эквивалент русского *бить / избить до посинения*.

Для чешского языка характерны устойчивые сравнения *být modrý jako nebe*; *nebe je modré jako chrpa* = *nebe/obloha je modré/modrá jako šmolka*; *mít oči modré jako chrpu* = *глаза голубые как небо / озёра / море*. В русском языке возможны сравнения *синий / голубой как небо*, однако мера их устойчивости несравнима с наиболее частотным чешским выражением *být modrý jako nebe*.

В настоящее время в чешском языке наблюдается адаптация английского устойчивого выражения, которое можно отнести к фразеологической периферии, или, социальной фразеологии – *modrá lež (blue lie)* – синяя/голубая ложь. Это термин, использующийся в детской американской психологии, и обозначающий невинный, наивный обман в поведении ребёнка, который придумывает что-то и выдаёт это за правду. Ребёнок при этом преследует цель избежать неприятной ситуации. По мере взросления дети развивают способность лгать от имени своей группы, пытаясь обеспечить преимущество перед другой группой. К одиннадцати годам дети способны лгать мотивированно, или «социально» – поэтому возникает «синяя / голубая» ложь. Основой для переноса этого термина в сферу СМИ стал социальный фактор, представляющий психологическое влияние этой формы лжи как политически мотивированной [45]. В основу термина, возникшего в 1930-х г. в Америке легла традиционная манера поведения американских полицейских, которые обычно давали взаимные свидетельства, что в нештатной ситуации они «только защищались». Прилагательное синяя / голубая связано с цветом полицейской формы. В современной Америке это выражение соотносится с пустой президентской болтовнёй и обещаниями [42].

Пример адаптации чешским языком нового термина выявляет в русско-чешском компаративном плане новый аспект перевода. Так как русский и другие восточнославянские языки с данным термином незнакомы, то встаёт вопрос – каким из двух русских прилагательных при описании перевести *blue lie*.

7. Языковая семантика колоронима на фоне искусствоведческого восприятия синего цвета (Й. Иттен и В. Кандинский)

Лингвистика цвета – междисциплинарное направление, связывающее лингвистику с другими дисциплинами, и не в последнюю очередь – с цветоведением и искусствоведением. Эти связи кажутся нам особо важными в сравнительном анализе языковой репрезентации цвета. Опираясь на идеи В. Кандинского и Й. Иттена, мы рассмотрим языковой материал в проекции на двенадцатичастный цветовой круг, созданный Й. Иттенем для объяснения цветового конструирования. В этот круг вписан равносторонний шестиугольник, образованный треугольниками смешанных цветов (оранжевый, зелёный, фиолетовый), основания которого являются сторонами равностороннего треугольника – центрального ядра, состоящего из трёх основных цветов первого порядка (жёлтый, красный, синий). На основе двенадцатичастного круга Й. Иттен построил свою теорию цветовых контрастов, выделив семь типов: (1) контраст цветовых сопоставлений, (2) контраст светлого и тёмного, (3) контраст холодного и тёплого, (4) контраст дополнительных цветов (5) симультанный контраст, (6) контраст цветового насыщения, (7) контраст цветового распространения. По теории, жёлтый, красный и синий цвет создают наиболее выраженный цветовой контраст, подобный тому, который образуют чёрный и белый цвета в световой парадигме ‘светлый – тёмный’. Контраст, создаваемый жёлтым, красным и синим, содержит «пестроту, силу, решительность». Два из основных цветов очень чётко вписаны в рассмотренный материал двух фольклорных жанров – сказок и свадебных приговоров. Синий и красный в них – «максимы», говорящие языком древних символов, точное значение которых в наше время тяжело поддаётся расшифровке, но бесспорным остаётся факт их ведущей роли в процессе формирования культурных и национальных цветовых доминант.

Продолжая мысль Й. Иттена, что цвета первого и второго порядка всегда вызывают в нас ощущение первородных космически-светоносных сил и жизнеутверждающей материальности, отметим, что и славянская этимология синего цвета, будем ли рассматривать русский корень (*синь*), либо чешский (*modr*), отсылает нас к первоисточнику – основе цветовой гаммы, т.е. в современном понимании – первородным цветам, а точнее – люксонимам (чёрный и бе-

лый), к обозначению не собственно цвета, а света и его насыщенности. Практически во всех языках синий изначально был связан с чёрным/тёмным цветом, из которого он «просветает». Погружаясь в чёрное, – пишет В. Кандинский, – синий *«приобретает призвук нечеловеческой печали. Он становится бесконечной углублённостью в состояние сосредоточенности, для которого конца нет и не может быть»* [13, с. 92].

В синем пробуждается его собственная жизнь, когда он насыщается светом. Он становится значимым, устойчивым, самодостаточным.

«Переходя в светлое, к которому синий цвет тоже имеет меньшие склонности, он приобретает более безразличный характер и, как высокое голубое небо, делается для человека далёким и безразличным» [13, с. 92]. Жизнеутверждающим в русском языке является не синий, а его светлый оттенок – голубой (*голубая планета, небо голубое, голубая мечта*).

На цветовых контрастах основано не только народное искусство разных стран, отражённое в народном костюме и вышивке, но также и социальные роли, синий кафтан – богач, серый кафтан – бедняк, гендерные роли и «переход» молодого/молодой к новому статусу.

Синему цвету Й. Иттен приписывает перманентную пассивность – если его рассматривать с точки зрения материального пространства, а *«с точки зрения духовной нематериальности наоборот, синий производит активное впечатление»*. Здесь отметим, что в вопросе отражения духовной материальности Иттен говорит о синем, исходя из языкового опыта родного языка, в представлении русских, и восточных славян в целом, в этом контексте, условно, «работает» не синий, а голубой.

«Синий цвет всегда холодный, красный всегда тёплый. Синий цвет словно сжат и сосредоточен в себе, он интровертен. И если красный подчинён крови, то синий подчинён нервам. <...>» [10, с. 88].

Языковое воплощение этой идеи отражает ФЕ *до посинения* – край, за которым ждёт переход – «возвращение», «падение» в чёрное. Многовалентная единица, отражает ‘огромные усилия, прикладываемые для достижения / удержания чего-то’, упорную работу до «победного конца», этим концом может стать смерть, но т.к. в языковой реализации цвета мы редко имеем дело с прямым

значением, а чаще – с метафорическим, то речь идёт не обязательно о физической смерти. Смерть может символизировать конец чего-то, нежелательное завершение предприятия, в которое было вложено много сил и надежд.

Синий цвет, по Й. Иттену, *«обладает мощью, подобной силам природы зимой, когда всё, скрытое в темноте и тишине, копит энергию для зарождения и роста»*. В ряду языковых значений синего связь с холодом – одна из первичных: *посинеть от холода*. Последовательную связь можно видеть в синем как в ассоциации с тенью – *«Синий – это неуловимое ничто, которое всё же постоянно присутствует как прозрачная атмосфера»* [10, с. 88]. Здесь уместно вспомнить древнее восточнославянское название дьявола – *синец*, и нечистой силы – *синеобразный*, с другой стороны, «неуловимость» присуща небесным просторам, морю – к которым в древних письменных памятниках восточных славян в первую очередь относилось определение *синь (сине море)*, часто в значении ‘неизведанное’, ‘таинственное’ (*синий камень*), обладающее сверхъестественной, даже мистической силой.

Семантика конкретного цвета, как утверждают теоретики искусства, психологически обусловлена индивидуальным восприятием, на которое влияют соседние по спектру цвета. Й. Иттен говорит не только о дихотомии восприятия синего цвета в одной культуре, основанную на оттенках синего, который *«<...> разлит, начиная от светлейшей небесной лазури до глубочайшей синей черноты ночного неба»* [10, с. 88], он также подчёркивает двойственность значений одного и того же цвета в межкультурном контексте: *«Синий привлекает нас трепетностью веры в бесконечную духовность. Для нас синий цвет – символ веры, как для китайцев он – символ бессмертия»* [10, с. 88].

В. Кандинский пишет о синем, как о цвете, имеющем «дар углублённости»: *«склонность синего к углублению настолько велика, что она делается интенсивной именно в более тёмных тонах и внутренне проявляется характернее. Чем темнее синий цвет, тем более он зовёт человека в бесконечное <...>»* [13, с. 91-92]. Каждый цвет оказывает на человека особенное воздействие, и в значении цвета также важно содержание света, оно может изменять семантику коренным образом, именно так обстоит дело с синим и голубым, первый – удручает и сковывает, второй – возвышает и расковывает.

Заключение

Проведённое исследование свидетельствуют о том, что синий цвет прошёл долгий путь от обозначения неконкретного тёмного цвета к оформлению цветообозначения. В. И. Шерцль отмечал, что названия цвета правильно отражают чёрный и красный цвет, колебания в их названиях встречаются крайне редко, но названия синего, зелёного, жёлтого и их оттенков часто бывают до того неопределёнными, что иногда даже невозможно фиксировать их значение [36, с. 1]. Все словари характеризуют любой цвет как цвет «между» двумя другими цветами. Именно поэтому развитие цветообозначений сопровождается наличием побочных значений, которые постепенно «стираются». Синий цвет исторически наиболее близок к чёрному, «рождается» из него, «просветает», «сияет», ассоциируется с неопределённым тёмным цветом, т.е. «просветом» из чёрного. Этимологически эти «просветы» на чёрном отражены в устаревших русских единицах *синь-ушко* и *синь-порох*, сохраняющих общее древнее значение части *синь* – ‘почти ничего’, ‘минимум’. *Синеушко* – ‘крохотное’ (ушко) – швейная игла, *синь-порох* – ‘мельчайшие частицы чего-либо’ (пыль, порох, мак), в составе устаревшей ФЕ *ни синь пороху* имеет значение ‘почти ничего’.

ФЕ с колоронимом *синий* насчитывается мало. Анализ сплошной выборки чешских и русских ФЕ обнаружил лишь несколько межъязыковых эквивалентов, три из них – заимствования разного времени: *modrá punčocha* = *синий чулок*, *modrá krev* = *голубая кровь / синих кровей*, *indigové děti* = *дети индиго*, и общеславянские ФЕ – *посинеть от холода* = *být zimou celý modrý*, *посинеть/позеленеть от зависти* = *byť modrý závistí*, и неабсолютное соответствие *до посинения* = *do modra*.

При относительной «бедности» современных русского и чешского языков на синие колоронимы, чешский язык имеет в своём активном запасе немного больше единиц, чем русский, это например, ФЕ *je to samé v bledě modrém*, *slibovat (někomu) modré z nebe*, *dát / snést (někomu) modré z nebe*, *modrá je dobrá, ryba / kapr na modro*.

История распространения синего цвета и его номинаций представляет собой долгий путь, проследить который можно лишь частично, благодаря восточнославянским письменным памятникам,

фиксирующим слово *синий* с XI века. Безусловно, в каждой национальной традиции развитие этого колоронима имеет свою историю, что мы стремились показать в данной работе на примере двух славянских языков – русского и чешского, являющихся частью широкого языкового континуума славянских и соседних неславянских языков, история которых тесно переплетена, в т.ч. в этимологических связях. В XIX веке и ранее репрезентация синего цвета в русском и чешском языках была более широкой, чем в настоящее время. В процессе формирования синего цветообозначения утрата и сглаживание побочных сем продолжалась с XI до XVIII века, когда слово наконец начало использоваться в роли цветообозначения.

Литература

1. Авдеев А. Г. Отрывок из Дозорной книги Галича 1620 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://costroma.k156.ru/text/html/kos_zem/vyp_4/avdeev.htm (дата обращения: 12.12.2020).
2. Антонов Д. И. Концовки волшебных сказок: путь героя и путь рассказчика // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – 2011. – № 2. – С. 2–4.
3. Афанасьев А. Н. Фома Беренников // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 3. – М.: Наука, 1985 (Лит. памятники) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru-skazki.ru/description-tales&letter=z.html> (дата обращения: 12.12.2020).
4. Белецкий А. И. В мастерской художника слова / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Есина. – М.: Высшая школа, 1989. – 160 с.
5. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
6. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
7. Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания. (Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ). – М. – 2007. – С. 9-28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/vasilevich-07.htm> (дата обращения: 09.12.2020).

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – 6-е изд. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1881/1955. – 684 с.

9. Иттен И. Искусство формы. Мой форкурс в Баухаузе и других школах (Johannes Itten GESTALTUNG UND FORMENLEHRE. Vorkurs am Bauhaus und spaeter © 1963 und 1975 by Verlagsgruppe Dornier GmbH, Stuttgart). Перевод с нем. и предисловие Л. Монаховой. – Издатель Д. Аронов, 2001. – 136 с.

10. Иттен И. Искусство цвета (Kunst der Farbe, перевод с нем. Л. Монаховой). 5-е изд. – М.: Издатель Д. Аронов, 2008. – 96 с.

11. Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии. – М.: Дикси Пресс, 2016. – 176 с.

12. Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. – 256 с. DOI: 10.21062/ujep/42.2018/k/978-80-7561-105-5

13. Кандинский В. О духовном в искусстве. Точка и линия на плоскости. – СПб.: Азбука, 2001. – 236 с.

14. Кезина С. В. Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка / С. В. Кезина, М. Н. Перфилова // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-valentnostitsvetooboznacheniy-v-istorii-russko-go-yazyka> (дата обращения: 09.11.2020).

15. Крашенинникова Ю. Символика цвета в русских свадебных приговорах // Антропологический форум. – № 14. – 2011. – С. 98-115.

16. Кульпина В. Г. Изучение социоментальной детерминированности терминов цвета в современном русском языке // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики / РАН ИНИОН; отв. ред. Е. О. Опарина, Е. А. Казак. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 197-231.

17. Кульпина В. Г. Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии (материалы круглого стола) / отв. ред. А. П. Василевич. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – С. 29-32.

18. Кульпина В. Г. Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем // Паланістыка – Полоністыка. 2002/2003. – Минск: Право и экономика, 2004. – С. 77–121.

19. Мокейчева О. «Мы – синеблужники, мы – профсоюзники» (1920) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://100tatarstan.ru/structure/profile/mi-sinebluzniki-mi-profsoyuz_niki_38059 (дата обращения: 12.12.2020).

20. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 758 с.

21. Москович В. А. Опыт квантитативной типологии семантического поля // Вопросы языкознания – 1965. – № 4. – С. 80–91.

22. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 12.12.2020).

23. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1 – СПб., 1773.

24. Письмо Барона (после Графа) Штакельберга, бывшего тогда нашим Министром в Варшаве, к Екатерине Великой / Два письма Екатерины Великой // Вестник Европы. – Ч. 8, № 8. – 1803 // Сайт древних рукописей DrevLit.Ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/EkaterinaII/Vestnik_evropy/1/text.php (дата обращения: 12.12.2020).

25. Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. – Л.: Наука, 1968. – С. 3-15.

26. Писемский А.Ф. Питерщик // Собр. соч. в 9 томах. Т. 2. – М.: Правда. Библиотека «Огонёк», 1959 OCR & SpellCheck: Zmiy 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0320.shtml (дата обращения: 12.12.2020).

27. Савваитов П. Описание утварей, одежд, оружия, разных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. – СПб., 1896. – 234 с.

28. Словарь русских народных говоров. Свято – скимяга. Вып. 37 / ред. Д. О. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2003. – 416 с.

29. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

30. Соснина Н. Энциклопедия. Народное искусство / Н. Соснина, И. Шангина. – СПб.: Искусство, 2006. – 440 с.

31. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. – 910 с.

32. Торговая книга 1575 года. Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые. С предисл. И. П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. 1. – Отд. 3. – СПб.: тип. Я. Трея, 1851. – С. 106.

33. Фасмер М. Фасмер-online: Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера (1 изд. – 1964-1973. – 4 изд. – 2006) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vas.mer.lexicography.online/> (дата обращения: 05.05.2020).

34. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. – М.: Русский язык, 1999. – 560 с.

35. Шахова М. Ремесло в Костроме // Губернский дом. – 1999. – №5 – 6. 7.

36. Шерцль В. И. Названия цветов и символическое значение их // Филологические записки. – Воронеж: Типография В. И. Исаева. 1884. – 70 с.

37. Baleka J. Modř je barva mezi barvami. – Praha: Academia, 1999. – 207 с.

38. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání. – Praha: Academia, 1983. – 492 s.

39. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. – Praha: Academia, 1988. – 511 s.

40. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A – P. Praha: Academia, 1994. – 757 s.

41. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R – Z. Praha: Academia, 1994. – 634 s.

42. Honzák R. Referendum jako jistá cesta do pekel (26.5.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neovlivni.cz/esej-radkina-honzaka-referendum-jako-jista-cesta-do-pekeli/> (дата обращения: 12.12.2020).

43. Kott F. Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta (1878-1893) (on-line). Ústav pro jazyk český. Akademie věd ČR: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kott.ujc.cas.cz> (дата обращения: 12.12.2020).

44. Mukhamadiarova A., Kulkova M., Kobenko J., Merkish N. The Color World Image in German, Russian and Tatar set Expressions // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC, 2018 – Special Edition. – Pp. 1840-1845.

45. Naprawa A. What Are 'Blue Lies'? (01.05.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.berkeleywellness.com/healthy-mind/mood/article/what-are-blue-lies> (дата обращения: 12.12.2020).

46. Polívka J. Úvodní a závěrečné formule slovanských pohádek. // Národopisný věstník československý. – R. XX. – č. 1. – Praha: Národopisná Společnost československá. – 1927. – S. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nul.cz/ek-obsah/vestnik/html/knihy/vestnik20/texty/vest20-0002.htm> (дата обращения: 12.12.2020).

47. Rejzek J. Český etymologický slovník. Vyd. 1. – Voznice: Leda, 2001. – 752 s.

48. Slovník spisovného jazyka českého (on-line) (2011). Havránek, B. (ed.). Za vedení B. Havránka, J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky zpracoval lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český ČSAV: V. Červená, J. Filipec, F. Havlová, M. Churavý, L. Janský, K. Kozlová, L. Kroupová, J. Machač, H. Marešová, V. Mejstřík, E. Michálek, B. Papírníková, E. Pokorná, B. Poštolková, M. Roudný, Z. Sochová, N. Svozilová, E. Vodrážková, J. Zima. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc> (дата обращения: 12.12.2020).

49. Wurm A., Mокienko V. Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. – 659 s.

50. Zaorálek J. Lidová rčení. 2. opr. vyd. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963. – 780 s.

Список интернет-источников (примеры комментариев):

diskuse aha!: (9.08.2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ahaonline.cz/diskuse/musite-vedet/180605/1> (дата обращения: 12.12.2020).

ct24: (23.01.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ct24.ceskatelevize.cz/1668523-drahy-slibovaly-modre-z-nebe-misto-toho-neni-ve-vagonech-ani-internet> (дата обращения: 12.12.2020).

Реска: (29.9.2014) Реска Z. Změna pro Nymburk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zmenapronymburk.cz/zdenek-reska-rozhovor/> (дата обращения: 12.12.2020).

Trading Academy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trading-academy.cz/kdyz-vam-brokeri-slibuji-modre-z-nebe-ktere-neni-ani-modre-ani-z-nebe/> (дата обращения: 12.12.2020).

Münich: (1.12.2017) Münich D. Překabátěný kafemlýnek // Portál Vědavýzkum.cz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vedavyzkum.cz/blogy-a-komentare/daniel-m-nich/prekabatenu-kafemlejnek> (дата обращения: 12.12.2020).

Класковский: (21.01.2020) Класковский А. Лукашенко сетует на российских братьев. Белорусский нефтяной эмират – всё... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.media/article/20200121/1579625828-lukashenko-setuet-na-rossijskih-bratev-belorus-skiy-neftyanoj-emirat-vsyo> (дата обращения: 12.12.2020).

Сидорова: (31.10.2020) «Угощай или пожалеешь!» Галина Сидорова – о лукапутинском Хеллоуине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/30922442.html>

РБК: (06.08.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/06/08/2020/5f2c256c9a7947e8ea891d41> (дата обращения: 12.12.2020).

IV. 'БОГ' В БЕЛАРУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ПАРЕМИИ

Введение

Концептосфера каждой нации формирует собственную картину мира, в которой по-разному количественно реализуются отдельные слова и паремии. Особого внимания в языковом запасе заслуживают устойчивые единицы с компонентом *бог*. Представление о сакральном ярко отражено в религиозном мировоззрении, т.к. любая религия выдвигает объект для поклонения и предполагает причастность народа к этому объекту, веру в его существование. Все сферы деятельности и интересов человека находят своё отражение в языке, поэтому репрезентацию образа Бога в паремии можно рассматривать как своеобразный концепт, отражающий ментальный опыт народа. Этот опыт связан не только с его древней историей, процессом формирования нации и её вероисповедания, это ещё и история развития процесса мышления и интеллекта.

Сакральное само по себе амбивалентно, как отмечают А. Н. Соколова и Б. С. Хотко, «в нём одновременно существует святое и скверное, божественно-трепетное и ужасающе-зловещее, благое и опасное, возвышенное и земное»; «сакральное не тождественно религиозному. Оно шире и объёмнее религиозного, да к тому же «древнее» его» [15]. Сакральное мышление – по теории А. Дугина, – есть «мышление, структурированное интеллектуальной интуицией» [5], которая представляет собой своеобразную трансляцию результата познания аппарату рассудка.

Паремии отражают представления отдельных эпох – мифологического, религиозного и других типов сознания. Паремии – наиболее яркие языковые «картинки» о Боге, «нарисованные» народными, наивными представлениями о высшей сущности. Они передают различные нюансы адаптации христианской традиции и отражают живой процесс развития мышления и языка. Поэтому сравнительное изучение паремий в диахронии и синхронии одного языка, так и в сравнении с аналогичными наивными формами народного восприятия других языков, представляет собой познание вербализованных стереотипов, лежащих в основе наивной картины мира.

Понятие (и термин) «паремия» – по мнению Б. Нормана, – удобно своей широтой, т.к. *«оно объединяет разнообразные малые жанры фольклора: пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова, а также прибаутки и загадки, считалки и дразнилки и т.д.»* [12, с. 1], объединённые общей чертой своей воспроизводимости, а также принадлежностью к определённом ментальному контексту.

В данной работе мы рассмотрим языковую плоскость отражения сакрального на примере двух славянских лингвокультур – белорусской и чешской, опираясь на два неразрывно связанных слагаемых национальной картины мира – 1) паремии, характеризующие восприятие образа Бога, и 2) место религии в современной национальной культуре. В качестве основного используется лингвокультурологический подход, объединяющий исследование вербализованных стереотипных представлений с анализом их репрезентации в исторической и современной культурной плоскости. Основным материалом для анализа являются белорусские и чешские паремии с компонентом *бог*. Источниками паремий служат фразеологические словари, словари пословиц и поговорок, материалы из медиаресурсов, Национальный корпус чешского языка [20] и Белорусский национальный корпус [1]. Одновременно с анализом языковой репрезентации образа Бога в национальных картинах мира двух народов нашей целью является освещение вопроса – как зафиксированный в словарях языковой материал соотносится с ролью и местом религии в современной Чехии и Беларуси. Для ответа на этот вопрос в качестве источников привлекаются статистические данные переписей населения двух стран.

1. Бог в коллективном сознании чехов – статистика

С целью проследить одинаковый временной срез, мы используем данные чешской переписи 2011 г. и белорусской переписи 2009 г. (последняя перепись в Беларуси прошла в 2019 г., следующая перепись в Чехии пройдёт в 2021 г.).

Две славянские страны с примерно одинаковым количеством населения (Беларусь – 9 000 489 чел. и Чехия – 10 436 560 чел.) существенно отличаются по отношению к религии, что наглядно отражают статистические данные о количестве верующих в двух странах.

По традиционному вероисповеданию Чешская Республика – католическая страна, а по реальной приверженности религии чехи – народ атеистический. Официальная статистика [21] показывает, что из 10 436 560 чел. считают себя верующими и относят себя к какому-либо вероисповеданию 1 463 584 чел., что составляет 14% от общего количества населения ЧР (для сравнения: в 2001 г. – количество верующих составляло 3 288 088 чел.). В современной Чехии зарегистрировано 43 конфессии и церковные организации. Среди верующих наибольшее количество (1 082 463 чел.) принадлежит к Римско-католической церкви (2001 г. – 2 740 780 чел.); к Евангелической Чешско-Братской Церкви – 51 858 чел. (2001 г. – 117 212 чел.); к Чехословацкой гуситской церкви – 39 229 чел. (2001 г. – 99 103 чел.); к Православной церкви Чешских земель и Словакии – 20 533 чел.; к Свидетелям Иеговы – 13 069 чел.; к малочисленным (менее 10 000 чел.) относятся Силезская евангелическая церковь Аугсбургского исповедания – 8 158 чел.; Церковь адвентистов седьмого дня – 7 391 чел., Старокатолическая церковь – 1 730 чел.

По статистике, в Чехии существует ещё одна часть верующего населения – 6,8 %, или 705 368 чел. веруют, но не причисляют себя к какой-либо церкви или вероисповеданию.

Таким образом, общее количество жителей Чехии, считающих себя верующими, по состоянию на 2011 год составляло 2 168 952 чел., или 20,8% от общего количества населения страны. В различных исследованиях уровня религиозности современного мира Чехия входит в десятку наименее религиозных стран.

На вопрос – почему чехи массово отказались от религии, – ответить сложно.

Некоторые историки называют неверие исторической спецификой чехов. Его корни связывают с разными эпохами и причинами: гуситскими войнами, приходом немецких лютеран, процессом рекатолизации, а также с началом XX века, когда католическая церковь настаивала на сохранении существующих порядков и постепенно превратилась в символ национального угнетения. В это время городская среда противопоставляла себя церкви идеей т.н. чехо-славянизма, или панславизма. Начавшийся процесс отчуждения нации от церкви был ускорен началом Первой мировой войны, когда церковь благословляла солдат, уходящих на войну с православными народами, чехи – как приверженцы славянской взаимности, не хотели участвовать в этой войне.

2. Беларусь и вера

Общая численность населения Республики Беларусь соотносительна с численностью населения Чешской Республики (2009 г. – 9 503 807 чел., 2019 г. – 9 413 446). В переписи населения Беларуси вопрос о религии не внесён. Проведенные социологические опросы показывают следующие результаты:

«абсолютное большинство респондентов (95%) относит себя к различным религиозным конфессиям. Доминирующей из них является православие (84,5%), католическую – отметили 8%, протестантизм – 1,5%. Заявили, что не являются приверженцами ни одного из вероисповеданий 4,5% граждан.

Результаты проведённого опроса свидетельствуют о том, что верят в Бога 62% респондентов, в сверхъестественные силы – 2,5%. Не смогли однозначно определить своё отношение к вере 27% опрошенных, а 8% сказали, что не являются верующими» [13, с. 56].

Опросы, по понятным причинам, не охватывают всё население Беларуси, потому не могут считаться настолько достоверными, как перепись. Их результаты свидетельствуют о том, что количественные показатели верующих в Чехии и Беларуси существенно различаются, но в обеих странах проявляются общие тенденции, прежде всего – это снижение количества верующих, вторая – небольшая часть населения утверждает, что верит не в Бога, а в сверхъестественные силы, третья общая тенденция – не все могут сформулировать ответ на вопрос – верят ли они в Бога.

3. «Отношения» человека с Богом – беларусская лингвомодель

Концепт «Бог» является важнейшей составляющей каждой христианской культуры. Он отражает общие для христианского мира морально-этические нормы, включая библейское понимание 'добра' и 'зла'. Эта модель миропонимания отражает архетипические связи, а вместе с тем позволяет выделить уникальные, эндосферные особенности восприятия «высокого» в понимании каждой отдельной нации.

Ю. Н. Михайлова отмечает, что любой концепт не остаётся неизменным во времени, его поле постоянно расширяется и углуб-

ляется под влиянием новых знаний. «При этом большим изменениям подвергается фоновая часть и ценностная составляющая концепта, тогда как ядерная часть остаётся, как правило, неизменной» [11, с. 183].

Исходя из этого, предполагаем, что паремии – как наиболее устойчивый и старый «срез» языкового сознания народа, представляют по большей части именно ядро «застывших» наивных представлений о Боге. Поэтому необходимо рассмотреть и ещё один вопрос – на сколько актуальны эти представления и какая роль им отводится в сознании современника.

А. С. Дедова отмечает, что в языковой картине мира белорусов «добро и зло – это то, что Бог даёт за высокие или низкие моральные качества и поступки человека. В значительном количестве паремий белорусского языка выражение добра, как нравственной категории, происходит с помощью лексемы-репрезентанта Бог: *бог даў дабро, бог і ўзяў яго; багацце ад бога, беднасць ад бяды*. Следует отметить, что белорусы как и в прошлые века, так сегодня относятся к Богу с большим уважением и почтением, надеясь на его помощь в сложных и трудных ситуациях» [4, с. 108].

Устойчивых единиц с компонентом *бог* в белорусских словарях различных типов много. Их семантический объём оформляет божественную фигуру как мерило всего сущего, как маркер оценки поведения человека. Паремии часто выполняют положительную или отрицательную оценочную функцию, некоторые, в зависимости от контекста, могут выступать и в той, и в другой функции. Другие единицы применимы только к человеку – оценивают его поведение – *Бога няма на каго* [8, с. 30]; *Бог каму суддзя. «Неадабр. 1. Хто-н. паплаціцца за свае нядобрыя справы. <...> 2. «Няхай гэта будзе на чый-н. сумленні як яго маральная адказнасць за нядобры ўчынак. <...>»* [8, с. 31], другие относятся и к человеку, и к предмету / месту – *«Богам прокляты <...>. Занядбалы, пакінуты на волю лёсу. Сін.: богам забыты* [8, с. 30], третьи соотносятся с оценкой созданного человеком, результатом его труда – *«Бог жыве дзе. <...> «Дзе-н. вельмі хораша, усё добра. Сін.: бог начуе дзе»* [8, с. 30]. В состав паремий входит также много разноструктурных междометных единиц, которые посредством образа Бога выражают различные эмоции, призывы, клятвенные утверждения, значение которых можно обобщить присутствующим во всех славянских языках междометием *«Бог сведка. Выкл. Разм. Праўда, далібог. Ужыв. для пацвярджэння*

чаго-н., запэўнення ў праўдзівасці чаго-н. Сін.: *бачыць бог; ісцінны бог; слова гонару; чэснае слова; як бог свят*» [8, с. 31].

В наиболее полном современном словаре фразеологизмов И. Я. Лепешева [9] насчитывается более ста ФЕ с компонентом *бог / божя*, и более двадцати единиц с компонентом *божы*. Наиболее активные из них можно условно представить следующими семантическими группами:

– ‘главенствующая роль бога’: *бог бацька, бог каму суддзя, бог сведка, адзін бог (святы) ведае, аднаму богу вядома, і цар, і бог, і воінскі начальнік;*

– ‘отрицательная оценка’: *богам пракляты, богам пакрыўджаны, богам забыты, не бог ведае які;*

– ‘бог даёт’: *сам бог наслаў, бог дасць / даў, бог семярым нёс, ды аднаму дастаўся (удзяліў)* (нос ‘очень большой’);

– ‘бог берёт / судит’: *бог пакрыўдзіў, бог не судзіў* (‘не суждено’), *бог пакараў;*

– ‘просьбы к богу’: *дай божя, дай божя кожнаму, дай божя памяць, дай божя ногі, дай божя чутае бачыць, не дай божя, не давядзі божя, крыў божя;*

– ‘благодарность богу’: *дзякуй богу, дзякаваць богу;*

– ‘вера’: *ставіць богу свечкі, мець бога ў сэрцы;*

– ‘смерть’: *бог прыбраў; пачыць у бозе;*

– ‘хорошая жизнь’: *як у бога за пазухай, як у бога за плячыма, як у бога за дзвярыма;*

– ‘что-то необычное’: *бог ведае што;*

– ‘неизвестно’: *адзін бог (святы) ведае, бог ведае;*

– ‘чужой, плохой человек’: *не нашага бога;*

– ‘пристрастие к алкоголю’: *шкляны бог, бачыць шклянога бога;*

– ‘дар’: *ад бога, бог наслаў, бог не пакрыўдзіў (не абдзяліў);*

– ‘как придётся’: *як бог на душу пакладзе, як бог дасць, што бог наслаў, дзе бог паішле.*

– ‘эмоции’ (отражают междометные ФЕ с разной модальностью): *барані божя (божачка, бог), божя (божачка) мой, божя збаў, божя (мой) літасцівы, дай божя, хавай божя, напрамілы бог.*

Малый русско-беларусский словарь пословиц, поговорок и фразем З. Санько [14, с. 15], кроме единиц с вышеописанной семантикой, представляет несколько других семантических групп:

– ‘бог не ровно делит’: *бог не гуляе, шмат палатна мае ды багатым торбы нагатаўляе;*

- ‘смирение с бедностью’: *бог жабраваў і нам казаў;*
- ‘бог знает потребности каждого’: *бог ведае, хто што робіць і як абедае;*
- ‘возможность наказания’: *бог не цяля, бачыць круцяля, бог не Мікітка, павыламіць лыткі.*

Пословицы и поговорки из собрания религиозного и общественного деятеля XX века – эмигранта Л. Горошки [2, с. 276-279] в большей мере заостряют внимание на ролях, отведённых богу и человеку:

– роль бога: *бог дае на ўсіх долю; бог бачыць сірочыя слёзы; бог сірату любіць, але шчасця не даець; бог гордых з неба скідае, бог з людзьмі робіць ігрыско: аднаго ўгару, а другога нізка; бог не захоча, то як ні круціся, а нічога не зробіш;*

– роль человека: *бог ды бог, але і сам не будзь плох; божа памажы, але і сам не ляжы.*

Паремии отражают зависимость человека от Бога, но многие из них подчёркивают, что человек не ограничен в своём выборе, с благодарностью принимая дары, он сам должен выбирать свой путь. Образ Бога в наивной картине мира входит также в парадигму ‘бог – чёрт’: *бог дарогаю, а чорт цаліком; бог зароджвае пшаніцу, а чорт куколь сее; бога хвалі і чорта не квалі.*

В других собраниях пословиц и поговорок можно встретить единицы, говорящие о родственных связях и сиротах (*бацька і маці – ад бога ў хаце, хто іх зневажае, той дабра не мае; над сіратою і бог з калітою*), главным продукте питания (*без бога і хлеба не з’еш многа*) и многом другом.

Разряд паремий с компонентом *бог* – один из наиболее богатых, ведь мы имеем дело с ценностным компонентом, значимым для носителей культуры на протяжении всей жизни. Сегодня семантические группы паремий с компонентом *бог* являются практически закрытыми, в наше время они не пополняются. Уже известные единицы представляют собой базисную модель представлений о высшей силе, как о том, что изначально дано, Бог – всегда находится рядом с человеком, наделяет его дарами, карает и милует, знает о человеке всё. В паремии образ Бога выступает чаще всего в роли оценочного маркера, отмечающего правильный или неправильный образ жизни человека.

Некоторые из приведённых единиц более употребимы, другие – менее, в целом же – единиц, которые бы устарели и полностью вышли из обихода, в белорусских словарях практически нет. В современной прессе всё чаще «всплывают» нечастотные единицы (*ўхапіць бога за бараду, як Бог чарапаху, ад бога выспятка* и др.), которые весьма удачно вписываются в новый контекст, не оставляя у читателя недопонимания или «послевкусия» чего-то устаревшего. Использование таких ФЕ в политической аналитике, безусловно, способствует их реновации.

– *«Завязайся ж ён, калі глядзець у корань, праз тое, што сам Лукашэнка на дасвеці прэзідэнцтва, у 1990-х, вырашыў ўхапіць бога за бараду, прыладкаваўшыся да таных расейскіх рэсурсаў»* (Класкоўскі – 6.02.2020).

– *«А што рабілася ў “талерантным Менску” 1600 г., які Бабкова нядаўна расьпісала як Бог чарапаху?! Суды, скаргі, мардабоі. Асабліва, калі пачынаў засядаць Трыбунал – цяперашняя Каардынацыйная Рада – о, тады давалі коксу, дыму і чаду!»* (Чобат – 2.05.2001).

К менее частотным относится ФЕ *ад бога выспятка(!)* – досл. пинка (тебе) от бога! Т.е. ‘получай, раз хочешь неизвестно чего’. Это междометный фразеологизм, выражающий крайнее возмущение поведением кого-то, кто хорошо обеспечен, имеет хорошее место, но не умеет это ценить. ФЕ считалась в XX веке областной. В литературный язык она вошла в конце XX века благодаря классику белорусской литературы Владимиру Короткевичу, в произведениях которого появлялась часто.

ФЕ также связана с произошедшим с писателем однажды – в первый день нового года курьёзным случаем. В. Короткевич с А. Мальдисом утром 1 января в Гудогае пошли посмотреть спектакль в местный клуб, кто-то из артистов опаздывал, спектакль задерживался, и Короткевич задремал. Дочь участкового объявила, что в зале присутствует известный поэт и попросила его на сцену. Короткевич на сцену не поднялся, но вышел вперёд и сказал обиженным голосом:

«– Людзі добрыя! Учора быў Новы год, сёння таксама свята. Вы стомленыя, я змораны... То якога ж яшчэ выспятка ад пана Бога вам трэба?!» [16].

Представленная единица за относительно короткий срок вошла в литературный язык и стала использоваться не только как междо-метная.

К собственно белорусским относятся также синонимичные единицы *бог не цяля, бачыць круцяля* (досл. бог – не телёнок, видит жулика), *бог не Мікітка, павыламіць лыткі* (бог – не Никитка, сломаёт икры ‘ноги’). Обе единицы говорят о Боге как о высшей силе, наказывающей за недостойные поступки.

4. Чешская лингвомодель «отношений» человека с Богом

Чешская начальная школа в конце XIX века имела весьма примечательную хрестоматию Ф. Бартоша, целью которой, кроме развития речи, было ознакомление учеников второго класса с чешскими пословицами («*Česká čítanka pro druhou třídu škol středních*», 1883) [18]. Среди других тематических областей, были представлены 23 единицы, объединённые под названием «Чешские пословицы о Боге, добродетели и грехе» [18, с. 21]. Приведём лишь некоторые из этих устаревших единиц: *činíme od Boha počatek, a bude dobrý pořadek; Boj se Boha, styd se lidí, nehřeš více, Pán / Bůh vidí; Boha vzyvej, sám ruku příkladej; Jednou v roce, i to v oce*. Можем предполагать, что в конце XIX века эти выражения были обычными, если автор хрестоматии посчитал нужным зафиксировать их в сознании учеников младшего возраста.

Значительное количество устойчивых единиц с компонентом *бог* содержит собрание Ф. Л. Челаковского (1799-1852) [19, с. 9-26]. Приведённые в нём выражения создают общий образ Бога как высшего создания, для которого нет ничего невозможного, он всегда раздаёт, он единственный без греха, одни двери закрывает, а сто других открывает – в целом в приведённых единицах отражаются общие представления о Боге, сформированные в христианской традиции.

Обращают на себя внимание конструкции [бог дал / даст + что? (1), бог даст + и + что? (2)]:

– *Bůh dal život, Bůh dá i zdraví* (жизнь – здоровье);

– *Bůh dal zuby, Bůh dá i chleba* (зубы – хлеб);

– *Bůh dá den, Bůh dá i pokrm* (день – пища, будет день – будет пища);

– *dal pán Bůh kravičku, dá také travičku* (коровку – травку).

Словарь «Чешские пословицы» В. Флайшганса [23, т. 1, с. 26-39] содержит устаревшие единицы и представляет подобные семантические группы, которые были нами выделены при рассмотрении белорусского материала.

– ‘главенствующая роль Бога’: *Bůh svědek, bůh všudy, bůh vše vidí, Boha nepřevalíš, boj se Boha*;

– ‘отрицательная оценка’: *bůh pýchy nemiluje; bůh pýšným se protiví* (досл. бог гордыни не любит, горделивым бог препятствует);

– ‘бог даёт’: *co Pán Bůh dá; to se státi má; jak Bůh ráčí, tak at kračí*;

– ‘как придётся’: *bůh vysoko, král daleko, pravdy nikdiež*;

– противопоставление бога и чёрта: *bůh spolčil, čert dělil; bůh stvořil volky, čert spolky, co komu Bůh dá, čert (sv. Petr) nevezme*.

– ‘эмоции’ (междометные ФЕ): *pro Boha, za Boha*.

Анализ единиц, зафиксированных в словарях, показывает, что чешский язык, в сравнении с белорусским, имеет больше устойчивых сочетаний с компонентом *бог*, передающих негативную оценку человека. Эти устаревшие единицы характеризуют внешность, психическое состояние, интеллектуальные способности, называют дурные привычки, среди которых на первом месте стоит пьянство:

– *Být boží* (досл. быть божьим) 1. *Je dnes boží* – je opilý (‘пьяный’), 2. *už je boží* – už spí – ‘спит’;

– *Jest boží a Michalův* – ‘пьяный’;

– *Nebyla doma, když Pánbůh rozdával krásu* (досл. не была дома, когда бог раздавал красоту) – ‘некрасивая’;

– *Nebyl doma, když Pánbůh rozdával rozum* (досл. не был дома, когда бог ум раздавал) – ‘ограниченный, глупый’;

– *Šla dvakrát, když Pánbůh rozdával vejřečnost* (досл. шла два раза, когда бог раздавал красноречие) – ‘чересчур болтливая’;

– *Šel dvakrát, když Pánbůh rozdával hloupost* (досл. шёл два раза, когда бог раздавал глупость) – ‘ограниченный, глупый’;

– *Býti na božích cestách* (досл. быть на божьих дорогах) – ‘веселиться, гулять’;

– *Ukrádat Pánu Bohu čas* (досл. красть у бога время) – ‘лениться’.

Большое количество устойчивых сочетаний с компонентом *бог*, приведённых в чешских словарях, ощущаются как устаревшие, однако, в медиальной сфере они иногда используются.

В словаре чешского литературного языка [22] встречаем такие единицы: *věřit v Boha* – верить в бога; *začínat něco s Bohem* – досл.

начинать что-то с Богом, т.е. с молитвы; *(Pán) Bůh ti požehnal* – бог его благословил; *poručit něco (Pánu) Bohu* – оставить всё в руках божьих; *(Pán) Bůh ho k sobě povolal* – бог призвал к себе; *odevzdal (poručil) duši (Pánu) Bohu* – отдать богу душу; *už ho (Pán) Bůh soudí* – отправился на суд Божий; *host do domu, bůh do domu* – гость в дом – бог в дом; *člověk míní, Pán Bůh mění* – человек полагает, а бог располагает; *Bůh vysoko a car daleko* – до бога высоко, до царя далеко. В качестве усилительных конструкций выступают единицы *nevzpomenout si za (živého) boha* – ‘не мочь вспомнить’; *měl toho, až Bůh brání* – ‘имел всего очень много’; *zaklínat se živým bohem* – Христом богом просить / молить; *přisám bohem* – клянусь богом; *chraň bůh* – сохрани господи; *nedej bože* – не дай бог; *díky bohu; chvála bohu* – хвала богу, слава богу; *Bůh ví* – ‘кто знает’ и другие. Практически все приведённые единицы носят общеславянский характер и имеют межъязыковые эквиваленты.

К специфически чешским относятся выражения *Na svateho bůh ví (na svatého Bůhvi)* – т.е. ‘никогда’, соответствует белорусскому *на святога нігды*; *Zpil / najedl se do Boha* – в белорусском *Наесціся ад пуза* – ‘очень много наестся / напиться’; *Být z Boha člověk* – ‘быть очень хорошим человеком’; *Dostat Boha* (эвфемизм, вместо чёрта) – ‘ничего не получить’; *Kupovat na věřím v Boha* – ‘покупать что-то в долг’.

5. Межъязыковые взаимосвязи

Современные белорусский и чешский языки, как и другие славянские, сохраняют значительный общий пласт паремий с компонентами *бог* и *божий*. Сравнение словарного материала позволяет строить ряды структурно связанных эквивалентов, различающихся фонетическими показателями, порядком слов или наличием уточняющих элементов. К полным эквивалентам можно отнести единицы *Бог дае – Bůh dá*; *Бог бачыць – Bůh vidí*; *Бог ведае – Bůh ví*; *Бог бярэ – Bůh vezme*; *Ад бога – Od boha*; *Дзякаваць богу* (за нешта) – *Děkovat bohu za něco / to / že*; *Богу душу аддаць – Odevzdat svou duši bohu*; *Служыць богу – Složit bohu*; *Барані бог / божа – Chraň bůh*; *Не дай бог / божа – Nedej bože*.

В чешско-беларусском фразеологическом словаре, кроме названных, представлены ФЕ: *brát [si] boha za svědka [že]* – бог сведка. S.: бачыць бог; ісцінны бог; слова гонару; чэснае слова; яй-

богу; *яй права; як бог свят; být кому bohem* – быць кумірам для каго; *mít čeho do boha / doboha* – мець чаго да чорта S.: *мець чаго да халеры; poručit co bohu / pánu bohu* S.: *přestat se starat* о со; *odevzdat se do vůle boží; nechat со osudu* – накінуць усё на волю бож'ю; *věřit v boha* – верыць у бога; *zaklínat se živým bohem* – Хрыстом-богам прасіць / маліць; *myslet si [o sobě] bůhvico* – думаць пра сябе бог / чорт ведае што [7, с. 37].

Бог как концепт и компонент паремий в большей степени подвергся переосмыслению в чешской картине мира. Наблюдается вымывание его положительной оценки и приобретение отрицательной. Наиболее ярко это отражает пример междометий, кажущихся семантически равнозначными: *Божа мілы!* и *Pane Bože!*

Pane Bože! – русское *господи боже (мой)!*; *господи Иисусе Христе!*; *господи помилуй!* используется в чешской разговорной речи и в качестве выражения положительных эмоций, и как ярко выраженная сниженная единица (*Ty vole!*), приближённая к инвективам.

Беларусское (*А*) *божа мілы!*, при наличии противоположных значений – восклицание при приятном удивлении и восклицание в неприятной ситуации, остаётся в стилистических рамках стандартного языка.

6. Межъязыковая асимметрия в номинации Бога и человека в формулах обращения

По библейским представлениям, Бог создал человека по подобию своему, а вся история человечества – это история «приближения» человека к Богу, история его познания и стремления следовать божьим заповедям. В языке человек персонифицирует образ Бога, и, что немаловажно – обращается к нему. В этом контексте обращение, как речевая формула этикета, приобретает особую значимость. Ведь сакральная сфера без неё не обходилась, даже при том, что древнейшая коммуникация, будь то с языческим божеством, или христианским Богом, была вербальной на половину – вербально обращался человек.

А. Жлутка отмечает: «Практически во всех европейских языках обращение к Богу и вежливое обращение к человеку – идентичны и различаются иногда только письменно (написанием с большой или с маленькой буквы)» [6]. Это проявляется не только в реализации

обращения как этикетной речевой формулы, но, как свидетельствуют рассмотренные нами чешские примеры, в старших изданиях оба слова, и *Pán*, и *Bůh* – пишутся с большой буквы, и даже сливаются в единое слово *Pánbůh*, от которого образуется диминутив *Pánbiček* / *pánbiček* / *pámbiček* / *pambíček*. Эта фамильярная форма также входит в состав паремий: *pánbiček ti pomůže* (боженька тебе поможет); *pánbiček si ho vzal* – ‘умер’; *s pámbičkem* / *spámbičkem jděte* (идите с богом); *zaplat' vám to pámbiček (nebeský)* – ‘благодарность’; *aby vám dal pámbiček hodně zdraví* (дай вам бог здоровья); также в междометных: *pámbičku (nebeský)!*; *pro pámbička!*; *kdyby to pámbiček dal* и т.д.

Между примерами фиксации чешских паремий в XIX и XX веках наблюдается не только количественная разница, но и графическая. В старших чешских изданиях встречаем написание *Pán Bóh*, *Pán Bůh*, *Pánbůh* с большой буквы, в XX веке большая буква постепенно заменяется маленькой, в большинстве случаев из паремий опускается и слово *Pán*. В современных словарях в паремии преобладает компонент *bůh*, пишущийся с малой буквы.

Pán / *paní* в чешском языке – традиционное нейтральное обращение к знакомым и незнакомым людям. Беларусский язык, как и другие языки «постсоветского» пространства, сегодня не имеет нейтрального обращения. Слово «спадар», известное в досоветской истории, приобрело политический оттенок в 1990-е годы, а слово «пан» долгое время оставалось маркированным беларусско-польскими историческими отношениями. Такая ситуация с обращением в беларусском языке создаёт проблемы не только в коммуникации, но и в переводе. А. Жлутка обращает внимание на два древнейших обряда, действующих в Беларуси: латинский и греческий, которые различаются как обращениями к Богу: «Пан» и «Госпад» (ранее – «Гасподзь»), так и другими терминами: *касцёл* и *царква*, *кляштар* и *манастыр*, *ксёндз* и *поп*, *слуга* и *раб*, *аплатка* и *прасвірка*. В беларусском коллективном сознании при сформированном толерантном отношении ко всем существующим на территории страны конфессиям, обнаруживается разница в вербализации обращения к Богу, используемого в разных церковных традициях. Некоторые в такой толерантности видят причину возникновения коммуникативной лакуны – отсутствие нейтрального обращения. Именно этот признак – отсутствие / наличие обращения лежит в основе главного отличия беларусских и чешских паремий с компонентом *бог*.

Несмотря на то, что в современных чешских словарях большинство паремий зафиксировано с компонентом *bůh*, в речевом узусе и медиаресурсах к нему добавляется *Pán*. Об этом свидетельствуют тексты некоторых современных песен, например, Т. Клуса «*Za co, Pane Bože, za co, trestáš tento prostý lid?*», а также данные Чешского национального корпуса:

– «*A mám ten dojem, že Pán Bůh má s vámi velké plány*» (Viewegh, Michal (2013): *Můj život po životě*. Brno: Druhé město) [20].

– «*Něco uděláte a pak sledujete, jak včely reagují. Člověk je pro ně tak trochu Pán Bůh, i když ony si taky nenechají všechno libit, usmívá se Robert Šulman*» (Víkend HN, č. 29/2013) [20].

Заключение

Сопоставление языкового материала со статистическими данными не позволяет делать абсолютные выводы, но даёт возможность обобщить некоторые наблюдения.

Сакральное мышление, отражённое в паремии, есть мышление человека определённой эпохи. Расширение паремий с компонентом *бог* можно связывать, кроме иного, со славянскими переводами Библии. Процесс переосмысления божественного образа связан с получаемым человеком опытом, а в общенациональном контексте может быть связан с историческими причинами.

Проведённый анализ показывает, что наличие в языке большого количества языковых единиц с компонентом *бог*, во-первых, не означает, что современные носители языка ими пользуются. Во-вторых, присутствие значительного языкового слоя с библейской тематикой не значит, что для современника этот слой является значимым и воспринимается также, как его предками сто и более лет назад.

Отношения человека с Богом по-разному отражаются в чешской и белорусской статистической и языковой картине мира. Подавляющее большинство жителей Чехии считают себя атеистами, а в речевой коммуникации слово *бог* часто вызывает у чехов улыбку, особенно у людей в возрасте до 40 лет. Отношение к религиозным темам отличается дуализмом, в современной Чехии оно обычно не коррелирует с оценкой нравственных качеств человека. В повседневной жизни верующий воспринимается как чудак. СМИ время

от времени упоминают Бога как некий высший авторитет, который, однако, не имеет силы.

Многoletний опыт проживания в ЧР и регулярно проводимые опросы чешских студентов показывают, что среднестатистический житель Чехии посещает церковь два раза в год, на католическое Рождество (Vánoce) и Пасху (Velikonoce), не связывает эти праздники с религией, а воспринимает их как красивую традицию. На вопрос анкеты «Обращаетесь ли вы когда-нибудь к Богу? Если да, то когда?» большинство чешских студентов с постоянством отвечает – почти никогда, только перед экзаменом.

В языковой картине мира беларусов компонент *бог* в составе паремий является своеобразным этическим маркером, оценивающим поведение человека (положительно и отрицательно). Паремии – как отражение наивных народных ассоциаций, в своей семантике отражают две психологические плоскости, это отношение человека к богу и отношение бога к человеку.

Анализ паремий с компонентом *бог* наглядно указывает, что в рассмотренных нами языках единицы одной из самых больших тематических групп не являются частотными в коммуникации. Однако при их использовании в текстах песен и в массмедиа, эти паремии адекватно вписываются в контексты современных событий, не производя ощущения своей «устарелости».

Литература

1. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorpus.info> (дата обращения: 12.12.2020).
2. Гарошка Л. Прыказкі і прымаўкі са збору Л. Гарошкі // Бібліятэка імя Ф. Скарыны ў Лондане “Божым шляхам”. Парыж – Лондан, 1947-1975. // Аксамітаў А. Прыказкі і прымаўкі. – Мінск: Беларуская навука, 2000, 320 с. – с. 271-295.
3. Даніловіч М. Вялікая літара і слова бог у фразеалогіі // Роднае слова. – № 10. – 2015. – С. 27-32.
4. Дзядова А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 162 с.
5. Дугин А. Сакральное мышление в философии досократиков // ПЛАТОНОПОЛИС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-sakralnoe-myshlenie-v-filosofii-dosokratikov> (дата обращения: 12.12.2020).

6. Жлутка А. Пан, Госпад, Спадар? // Наша вера. – 1995. – № 1. – С. 80.

7. Калита I (Kalita I.) Česko-běloruský frazeologický slovník. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. – 258 с.

8. Лепешаў І. Я. У фразеалагічную скарбонку: Даведнік. – Гродна: ГрДУ, 2004. – 150 с.

9. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А-Л – 672 с.; Т. 2: М-Я – 704 с.

10. Ляшчынская В. Сакральнае ў фразеалагізмах з кампанентам бог і вытворнымі // Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 659. – Романо-слов'янський дискурс. – 2013. – С. 57-62.

11. Михайлова Ю. Н. Об эволюции лексикографического представления концепта БОГ // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 28. – С. 181-191.

12. Норман Б. Ю. Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм // Opera Slavica. – 2007. – т. 17. – к. 2. – С. 1-12.

13. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2018. – 180 с.

14. Санько З. Малы беларуска-рускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. – Мінск: Навука, 1991. – 218 с.

15. Соколова А. Н. Формы проявления сакрального мышления в культуре современных абхазов / А. Н. Соколова, Б. С. Хотко // Человек и культура. – 2017. – № 6. – С. 17-25. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.6.21629 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21629 (дата обращения: 12.12.2020).

16. Шапран С. Быков – Бородулину: «Ты ўжо друкуешся ў раздзеле “кулінарыя”. Расцеш!»: исторические анекдоты о великих (30.12.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tula.kp.ru/daily/27074.1/4144976/> (дата обращения: 12.12.2020).

17. Якалцэвіч М. А. Прыказкі з лексемай бог у сваім складзе // Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канф. “Скарына і наш час”, 14-15 кастрычніка 2011 – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2011. – С. 247-249.

18. Bartoš F. Česká čítanka pro druhou třídu škol středních. – Brno: Winiker, 1883. – 208 s.
19. Čelakovský F. L. Mudrosloví národu slovanského v příslovích. – Praha. 1852/1949. – 922 s.
20. Český národní korpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 12.12.2020).
21. Český statistický úřad. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scitani.cz/csu/2003edicniplan.nsf/o/4110-03--skladba_obyvательства_podlenabozenskeho_vyznani_pohlavi_a_podle_veku (дата обращения: 12.12.2020).
22. Slovník spisovného jazyka českého (on-line) (2011). Havránek, B. (ed.). Za vedení B. Havránka, J. Běliče, M. Helela a A. Jedličky zpracoval lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český ČSAV: V. Červená, J. Filipec, F. Havlová, M. Churavý, L. Janský, K. Kozlová, L. Kroupová, J. Machač, H. Marešová, V. Mejstřík, E. Michálek, B. Papírníková, E. Pokorná, B. Poštolková, M. Roudný, Z. Sochová, N. Svozilová, E. Vodrážková, J. Zima. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc> (дата обращения: 12.12.2020).
23. Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku ve dvou svazcích. (1. A-N, 2. O-Ž) (1. vyd. – Praha 1911, 1913). – 2 vyd. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

Список интернет-источников (примеры комментариев):

- Класкоўскі А. Лукашэнка перад расейскай амбразурай (6.02.2020) // БЕЛСАТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belsat.eu/news/lukashenka-perad-rasejskaj-ambrazuraj/> (дата обращения: 12.12.2020).
- Чобат А. Трывожны месяц верасень // Наша Ніва – №18 (227), 2001 (02.05.2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.nashaniva.by/articles/95449/> (дата обращения: 12.12.2020).

V. О СИНКРЕТИЗАЦИИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Введение

Различные аспекты языкового синкретизма вызывают в научной среде живой интерес. Относительно молодая научная область лингвистики открывает необъятное исследовательское поле. Под синкретизмом в общем понимают совмещение в одной языковой единице двух контрастных свойств, одно из них присуще данной единице изначально, а другое или несколько других являются приобретёнными, изначально не свойственными данному разряду / классу / категории единиц. Явление переходности – универсальное свойство любой живой системы, способствующее как её росту, развитию и совершенствованию, так и угасанию, исчезновению и умиранию. Процессы переходности – как векторы развития языковой системы, проявляются не только на всех уровнях языка, они закономерно отражаются и в жанровом разнообразии художественной литературы различными специфическими «переходными» формами, как белый стих, фельетон, поэма в прозе, метод магического реализма. На разных системных уровнях языка мы встречаемся с явлениями, вступающими в трансграничные связи. Выходя за границы «своей» системы, языковые единицы в «пограничном» состоянии обретают свойства «чужой» системы и начинают выполнять новые, ранее не свойственные им функции.

В данной работе мы рассмотрим частный случай частеречного синкретизма – единицу, совмещающую свойства нескольких классов – слов и сверхсловных единств. Предметом исследования является частотная фразеологическая единица белорусского языка, изначально бытовавшая как разговорная. Этнофразеологизм *хавайся ў бульбу* (досл. – прячясь в картофель) в XXI веке значительно наращивает динамику своего использования и расширяет сферы употребления. С конца XX века он активно участвует в устной коммуникации в качестве междометия, а в XXI веке также активно внедряется в письменные стили белорусского языка, кроме того – переходит национальные границы и в качестве ярко эмоциональной оценочной единицы вписывается в русские и украинские тексты.

Цель данной работы – представить особый разряд восклицательных и невосклицательных междометий – междометных фразеологических единиц (МФЕ), их структурно-семантическую и синтаксическую характеристику с точки зрения языковой переходности на примере наиболее яркой и частотной белорусской МФЕ *хавайся ў бульбу*. Анализ использования данной единицы основан на методе сплошной выборки из различных источников. Исходя из того, что *«одной из наиболее распространённых форм бытования языка и речи в наше время являются тексты медиального пространства»* [22, с. 45], мы рассматриваем такие источники, как интернет-блоги, живые журналы, комментарии к текущим новостям и статьям в интернете, также пользуемся данными Белорусского Национального корпуса [5]. Теоретическим базисом служат дефиниции синкретизма, сформулированные в работах В. В. Бабайцевой [2; 3; 4], положения В. В. Виноградова о междометии и его функциях [6, с. 745-746], идеи И. Я. Лепешева о роли и функциях междометных фразеологизмов в современном языковом процессе [15].

В задачи данного исследования входит анализ стилистического потенциала императивных МФЕ. Изучение таких структур может быть полезным не только в чисто теоретическом лингвистическом плане, но также и в практическом – даст возможность рассмотреть арсенал средств в практике перевода и транслатологического анализа, а также обогатить новыми примерами педагогическую практику. Актуальность избранной темы определяется, во-первых, изучением вопроса взаимодействия нескольких языковых плоскостей – анализ синкретичного образования указывает новые возможные векторы развития отдельных частей речи; во-вторых, исследование посвящено малоизученному явлению синкретичной связки ‘фразеологизм – междометие’ и его функционально-стилистической реализации; в-третьих, внимание обращается на архетипичную модель, выраженную междометным фразеологизмом, и на подсознательном уровне понятную носителям родственного языка, чем, возможно, и объясняется использование данной белорусской МФЕ в качестве оценочной в русских и украинских текстах. И наконец, «интервенция» единицы в соседние языки затрагивает сферу межкультурной коммуникации, дающую возможность более полного познания «своего» через «чужое».

1. Методология

В данной работе мы опираемся на следующие дефиниции синкретизма:

«сочетание дифференциальных свойств противопоставленных языковых явлений» [18, с. 66];

«совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме. <...> Совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» [16, I].

Вслед за В. В. Бабайцевой мы считаем синкретичные образования своего рода «конденсаторами семантики», а синкретизм понимаем как одно из проявлений процесса переходности, его следствие и одну из основных закономерностей языка. Исходим из следующего определения:

«Переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними, обуславливая взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований. Переходность (и синкретизм – её следствие) – одна из основных закономерностей системы языка» [2, с. 55].

Когнитивные способности человека базируются на категоризации известной ему среды, систематизируют и упорядочивают информацию, воспринимаемую им вербально, визуально и тактильно. Лексико-грамматическая переходность связана с перекатегоризацией слова. Фразеологизм как единица, способная к синкретизации, практически не рассматривалась – по понятным причинам, – под синкретизмом понимают переход одной части речи в другую. Фразеологическая единица – сверхсловное единство с общепринятым устоявшимся значением. Однако входя в состав предложения, она выступает в новой роли – члена предложения. В то же время – ФЕ как императивное междометие в эту роль не вступает. Именно эти связи вызывают интерес с точки зрения векторов развития синкретизма, ведь в данном случае изменяется функциональность не

лексической, а фразеологической единицы. Об этом свидетельствует факт существования МФЕ. По своей сути это единицы, опустившие границы фразеологии, и, либо выступающие самостоятельно в оценочной роли, либо вступившие в синтаксические отношения. Такие, стоит отметить – довольно редкие МФЕ, не нарушают структуру предложения, а выступают как средство эмоциональной оценки. Названные взаимосвязи служат примером пересечения синхронии языка с его диахронией, семантика современных контекстов и отношений, отражаемая предложением, не комментируется и не дополняется МФЕ, созданными предками. «Предок» по национальному языку восклицательным междометием – фразеологизмом выражает лишь свои эмоции – удивление, недовольство, одобрение, восхищение и многое другое.

Для понимания векторов развития синкретизма важно учитывать валентные возможности, основанные на классификации частей речи. В. В. Виноградов разделял всю лексику на четыре категории: (1) **слова-названия**, или собственно части речи – в современной терминологии – самостоятельные части речи, которым присуща номинативная функция, ибо *«они образуют предметно-смысловую, лексический и грамматический фундамент речи»* [6, с. 30]; (2) **связочные слова или частицы речи** – в современной терминологии – служебные части речи, или, по В. В. Виноградову, структурно-семантический тип слов, лишённый номинативной функции – *«частям речи противостоят частицы речи, связочные, служебные слова»* [6, с. 30], (3) **модальные слова и частицы**, (4) **междометия** – *«Они ближе к экспрессивным жестам, чем к словам-названиям»*, это категория, которая *«уводит в сферу чисто субъективных – эмоционально-волевых изъятий»* [6, с. 30-31].

Исходя из четырёхчленной системы, мы можем предполагать наличие определённого количества возможностей перехода, как в рамках одной категории слов, так и между различными категориями. Особый интерес вызывает четвёртая категория, представляющая нечто, в семантическом плане не поддающееся чёткому определению, но «излучающее» огромный заряд экспрессии.

2. «Хавайся ў бульбу» – семантика, метафорика, динамика и сферы распространения

Практически всем носителям русского языка известно белорусское слово «бульба» (картофель). Начиная с середины XX века в сознании населения СССР, и позже – на постсоветском пространстве, оформилась устойчивая ассоциация «бульбы» с Беларусью. Причиной тому стала значительная доля картофеля в развитом аграрном секторе БССР и индивидуальных хозяйствах, благодаря чему закрепилось восприятие картофеля как одного из основных продуктов белорусской национальной кухни и неофициального символа БССР, а позже – Республики Беларусь. Присутствие слова «бульба» в русском языке в качестве этномаркированной единицы привело к образованию экспрессивного, иронического псевдоэтнонима «бульбаиш», который по-разному воспринимается носителями и неносителями белорусского языка. Некоторые считают его оскорблением, другие оценивают как панибратское обращение, третьи относятся вполне спокойно – в целом также, как русские по отношению к псевдоэтнониму «москаль». Чаще всё же слово «бульбаиш» воспринимается как стилистически окрашенное.

С конца XX века в разговорной речи белорусов значительно возрастает динамика использования МФЕ, в состав которой входит компонент «бульба» – *хавайся ў бульбу(!)*. Отметим, что в XX веке выражение использовалось исключительно в устной речи, исключительно с восклицательной интонацией, как реакция на что-то значимое, негативное, чьё-то неприятное поведение, событие, или с ног сшибающую информацию. Восклицательная форма *Хавайся ў бульбу!* обладает широким спектром эмоций, связанных с призывом к кому-то – быть осторожным, беречься, быть готовым «прятаться» от проблем, исчезнуть из виду, переждать чьё-то разъяренное состояние (от кого человек в конкретной ситуации зависит или кому подчинён). Невосклицательная, но тем не менее – эмоционально окрашенная форма имеет обобщённое значение ‘конец’ (‘капец’). В основе её смысловых оттенков лежит значение глагольного компонента «хаватца» (прятаться), связанное с репрезентацией различных неприятных ситуаций или качеств человеческого характера [13, с. 10].

В русском языке полный эквивалент этой МФЕ отсутствует. В зависимости от контекста *хавайся ў бульбу(!)* можно переводить на

русский язык как *атас, кранты, исчезни, берегись, пиши пропало, туши свет, прячься кто может*, и более близкими лишь по дополнительной семантике ('временное ограничение действия') единицами *лечь на дно, (с)прятать голову в песок*. При этом многочисленные иронические оттенки, характерные для контекстуального использования белорусского выражения, при переводе на русский и другие языки в значительной степени нивелируются. На национальный характер и неперебиваемость рассматриваемого выражения на русский язык обращает внимание в одной из своих программ на радио «Свабода» – «Почему белорусы говорят “хавайся ў бульбу” и как это перевести на русский» В. Вечёрка. Отмечая, что этот «образный бренд» современной городской культуры и даже субкультур (байкеров) «процветает», В. Вечёрка дополняет, что схема «спрятаться в сельскохозяйственную культуру» является распространённой [7].

С одной стороны, сегодня эта МФЕ отражает процесс неологизации белорусского языка, т.к. на протяжении последних десятилетий XX века она выступала только в роли разговорной единицы, а поэтому не была зафиксирована в словарях, кроме двуязычного «Чешско-белорусского фразеологического словаря» (Kalita I. «*Česko-běloruský frazeologický slovník*», 2017) [12]. С начала XXI века распространение МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* приобретает экспансивный характер, динамика её использования растёт не только в устной речи, но и в письменных текстах, в особенности в комментариях на интернет-форумах к актуальным новостям и событиям. Наблюдается это в текстах, написанных белорусами на белорусском и на русском языках. Исследовавшая спонтанный выбор речевых средств пользователей интернет-форумов и социальных сетей Н. Сивицкая, отмечает, что на выбор речевых средств в этой сфере влияют различные социокультурные обстоятельства [22, с. 45], а на активизацию белорусского речевого ресурса значительно влияет характер обсуждаемой тематики и заданная комментаторами во время обсуждения эмоционально-экспрессивная атмосфера форума, а также, как отмечают многие учёные – в ситуации, требующей спонтанного вербального выражения эмоций, человек в большинстве случаев использует речевые средства родного языка [22, с. 46].

Как это ни парадоксально, *хавайся ў бульбу(!)* встречается на русских и украинских интернет-форумах – в комментариях на русском и украинском языках. Часто белорусский оригинал в русских

текстах приспособливают фонетически – *хавайся в бульбу*, или интерпретируют на русской лексической базе – «В картошку ховаться надобно!» (DrUnkard – 26.02.2005). При общей понятности для русских слова «бульба» из отдельных комментариев следует, что само выражение *Хавайся ў бульбу(!)* понимают не все русские. Например, «*Хавайся – это от слова хавать, чтоль? ;)* *В картошку ховаться надобно! Интересен глагол повелительного наклонения во втором лице единственного числа от несовершенной формы “ховать”*» (DrUnkard – 26.02.2005) и ответ непонимающему: «*Хавайся от слова прячься (у бульбу :)). Интересно существительное женского рода, обозначающее в старину низкое место с постоянным скоплением влаги*» (Member_3696 – 26.02.05). Встречаются случаи, когда использующие это выражение русские, не имеют представления о его происхождении, но воспринимают его как своё: «*(По белорусски будет – хавайся в бульбу. Я сама всегда так говорю. Неужели по-белорусски?)*» (музофил – 22.07.2010). Выражение встречается в публицистике и художественной литературе, написанной на русском языке, например в произведениях таких авторов, как М. Воронова «Клиника одной взятки» (2011), Д. Дзыгвобродский и Н. Шнейдер «Сорные травы» (2012), М. Михеев «Серое Проклятие» (2019) и «Не будите спящего барона» (2020) и др.

Данная единица начинает выступать в роли своеобразного вербального эмотикона, применимого к любой теме. Сферы её бытования не ограничены, она выражает оценку и многочисленные оттенки иронии. В настоящее время *хавайся ў бульбу(!)* – наиболее частотная беларуская МФЕ, активно проникающая в другие восточнославянские языки.

3. Место единицы «*хавайся ў бульбу(!)*» в ряду других междометий

Междометие изначально считалось особой группой единиц, находящейся за пределами самостоятельных и служебных частей речи, что всегда вызывало особый интерес и дискуссии относительно роли и места междометий по отношению к другим разрядам слов. Междометия представлены разными по структуре единицами: простые междометия выражены краткими словами, состоящими из одного, двух или трёх звуков (*а, э, ах, ай, фи, фу, гэй, жах*), сложные – образованы путём повторения кратких (*ай-я-яй, о-хо-хо*,

ну-ну). Составные междометия в своём составе имеют несколько слов, как правило, это застывшие языковые формулы, как например приветствия. В белорусском языке к разряду языковых формул примыкают менее частотные группы – проклятья (*Каб цябе трасца!; А каб цябе!; Халера яго бяры!*) и «обереги» (*Крый Божа!; Беражы / Ратуй, Божа!*). Междометия со структурой предложения, как показывает языковая практика, – это не статичная, а пополняющаяся языковая группа.

И. Я. Лепешев (1924-2014) отмечал, что междометных фразеологизмов – эквивалентов предложений в современном белорусском литературном языке насчитывается более 180. Классическая литература подтверждает то, что междометные фразеологизмы не являются закрытой непополняемой группой, некоторые единицы устаревают и выходят из активного запаса, одновременно развивается тенденция инновации. Например, активное вплоть до середины XX века выражение *хрэн табе / яму / ёй / ім ў вочы*, многократно использованное в качестве средства создания комического эффекта в пьесе «Пінская шляхта» (1866) и других произведениях Винцента Дунина-Мартинкевича (1808-1884), сегодня относится к устаревшим и используется редко. Ещё реже встречается в наше время МФЕ *ядзяць іх / вас мухі з камарамі*, которую И. Я. Лепешев назвал «речевым паспортом» персонажа Федоса Хадьки из поэмы Якуба Коласа (1882-1956) «Новая земля» (1923).

Междометные фразеологизмы в белорусском языке представлены богатым набором выражений с компонентами «бог» (*хай бог бароніць!; барані божа!; божа мой!; бог з табой / вамі!; бог яго ведае; крый божа!*) и «чёрт» (*к чортавай мацеры!; к чорту!; чорт вазьмі!; чорт з ім / табой / вамі / імі; чорта з два!*). Такие маркеры древней библейской оценки – как отражение ценностно-смысловых ракурсов этических категорий, встречаются практически во всех славянских языках, больших и малых по численности, например в русском (Бог / Господь / Господи – дьявол / черт / бес: *слава Богу!; как Бог свят!; Боже праведный!; не приведи / не дай Бог / Господь / Господу!; Бог [Христос] с тобой; чёрта лысого!; какого чёрта?; чёрт / бес / леший / шут / пёс / хрен с тобой; чёрта с два*); в польском (*niech Bóg broni, broń Boże, niech cię [Pan] Bóg broni, chwala Bogu, dzięki Bogu, Bogu dzięki; lichy weźmie [porwie]; czort z tobą; czort cię [go] bierz*); в чешском (*bůh ví; bůh sud; zaplat'pánbůh / zaplat'pánbu; Panenko Maria / Panenkomaria; bože můj, panebože, jdi*

k čertu / d'ablu; čertvikde / čert ví, kde; čert aby je vzal!). Обращение к высшим божественным силам в МФЕ отражается и в неславянских, малых языках, например, шугнанском – относящемся к группе исчезающих памирских языков: «*Va nīti хидоу!* ‘ради бога, сделайте что-л.’; *e-хидоуа!* 1) ‘о боже!’, ‘чем я грешен’, ‘почему именно я’, 2) ‘невероятно!’» [1, с. 104].

МФЕ представлены во всех языках также этикетными единицами, в белорусском это прежде всего: *калі ласка, добры дзень, будзь здароў, усяго добрага, нішто сабе* и другие, разные по структуре (*на табе!*; *вось табе і на!*; *смаху варта; не можа быць!*; *каб духу не было!*; *ліха на іх!*). Группа восклицательных МФЕ, в силу их разговорного характера, хорошо отражена и в белорусских диалектах [17, с. 285], *сонца ў вочы* – ‘радость по причине, что кто-то пришёл, приехал, появился’, *цуды з праявамі* – ‘чудеса да и только’; *соль [табе] у вочы, [дзярках / галавешка ў зубы]* (каму) – думают или говорят шёпотом, когда завистливый человек рассматривает членов семьи или обстановку дома; *адвакату торба сечкі; адвакату кош лупінаў!* – ‘осуждающий ответ тому, кто лезет не в своё дело, выступает защитником там, где его не просят’.

«Одни из таких оборотов выражают благосклонность, уважение, пожелание добра и пр., другие – неудовлетворение, возмущение, категорическое несогласие, отрицание и т. д.: *ведай нашых, крыў бог, ну і ну, у добры час* и многие другие. Выражение определённых эмоций в устной речи нередко сопровождается мимикой, специальной интонацией, иногда выделением одного из компонентов логическим ударением: *на табе, чорта з двá*. Некоторые из междометных оборотов (например: *авохці мне, чорт вазьмі*) **полнаффективные**: ими, варьируя интонацию, высказывают то удивление, то восхищение, то страх, сочувствие, возмущение и пр.» [15].

Междометный класс единиц каждого языка время от времени пополняется заимствованными, легко узнаваемыми, интернациональными единицами (*алё!, стоп!, брава!, каравул!, марш! вау! ок*). Фонд белорусских МФЕ включает различные по своему происхождению единицы. Среди них есть интернациональные фраземы, представленные в славянских и неславянских языках (Б. *A ўсё ж такі яна рухаецца!* = Р. *A всё-таки она движется!* = Ч. *A přesto se pohybuje!* = СЛ. *A predsa sa točí!* = П. *A jednak się porusza!* = БЛГ. *И все пак тя се върту!* = Англ. *And yet it moves!* = (итальянский ори-

гинал *E pur si muove!* / *Eppur si muove!* – известная фраза, приписываемая итальянскому физико и философу Галилео Галилею (1564-1642)). В этом фонде присутствуют и общие для восточнославянских языков единицы (*ну и ну!*, *чорта з два!*, *на табе!* и др.), и этнофразеологизмы, наиболее яркие среди них – восклицательные «Жыве Беларусь!» и «Хавайся ў бульбу!». Обе единицы синтаксически соотносятся с предложением. Первое было подробно рассмотрено И. Лепешевым [15, I], второй рассматривался И. Калитой в контексте языковой неологии конца XX – начала XXI веков [13].

Выражение *Жыве Беларусь!* И. Я. Лепешев описывает как «*возглас веры, надежды, чаяния, желанья, чтобы наша Родина стала действительно свободной, независимой, демократической*», подчёркивая, что «*в смысловом содержании этого выражения его компоненты, особенно последний, не лишены смыслообразующей функции*» [15]. Это заключение И. Лепешева противоречит ранее высказанному тезису А. М. Пешковского о том, что междометия – «*знаки чувствований, а не представлений. <...> вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемость они способны наименее <...>, так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложнённое выражением процесса мысли*» [19, с. 365].

Это выражение не новое, оно возникло в процессе подготовки освободительного восстания Кастуся Калиновского (1838-1864), тогда своих и чужих определяли паролем: «Каго любіш? – Люблю Беларусь. – Так узаемна». В самом начале XX века особую значимость выражение приобрело благодаря стихотворению Я. Купалы «Гэта крык, што жыве Беларусь», и впоследствии начало использоваться белорусскими писателями.

МФЕ *Жыве Беларусь!* не входила в разряд частотных, её максимальной актуализации способствовали мирные протесты, начавшиеся в Беларуси после фальсификации результатов президентских выборов 9 августа 2020 года. «*Жыве Беларусь!*» стало их основным лозунгом. В отличие от предыдущего периода – второй половины XX века, когда единица связывалась с оппозицией, с августа 2020 года её активно начали использовать и русскоязычные жители Беларуси. В этом новом контексте сформулированное И. Я. Лепешевым обобщённое значение МФЕ «*Жыве Беларусь!*» ещё более усиливается.

Междометный фразеологизм *хавайся ў бульбу(!)* И. Лепешев описал как ироничный возглас рвения, желания уклониться от чего-то, кого-нибудь, стать невидимым [14]. Данному выражению в контексте большой выборки уделяет внимание П. Пипер [20], соотнося его с категорией единиц, наделённых национально-культурной спецификой, и используемых, кроме иного, в роли формул речевого этикета. Такие формулы, по мнению Пипера, представлены единством вопрос-ответ и выполняют контактоустанавливающую функцию. Вводные диалоги в форме вопросно-ответных единств, по П. Пиперу: *«отличаются асимметрией, которая вообще характерна для многих вопросно-ответных отношений, и которая проявляется в том, что один и тот же вопрос как правило, может согласоваться с более чем одним ответом»* [20, с. 19]. В коммуникации установление контакта непосредственно связано с реализацией **фатической функции языка**. В. В. Дементьев отмечает, что для выражения фатической коммуникации часто используются языковые / речевые средства в переносном значении (в случае шутки, иронии и мн. др.) [8, с. 124]; причём для каждой характерно использование *«средств разной степени эксплицитности, жёсткости / формализованности»*, одновременно на отдельные темы, слова, идиомы и даже ассоциации могут накладываться ограничения [8, с. 123].

4. «Знаки чувствований» на пути к «знакам представлений»

Междометный фразеологизм *хавайся ў бульбу(!)* относительно молодой, его возникновение можно с уверенностью отнести ко второй половине XX века. До 1950-х годов выражение не использовалось, а конец века был отмечен его динамичным расширением. ФЕ образована по известной схеме [прятаться + в + сельскохозяйственную / растительную культуру] и, вероятно, в связи с изменившимися реалиями, заменила существовавшее в белорусском языке в XIX – и вплоть до середины XX века *хавайца ў коноплях* (прятаться в конопле). Наличие конопли в быту подтверждается, во-первых, статистикой и фактами – коноплеводство на территории Беларуси активно развивалось в государственном колхозном секторе и в индивидуальных хозяйствах – её выращивали с целью изготовления масла, которое использовали для приготовления множества блюд, заправки каш и блинов. Рост посевов картофеля с начала XX века и запрет выращивания конопли в 1970-х годах, безусловно, стали причинами не только изменения структуры

посево́в, но и языковой трансформации. Картофель очень быстро занял в Беларуси место одного из основных продуктов, а конопля вышла из рациона, и вместе с тем – из языка. Выражение *хавайца ў каноплях* известно беларусам, старшим шестидесяти лет, т.е. оно сохранилось в памяти тех, кто родился не позднее 1960 года, застал посе́вы конопли и мог в них прятаться. Во-вторых, память о конопле соседние славянские языки (беларусский, польский и украинский) хранят в общей ФЕ [*выскачыць*] як Піліп з канпель – (1) ‘появиться совершенно неожиданно’, ‘выскочить неизвестно откуда’, (2) ‘сказать что-то невольно’; также конопля зафиксирована в беларусских ФЕ [*выглядаць*] як пудзіла [агароднае] (хоць у каноплі стаў / стаўляй) и устаревшей *скачыць у каноплі* – досл. прыгнугь в коноплю, т.е. ‘согрешить’.

До конца XX века МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* использовалась исключительно в устной речи и с восклицательной интонацией, следовательно, с восклицательным знаком. Помещением восклицательного знака в скобки мы подчёркиваем, что изначально императивная единица в наше время не всегда используется как восклицательная. То есть из «знака чувствования» – которым МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* являлась в прошлом веке, выделился семантический «отросток», выполняющий роль «знака представления». Этот переход, произошедший в самом начале XXI века, связан с активным проникновением ФЕ из разговорной речи в письменный язык. Сегодня бывшее функциональное междометие не всегда остаётся за рамками предложения, а всё чаще включается в него, и начинает выступать в роли члена предложения. Мы имеем дело с наглядной иллюстрацией процесса включения фразеологизма (междометия) в процесс синкретизации. Этот пример опровергает идею А. М. Пешковского о междометиях как только о «знаках чувствований», и в новой их функции приближает МФЕ к «знакам представлений». Вопреки мнению Пешковского – «вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут» [19, с. 365], – отдельные междометные фразеологизмы – эквиваленты предложения оказываются способными вступать в синтаксическую связь. Таким образом, они оказываются синтаксически вариантными единицами: выступая в роли междометия – не являются членами предложения, выступая в роли фразеологизма – чаще всего выполняют функцию сказуемого, грамматически «раскрывая» глагольную единицу фразеологизма.

Однако следует признать, что синтаксическая связь ФЕ не совсем «уверенная», в большинстве случаев ФЕ *хавайся ў бульбу(!)* в

письменных текстах либо берётся в кавычки, либо при ней возникают объяснительные элементы, как например, «*як кажущь*», «*як кажущь у народзе*», «*як кажущь па-беларуску*», «*як кажущь у мяне на Радзіме*», «*як у тым спеве*». В текстах на русском языке – «*как у нас говорят*», «*как говорят беларусы*», «*как говорят в Беларуси*», «*по белорусски будет*». Также встречаются более развитые конструкции: «*Ховайся в бульбу, что в переводе на русский означает – прячься под развесистой ботвой картофеля*» (колонка станичника – 12.04.2014).

5. Примарная форма и функция междометного фразеологизма «*хавайся ў бульбу!*»

В современной лингвистике междометие определяется как особая часть речи, не примыкающая ни к самостоятельным, ни к служебным частям речи. Впрочем, на такое особое положение этой группы слов указывает само название (от лат. *interjectio* – первоначально в русском языке «междуметие», т. е. единицы, находящиеся «между»). Л. В. Щерба называл междометие «неясной и туманной категорией», «значение которой сводится к «эмоциональности» и «отсутствию познавательных элементов» [27, с. 81].

«Совершенно очевидно, что хотя этимология таких выражений, как *боже мой*, *чёрт побери*, и вполне ясна, но это только этимология; значение же этих выражений исключительно эмоциональное, и понимать *побери* в *чёрт побери* как глагол значило бы смешивать разные исторические планы, приписывать современному языку то, чего уже в нём нет» [27, с. 82].

Отсутствие у междометий грамматических категорий, как время, род, падеж лишь усугубляет их положение на фоне самостоятельных и служебных частей речи, а **основная характеристика – неизменяемость**, несмотря на присутствие таковой у других частей речи, как, напр. наречие, предлог, союз, частицы – не приближает междометие ни к одной из них, т.к. оно противопоставлено всем перечисленным по признаку своей функциональности. Оно не является членом предложения и не имеет собственного семантического объёма, иначе говоря, оно номинанативно незначимо. В отличие от неизменяемой части речи – наречия, междометие не несёт никакой информации. В отличие от служебных частей речи, междометие не выполняет синтаксическую функцию и никоим образом

не связывает члены предложения. Не вступает в падежные отношения, как например, предлоги, не выражает отношения между синтаксическими единицами – как это свойственно союзам; не используется для образования форм слова – как частицы, с которыми междометия имеют некоторые общие свойства.

«Части речи не отделены друг от друга “китайской стеной” – в речи они находятся в постоянном взаимодействии, образуя при этом множество синкретичных образований» [3, с. 36]. Частицы вносят в предложение эмоциональные оттенки, эмоциональностью как базисной категорией отличаются и междометия. Частицы реализуют широкий спектр субъективно-модальных характеристик – побудительность, сослагательность, условность, желательность, и выражают такие важные значения, как утверждение и отрицание, междометие оказывается близким к частице по реализации сообщения отношения говорящего к сообщаемой информации. Именно поэтому некоторые частицы не всегда возможно четко противопоставить междометиям. Наряду с нерасчленимостью, синтаксической несвязанностью, экспрессивностью и оценочностью, ещё одной отличительной чертой междометий является **многозначность**. Междометия зависят от контекста и оценивают его.

«Интонационные, мелодические своеобразия их формы, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом резко отделяют их от остальных слов. Они выражают эмоции, настроения и волевые изъявления субъекта, но не обозначают, не называют их. Вопрос о том, образуют ли междометия предложения, остаётся спорным. Однако трудно отрицать за междометными выражениями значение и обозначение “эквивалентов предложения”» [6, с. 31].

По своей структуре единица *хавайся ў бульбу(!)* тождественна простому побудительному предложению, содержащему призыв к действию. В нём отсутствует, но предполагается субъект (кто? – человек), которому адресован совет / призыв / приказ «устраниться» с уточнением (*куда?*) *ў бульбу* (обстоятельство места). Все синтаксические атрибуты стёрты в случае, если *хавайся ў бульбу!* используется в разговорной речи в роли оценочного междометия – в таких случаях оно не входит в состав предложения. В письменной

форме в составе предложения ФЕ отделяется от членов предложения запятой или тире. В таких случаях единицу *хавайся ў бульбу(!)* можно рассматривать как факультативный эмотикон, который из предложения можно удалить, не изменив его значение, однако при этом минимизируется эмоциональная насыщенность – и такое «состояние» предложения уже не соответствует его предыдущему варианту, даже если само предложение остаётся восклицательным, ощущается потеря чего-то важного.

- «*Twitter пра перамовы: «Пуцін у Менску! Хавайся ў бульбу!»*»;
- «*Хавайся в бульбу – к нам приехал вирус!»*»;
- «*А если ещё приходит протесте “кого-то сверху” ...как говорят у нас, хавайся ў бульбу*»;
- «*Дай Божа, каб нешта выгарала, бо кожны дзень прыносяць новыя сюрпрызы. Як панядзелак пачынаецца – хавайся ў бульбу. Ці зварот да парлямэнту, ці паездка на фэрму – выкідае такое, што нармальнаму чалавеку нават не прысьнілася б*» (Рымашэўскі – 3.08.20201).

Иначе говоря, исключение МФЕ из предложения способствует трансформации рамок общей модальности различных типов предложений, но изменяется не только «уровень» модальности, исчезает этнический колорит – ведь он внедрён именно в структуру МФЕ.

- «*Мне, напрыклад, смешна глядзець, як прыналежнасць да вышэйшых эшалонаў улады, да пэўных кланаў яны падкрэсліваюць нават уніфікаванымі паліто, гарнітурамі, гальштукамі, чаравікамі, гадзіннікамі, наданнем сваёй асобе значнасці. І ў той жа час, калі многія з іх адкрываюць рот, то тады, як кажучы у народзе: “Хавайся ў бульбу!”*» (Законнікаў – 23.07.2007).

При рассмотрении предложений с названной МФЕ часто возникает двойное ощущение – является *хавайся ў бульбу* междометием, либо членом предложения. Такой вопрос часто возникает при рассмотрении функций слов, вошедших в отношения частеречного синкретизма, этот аспект при изучении грамматического синкретизма русского и чешского языков отмечает и В. Словак:

«Встречаются такие члены предложения, которые нельзя однозначно отнести ни к одной традиционно выделяемой лингвистами категории, так как они совмещают в себе свойства или признаки нескольких членов предложения. Такие члены предложения образуют зоны синкретизма во всей системе членов предложения» [23, с. 31].

Таким образом, внедрение МФЕ в предложение часто создаёт проблему с её восприятием и определением её синтаксической роли. Как правило, сама единица «влечёт» за собой в предложение другие уточняющие единицы, которые также могут выступать в роли нескольких частей речи или в нескольких функциях, например, наречие и вводное слово, или же МФЕ в предложении заключается в кавычки, чем подчёркивается её особый статус.

6. Функции единицы *хавайся ў бульбу(!)* в письменной форме языка

Синтаксическая функция рассматриваемой МФЕ в качестве сказуемого, когда она выступает эквивалентом глагола «прятаться», часто бывает достаточно выраженной. Однако при переходе из междометия в функциональную синтаксическую единицу наблюдается изменение глагольной формы, вместо глагола повелительного наклонения ед. ч. используются другие формы:

– *«В стране – предреволюционные настроения, многие уже не хотят “ховаться в бульбу” и готовы выходить на площади»* (Харченко – 20.03.2017).

В данном примере МФЕ входит в состав сказуемого со значением ‘не хотят прятаться’.

– *«Даём тебе, мол, два бесплатных участия в лотерее, а за это к тебе придёт наш человек и объяснит систему, бла бла бла. Ну это ж не пылесосы продавать, блин, если у вас есть такая система, чего вы людям звоните и по домам ходите, сшибайте сами лотерейные бабки и ховайтесь в бульбу»* (david_2 – 21.07.2004).

– *«Белорусы, глядя на всю эту заварушку, лишь снисходительно улыбаются. У белорусов на все случаи жизни один совет: “Хавайся в бульбу!” Будь там хоть ядерный удар, хоть декрет N3, бульба – главное убежище белоруса»* (БелГазета-online – 17.04.2018).

Если МФЕ выступает в роли члена предложения, превалирует его синтаксическая функция сказуемого – единица выступает, как было показано, эквивалентом глагола. Однако «*хавайся ў бульбу*» может выражать значение существительного, в нижеприведённом примере – ‘ужас’.

– *«Тое, што там адбываецца з дызайнам гарадскога асяроддзя, якое – тут я на 100 % пагаджуся і з Віктарам Марціновічам, і з пафасам Ірыны Халіп – “хавайся ў бульбу”»* (Стурэйка – 18.08.2016).

Все дополнительные, названные нами атрибуты, возникающие при вхождении МФЕ *хавайся ў бульбу* в предложение, включая социолингвистические параметры – переключение языковых кодов, ярко отражают следующие комментарии, первый – в теме кулинарных рецептов, второй – о собаках:

– *«Какие красавчегии!!! я как бульбаши не пройду мимо и налеплю именно таких клёцок!!! А уж когда предложу их так па-щвецки, протяжно Ньюоо-кк-ишиши: -), вот тут, як кажучь па-беларуску: “хавайся ў бульбу” :)))»* (paulinnika – 15.03.2012).

– *«У моих родственников есть питбуль. Так вот, с близкими людьми, друзьями хорошими, она ведёт себя как котёнок, реально так. Но не дай бог чужой проявит агрессию или будет пьяный, то, как говорят наши братья-славяне “тримай порты, ховайся у бульбу” (могу написать с ошибками – поправьте, если так)»* (tarogadanie – 15.10.2019).

Как отмечалось, примарно МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* – оценочное эмотивное средство разговорной речи. Эта же оценочная нагрузка сохраняется в письменных текстах, написанных как на белорусском, так и на русском языке.

– *«Валяцін Акудовіч увасобіў у філасофіі ключавыя беларускія паводзіны. Перавёў на філасофскі ўзровень «Хавайся ў бульбу!» То бок партызанскія прынцыпы гульні з алібі»* (Расінскі – 25.07.2010).

– *«Ну... в Минске с продуктами было нормально, конечно не так круто, как в Москве, но нормально, и это “нормально” было до тех пор, пока был жив Машеров, ну и после него ещё немного, но, правда, уже чуть хуже – пока был жив Брежнев, потом всё пошло наперекосяк, а при Горбачёве, ваще – хавайся у бульбу»* (ossad – 28.01.2020).

– *«Некоторые фразы особенно хороши, очаровывая своим юмором, и достойны стать фэндомскими афоризмами: “увидел балрога – ховайся в бульбу” или “в Мандос – со своим чаем”»* (Нинквенаро – 27.09-3.01.2008).

– *«Ну всё, теперь точно “хавайся ў бульбу”. Будет как с Чернобылем: Радиации (вируса) нет, всем работать!»* (onnik – 11.03.2020).

– *«Калі сілавая і кантрольная ведамствы сур’ёзна возьмуцца за забеспячэнне вяршэнства закона, дык прадпрымальнікам да вядзецца хавання ў бульбу»* (Нікалаюк – 7.06.2018).

– «Гэта бясконца беларуская здольнасць выжываць, такі беларускі дээн. Ён не пра тое, каб ісці ў бой, а пра тое, як “хавацца ў бульбу”» (<http://kupalauski.by> – 2018).

– «Если для украинца хаос-родная стихия, то украинка просто соткана из этой субстанции. Независимо от возраста она бурлит, кипит, её просто распирает от эмоционального торнадо внутри. Если не удержит и шквал прорвётся наружу, то как говорят у меня на Родине “хавайся ў бульбу”» (gorlis_gorsky – 14.02.2016).

Многочисленные примеры, широко представленные в прессе, интернете, и главным образом – в комментариях к текущим событиям, дают возможность в значениях рассмотренного нами МФЕ *хавайся ў бульбу* выделить несколько основных семантических групп [13, с. 12-13].

- ‘ситуация, которую невозможно сразу исправить, а лучше переждать’;
- ‘неприятный результат какой-то ситуации’;
- ‘что-то / кто-то, что / кто качественно снижается под уровень среднестатистической нормы / стандарта’;
- ‘что-то нехорошее, некачественное’;
- ‘что-то плохо / неумело сделанное, недодуманное’;
- ‘тот, кто не оправдал имидж разумного человека’;
- ‘реальная опасность’;
- ‘«прятаться» от проблем’;
- ‘угроза’;
- ‘выжить, уцелеть’.

7. Компонентное расширение «трымай парты, хавайся ў бульбу»

Начало XXI века – переходный этап, когда междоветие *хавайся ў бульбу(!)* «переступило» границы разговорного стиля и «вписалось» в письменные стили белорусского языка, одновременно – «переступило» языковую границу и «вписалось» в медийную сферу комментариев на русском и украинском языках. Причины такого распространения можно объяснять тем, что русскоговорящие белорусы, проживающие за границами своей страны, знают и используют это выражение. Однако история распространения *хавайся ў бульбу(!)* на этом не заканчивается, оно не только «пускает»

глубокие корни, но «формирует» и крону – к нему «прирастает» уточняющее дополнение, действующее как усилительная частица, которая удваивает семантику угрозы и призыв к самосохранению.

Выражение *трымай парты, хавайся ў бульбу* часто встречается и в украинском языке в фонетически соответствующей форме *тримай порти*, в украинских комментариях, фонетически адаптируется и вторая часть – *хавайся в бульбу*. В русскоязычных текстах используются разные варианты выражения.

Слово *порты* (в белорусском языке чаще используется единица с суффиксом -к- – *порткі / парткі*, второй вариант отражает фонетическую особенность – акание) относится к общей восточнославянской лексике, уже в XVIII в. оно входило в большой словообразовательный ряд (*портнице, портная, портнина, портниха, портное, портной, портный, портняга, портняженіе, портняжескій, портняжить, портняжный, порты, портянина, портяница, портянка, портяный*), из которого до наших дней дошло много слов.

«ПОРТКИ, ковъ, с. м. мн. Исподнее платье изъ холстины, на подобіе штановъ» [24, Т. 3, с. 374].

Само слово по-разному реализуется в современных восточнославянских языках: в белорусском (*порткі*) и украинском (*порти*) используется как разговорная единица, в русском в начале XX века оно считалось диалектным, в настоящее время – устаревшим, в словарях приводится с пометами “разг.-сниж.” и “прост.”. Этимологически слово связано с «Праслав. *pъrtъ “связано с пороть; ст.-слав. pъртиште ráкоs (Супр.), русск.-цслав. pъrtъ ѿдѣтиоу (Георг. Амарт.), болг. pъртушіна “поношенная одежда”, сербохорв. pътен “льняной”, словен. pŕt, род. п. pŕta “полотно”, чеш. prt, польск. part “грубая ткань, полотно”» [25, с. 334].

Выражение *трымай парткі / парты, хавайся ў бульбу* значит то же, что и *хавайся ў бульбу*, первая часть лишь усиливает иронию, уже заложенную во второй части. ФЕ распространена в социальных сетях. В комментариях это выражение употребляется как ироничное, снисходительное по отношению к человеку, или характеризует сложную, но не самую худшую ситуацию. Доля его экспрессии, равно как и его второй части *хавайся ў бульбу(!)*, зависит от ситуации и может значительно отличаться – от лёгкой иронии до абсолютного презрения.

– «Да ну нахрен, как считаешь тут журналы-ленты, хочется выкинуть в пропасть все коммуникаторы и “трымай парты,

ховайся у бульбу”, на север и в горы, честное слово... в казаки-разбойники поиграли бы лучше...» (verazh – 26.08.2008) (о военном противостоянии).

– «У нас президент как чего скажет, так сразу – “трымай парты, ховайся у бульбу”, мало не покажется» (semiurg – 7.02.2009) (о президенте).

– «Короче, к лету побежит. Трымай парты, ховайся в бульбу, запирай двери и вот это вот всё». (avb1 – 20.03.2017) (о маленьком ребёнке).

– «Директор АТП по психотипу – Маршал классический, обыкновенный во всей его красе. Если обозлился конкретно – трымай парты, ховайся в бульбу. И пофиг, што не ты виноват. Лучшие сховаццо» (tanya_norka – 30.12.2018) (о директоре).

– «Если мама, то есть я, категорически не выпалась, то трымай парты, ховайся у бульбу. Стопудово работающая примета». (Рыцарь-Джедай – 13.11.2014) (самохарактеристика).

Вне сомнений, вторая часть выражения – собственно беларуская. Определить точное время, когда фраза «ховайся ў бульбу» вошла в состав более развитого выражения *трымай парты, ховайся ў бульбу*», трудно, но тем не менее, это произошло не так давно – в XXI в. Выражение «*трымай парты, ховайся ў бульбу*» встречается в книге беларусской русскоязычной писательницы украинского происхождения Ольги Громыко «Профессия: Ведьма» (2003). Но, по словам самой Громыко, она не является автором, а только где-то слышала это выражение. В интернете преобладает именно вариант со словом «порты». Анализ интернет-комментариев подтверждает эмоциональный потенциал этой единицы. Её пользователи пишут, что выражение где-то услышали и оно сразу им понравилось, показалось очень ёмким, поэтому взяли его в свой «оборот». Выражение имеет широкую географию использования, небеларускоязычные пользователи адаптируют его фонетически, кроме того, экспрессивность часто усиливается за счёт использования дополнительных компонентов (факультативным «усё!» (всё!)): *Усё (!) ... трымай парты / парты, ховайся / хавайся у / в бульбу*.

Возможно, выражение *трымай парткі, хавайся ў бульбу* полностью беларусское, и вариант с компонентом *парты*, используемый в русских и украинских соцсетях, есть не что иное, как адаптация беларусского выражения. Если допускать его «комбинированное» происхождение, то первая часть выражения может быть украинской.

8. «Хавайся ў бульбу» как этнофразеологизм

Значения рассматриваемой единицы ‘прятаться от кого-то’ или ‘избегать чего-то’ с различными эмоциональными оттенками реализуются во множестве разных контекстов. Как показывает практика, *хавайся ў бульбу* стоит «на страже» комментирования любых неприятных ситуаций, и тех, которые только возникли, например: «*Каронавірус наступае, рубель падае – хавайца ў бульбу?*». Компонент *бульба* не означает конкретный пространственный объект, но в нашем случае выполняет роль привязки к национальной культуре. Значение глагола, на первый взгляд, доминирует, а сама единица совмещает оценку контекста и призыв.

ФЕ *хавайся ў бульбу* имеет широкий спектр семиотических связей и оценивает практически любую жизненную сферу – от бытовой до международных отношений. Данный метафорический образ «подвинул» все, до сих пор известные, определения способов спрятаться и способов предупреждения об угрозе.

– «-Все эти „хавайся ў бульбу“, „мы ніколі нікому нічога ніякага“, партизанская в широком смысле ментальность – оттуда, от множества трагических событий» (Пинигин – 3.04.2018).

Разница между единицами, указывающими на конкретное место, где можно прятаться, и выражением *хавайся ў бульбу* оформляется парадигмой отсутствие / наличие метафорического переноса. Практически все единицы, которые применялись на протяжении XX века – использовались в прямом значении, *хавайся ў бульбу* – всегда в переносном. Лишь одна единица с синонимичным значением и наличием метафорического переноса используется и сегодня – *хавайца за чужыя спіны*, но она не обладает эмоциональным потенциалом, свойственным *хавайся ў бульбу*.

Анализируемая МФЕ выражает обобщенно широкую семантику – ‘навык оценить ситуацию, сориентироваться и приспособиться к «осложнённым» условиям времени и пространства’. Эти параметры понимаем не только как темпорально-территориальные, но и как «интерьер» социальный – результат собственного видения и осмысления государственных, экономических, политических векторов развития эпохи, и реализуемых в ней различных социальных ролей.

Беларусские писатели и журналисты часто трактуют МФЕ *хавайся ў бульбу* как отражение пороков национального характера, от которых надо избавляться. Упрощённая трактовка фразем часто ведёт к односторонним выводам. Рассматриваемая единица отражает

архетипичную парадигму ‘свой – чужой’ и заложенное в ней значение ‘инстинкт самосохранения’, в данном случае – своеобразную изоляцию, или пассивное действие (ожидание).

Фразеологизмы и междометия играют на тонких гранях языка, две разные категории одновременно оценивают ситуацию «здесь и сейчас» средствами, которые в большей степени, чем все другие языковые средства, являются «дыханием истории» языка: междометие – как чувство, фразеологизм – как опыт.

Наличие опыта в полной степени применимо к ФЕ «*хавайся ў бульбу*». Несмотря на широкий тематический охват контекстов, которые обозначаются этой единицей, её психологическую основу всё же можно видеть в отношениях «государственный аппарат – человек / гражданин». Исторические перипетии белорусской истории привели к тому, что у жителей Беларуси сформировалось устойчивое чувство недоверия к любому государственному аппарату, у белорусов нет чувства личной безопасности и защищённости перед госструктурами. Многовековая история, в которой территория Беларуси часто являлась предметом интереса соседних государств, а потому разными своими частями и целиком переходила от одного государственного образования к другому, способствовали психологическому невосприятию любой власти. Этап нахождения белорусских земель в центре Великого княжества Литовского (вторая половина XIII – вторая половина XVIII веков), считающийся традиционно успешной эрой для развития культурного слоя, перемежался чередой территориально-политических переделов: в 1569 году ВКЛ объединяется на федеративной основе с Королевством Польским в единое государство Речь Посполитую, где наряду с постепенным навязыванием католической веры шло навязывание польского языка; многочисленные войны Речи Посполитой с Российской империей привели в дальнейшем к трём разделам Речи Посполитой (1772, 1793, 1795), в результате чего это государство перестало существовать, а земли Беларуси были присоединены к Российской империи – этот исторический этап стал периодом русификации, а в религиозном плане ущемлением католиков и униатов. Существование белорусов на собственной земле – но в разных государствах привело к устойчивой прививке против доверия к любой власти. Короткий, но чрезвычайно насыщенный, период пертурбаций в начале XX века (25 марта 1918 г. провозгла-

шена Белорусская Народная Республика (БНР); 1 января 1919 г. создана Белорусская Социалистическая Советская Республика; 27 января 1919 г. образована Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Літбел); в результате польско-советской войны 1920 г. и последующего Рижского мирного договора 1921 г. территория Беларуси разделена на две части между Советским Союзом и Польшей. 1939 – год объединения Западной и Восточной Беларуси в составе СССР не принёс доверия к советской власти. После распада СССР с 1991 г. лишь короткий период стал проблеском доверия и надежды. Последовавший долгий период президентства Лукашенко стал очередным продолжением в истории недоверительных отношений между государством и гражданином, как раз власть является частым образом в языковой реализации междоментного фразеологизма *хавайся ў бульбу(!)*.

Учитывая факт, что рассматриваемая нами МФЕ возникла во второй половине XX в., можно связывать её психологический базис с уже названными историческими реалиями, не способствовавшими доверительному отношению к власти, а само оформление сложившегося значения – с историей XX в. – военным опытом белорусов, оказавшихся первыми на пути большой битвы, и с последующим советским опытом лагерей, колхозов и других вынужденных ситуаций, включая постсоветские реалии, которые не внесли в отношения «государственная власть – гражданин» нового, позитивного опыта, а лишь – подтвердили старое известное правило – надеяться надо только на себя. Поэтому МФЕ *хавайся ў бульбу* – это психологическое отражение национального опыта на примере конкретного народа, когда в целях самосохранения народ вынужден жить в своеобразной частичной самоизоляции от государства, находясь в ситуации перманентного ожидания угрозы от государственных нововведений. Вероятно, популярность и адаптацию данной единицы соседними народами можно видеть в том, что на данном этапе индивидуально-белорусское отражение парадигмы ‘свой – чужой’ им близко и понятно.

Лингвокультурологические исследования, связанные с реконструкцией языковой картины мира и вычленением лакун, в XXI веке становятся популярным полем научных исследований. Однако, как отмечает Е. Иванов, такие исследования в большинстве случаев проводятся на материале только одного языка или с обращением к ещё какому-то одному языку, в сравнении с которым

очерчивается национальная языковая картина мира. В таких случаях собственно национальный компонент неизбежно количественно и качественно преувеличивается – в число собственных единиц зачисляются такие, которые встречаются и в других языках или вообще являются универсалиями [9, с. 46].

Собственнобеларусское происхождение МФЕ *хавайся ў бульбу* не вызывает сомнений, при этом, фразеологизм отражает архетипичную парадигму ‘свой – чужой’, понятную всем, без исключения, народам. Сама единица понятна носителям трёх типологически близких, восточнославянских языков, но неизвестна другим языкам. В разряд этнофразеологизмов МФЕ помещает компонент «бульба» (в русском – *картофель*, в украинском литературном – *картопля*, в украинских диалектах, близких к Беларуси – *бульба*, в других – *бараболи*, *барабули*, *крумпля* и др.).

Заключение

Анализ малоизученного явления синкретичной связи ‘фразеологизм – междометие’ позволяет сделать выводы общие – касающиеся возможных тенденций развития синкретизма у междометных фразеологизмов, и выводы частные – касающиеся конкретного языка и конкретной единицы.

Хавайся ў бульбу – в качестве частного примера представляет собой собственнобеларусскую МФЕ, связанную с национальной картиной мира. Принадлежность к национальному контексту подчёркивает слово «бульба», обозначающее один из основных продуктов национальной кухни и неофициальный национальный символ. Семантика, которую мотивирует денотат (корнеплод), многозначная, обладающая глубоким внутренним содержанием и когнитивным смыслом. Картофель неразрывно связан с землёй (основным символом белорусской культуры) – в землю сажают клубни, которые дают ростки, листья и цветы, поднимающиеся над поверхностью земли. Но основной ценный продукт всё-таки растёт в земле. И с этим продуктом, как известно, связан жизненный уклад белоруса – еда, работа, ландшафтное и культурное пространство. Воспринимать выражение *хавайся ў бульбу* как зеркало отрицательных черт белорусского менталитета – значит рассматривать только одну сторону медали. Архетипичные связи всегда имеют бинарную природу, поэтому данная ФЕ должна рассматриваться более внимательно и глубоко [13, с. 33].

С течением времени рассмотренная МФЕ становится все более знаковой и приобретает характер национального маркера. В начале XXI века данная МФЕ ложится в основу названия альбома группы «Крама» (2001) и песни группы «N.R.M.» (2003). Название «*Хавайся ў бульбу*» носит ежегодный международный мотофестиваль (рок-байкфэст, Гродно). В 2016 году это выражение попадает в стикерпак мессенджера Вайбер. В агрогородках проходят «Бульбяныя фэсты» и «Бульбяныя кірмашы», национальным брендом становится алкогольная продукция с неоднозначным названием «Бульбаш».

Выражение воспринимается неоднозначно. Некоторые употребляют его как шуточное, саркастическое высказывание, другие считают, что оно отражает отрицательные черты белорусского характера. Следует отметить, что у белорусов это выражение не ассоциируется с характеристикой других народов. В современной коммуникации это значимая единица, вписанная в национальное культурное пространство, и как показывают рассмотренные примеры, единица приобретает расширяющее дополнение и образует новую ФЕ *трымай парты, хавайся ў бульбу*, а также «переселяется» в интернет-комментарии, написанные на русском и украинском языках.

Семантика психологического устранения передаётся глаголом «хавайся», благодаря которому фразеологизм вступает в синтаксическую связь в роли сказуемого. Проявление МФЕ в такой роли наводит на мысль, что более значимым является глагольная форма, однако существительное обладает этносемантическим объёмом, хотя само выражение как ФЕ в роли междометия должно быть номинативно незначимо.

Междометия являются единицами, включёнными в национальный “чувственный” контент, они понятны носителям языка, но не всегда понятны неносителям. В рассмотренном нами примере архетипичная модель обрамлена национальной лексикой, при этом она понятна ближайшим соседним народам.

Примеры показывают, что МФЕ не всегда занимает фиксированное место в начале предложения – обычно отведённое междометиям. Будучи императивной, волеизъявительной МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* характеризуется многозначностью, выражаемые ей модальные оттенки всегда обусловлены контекстом, и кроме волеизъявления – призыва или предостережения, заострения внимания, данная МФЕ отражает ещё и умеренно выраженную тенденцию поддержания коммуникативного акта, в который вписаны ирония,

сарказм, либо подчёркнутое статус кво по отношению к сообщению, передаваемому предложением.

Общие выводы, к которым ведёт анализ рассмотренной нами единицы, затрагивают векторы развития функциональности междометных фразеологизмов и могут быть актуальны для любого языка. МФЕ *хавайся ў бульбу(!)* опровергает мысли отдельных учёных, высказанные о междометиях ранее. Невозможно полностью согласиться с идеей В. В. Виноградова и Л. В. Щербы об отсутствии у междометий познавательной ценности и познавательных элементов. Считается, что междометие не несёт никакой информации, но с нашим примером всё не так. Во-первых, единица выступает этномаркером, во-вторых, указывает на изменение символического ряда (конопля – картофель), в-третьих, отражает процесс неологизации языка.

Литература

1. Аламшоев Ш. М. Междометные фразеологические единицы в шугнанском языке // *Oriental Studies*. – 2017. – № 4. – С. 102-107.
2. Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010: сборник научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. – М., Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 400 с.
3. Бабайцева В. В. Понятие о функциональных омонимах // Портал «О литературе» – LITERARY.RU. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206017235&archive=1206184559> (дата обращения: 31.05.2020).
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
5. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info> (дата обращения: 12.12.2020).
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
7. Вячорка В. Па-беларуску зь Вінцуком Вячоркам (10.07. 2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/bulba-viacorka/27850434.html> (дата обращения: 05.05.2020).
8. Дементьев В. В. О структуре фатического поля языка // Коммуникативное поведение. Вып. 22: Коммуникативное поведение славянских народов / под ред. П. Пипера и И. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 120-128.

9. Іваноў Я. Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. – Вып. 3. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 46-49.

10. Исянгулова Г. А. Семантические особенности междометий в современном башкирском языке // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. 2008. – № 2 (2). – Астрахань: Издательство Сорокин Р. В. – С. 58-63 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asu.edu.ru/images/File/sbornik-po-filogologii-%E2%84%962-2008g.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

11. Калита И. ‘Свой’–‘чужой’ в координатах фразеологических стереотипов // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 2 (27). – С. 85-96.

12. Каліта І (Kalita I.) Česko-běloruský frazeologický slovník. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. – 258 с.

13. Каліта І. Фразеалагічныя інавацыі ў люстэрку інтэрнэту // Каліта І., Сівіцкая Н., Ляшчынская В. Беларуская мова ў люстэрку традыцый і інавацый. Пад аг. рэд. І. Каліты, Л. Яўдошынай. – Ústí nad Labem: PF UJEP. – 2019. – С. 4-39.

14. Лепешаў І. Я. У фразеалагічны слоўнік // Наша слова. – 2013. – № 30 (1129) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://pawet.net/ns/2013/30/№_30_\(1129\).html](http://pawet.net/ns/2013/30/№_30_(1129).html) (дата обращения: 05.05.2020).

15. Лепешев И. «Жыве Беларусь!». Малоизвестное о хорошо известном словосочетании // Аналитическая газета «Секретные исследования». – 2013. – №19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.secret-g.net/arkhiv-publikatsij/13-2013/zhuve-belarus> (дата обращения: 05.05.2020).

16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Институт языкознания АН СССР. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

17. Маршэўская В. В. Выклічнікавыя фразеалагізмы ў гаворках Гродзеншчыны // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зборнік навуковых артыкулаў. Рэд. рада: С. А. Габрусевіч [і інш.]. – Гродна: ГрДУ. – 2007. – С. 285-289.

18. Мэй У. Из истории изучения переходности в современном русском языке (De la historia del estudio de la transitividad en la lengua

rusa contemporánea). // Cuadernos de Rusística Española. – 2009. – № 5. – С. 63-73.

19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. – М.: Госучпедгиз. – 1935. – 452 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/363104> (дата обращения: 12.12.2020).

20. Пипер П. О вводных диалогах в славянских языках // Јужно-словенски филолог. – 2006. – LXII. – С. 15-32.

21. Поцелуева Н. В. Сопоставительный анализ вербализации эмоций посредством междометных фразеологических единиц (на материале русской, английской и казахской анималистической фразеологии) / Н. В. Поцелуева, Т. Н. Федуленкова // Язык и культура. – 2012. – № 2 (18). – С. 72-74.

22. Сівіцкая Н. Актуалізацыя беларускага маўленчага рэсурсу ў рускамоўным медыйным асяроддзі // Каліта І., Сівіцкая Н., Ляшчынская В. Беларуская мова ў лютэрку традыцый і інавацый. Пад аг. рэд. І. Каліты, Л. Яўдошынай. – *Ústí nad Labem: PF UJEP*. – 2019. – С. 43-60.

23. Словак В. Вклад теории грамматического синкретизма в описание синтаксического уровня языка (на материале русского и чешского языков) // Новая русистика. – 2018. – № 1 (XI). – С. 27-38.

24. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. Т. 3: О-П. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. – 591 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9370-slovar-tserkovno-slavyanskogo-i-russkogo-yazyka-sostavlennyuyvoryum-otdeleniem-imperatorskoy-akademii-nauk-spb-1847-4-t> (дата обращения: 12.12.2020).

25. Фасмер-online: Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера (1 Изд. 1964-1973. – 4 Изд. 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vas.mer.lexicography.online/> (дата обращения: 12.12.2020).

26. Фещенко В. В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства / В. В. Фещенко, О. В. Коваль. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/stepanovcenter/sotvorenie_znaka.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

27. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 81-82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.gnpbu.ru/text/scherbayazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/go,104;fs,1/ (дата обращения: 12.12.2020).

Список интернет-источников (примеры комментариев):

avb1: (20.03.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://miss-languor.livejournal.com/704012.html> (дата обращения: 05.03.2020).

БелГазета: (17.04.2018). Если завтра война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belgazeta.by/ru/online/politics/36840/> (дата обращения: 2.12.2019).

verazh: (26.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gunter-spb.livejournal.com/458983.html> (дата обращения: 30.05.2020).

gorlis_gorsky: (14.02.2016). Ядерная бомба с веночком. Или что такое «украинка»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorlis-gorsky.livejournal.com/989766.html> (дата обращения: 12.11.2020).

david_2: (21.07.2004). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://david-2.livejournal.com/31503.html> (дата обращения: 30.05.2020).

DrUnkard: (26.02.2005). Хавайся у бульбу, Или глобальный АТАС. Форум на Исходниках.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.sources.ru/index.php?showtopic=84679> (дата обращения: 05.11.2020).

Законнікаў: (23.07.2007). Законнікаў С. Бедныя і багатыя // Свободные новости плюс, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.sn-plus.com!/old-site!/arhive/june07/23/str/1-07.htm> (дата обращения: 02.12.2019).

колонка станичника: (12.04.2014). Станица Тбилисская – райский уголок на Кубани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/wall-33409891081> (дата обращения: 30.05.2020).

kupalauski.by: 2018. Знакавыя спектаклі Мікалая Пінігіна. Канспект лекцыі. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kupalauski.by/teatr/news/pinihin-kanspekt/> (дата обращения: 25.03.2019).

Member_3696: (26.02.2005). Хавайся у бульбу, или Глобальный АТАС // Форум на Исходниках.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.sources.ru/index.php?showtopic=84679> (дата обращения: 05.11.2020).

музофил: (21.07.2010). Неприличные мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusbalt.flyboard.ru/topic110-250.html> (дата обращения: 30.05.2020).

Нікалюк: (7.06.2018) Нікалюк С. Колькі каштуе зямелька ў Драздах? // Новы час [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novychas.by/palityka/kolki-kasztue-zjamelka-u-drazdah07-06-2018> (дата обращения: 05.11.2020).

Нинквенаро: (27.09.-3.01.2008). Нинквенаро (ака Рыжий ака Скромный Автор) «О Рыжем и Полосатом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eressea.ru/library/differ/ninque_gujii00.shtml (дата обращения: 05.11.2020).

Расінскі: (25.07.2010). Расінскі А. Дачакацца Акудовіча. Интеллектуальный драйв эпохи перемен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nmnby.eu/news/discussions/2785.html> (дата обращения: 07.11.2020).

onnik: (11.03.2020). Форум Лукашенко на днях обсудит с министром здравоохранения меры противостояния COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://talks.by/showthread.php?t=14445433> (дата обращения: 11.03.2020).

ossad: (28.01.2020). Форум «Белорусский сахар в России дешевле, чем в Беларуси». Как поживают заводы, на которые пришли силовики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://talks.by/showthread.php?t=14440243&page=9> (дата обращения: 05.11.2020).

paulinnika: (15.03.2012). Комментарии. Журнал взЪерошенной мамашки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ladyfisherr.livejournal.com/27506.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Пинигин: (3.04.2018). Режиссёр Николай Пинигин: Наши национальные особенности – из-за того, что мы долго не могли реализовать себя как народ // Комсомольская правда в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smol.kp.ru/daily/26814/3850193/> (дата обращения: 05.11.2020).

Рыцарь-Джедай: (13.11.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jediru.net/topic/60187/page/3/> (дата обращения: 01.03.2020).

semiurg: (7.02.2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://semiurg.livejournal.com/309181.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Стурэйка: (18.08.2016) Стурэйка С. Сыйсці ад фальшу ў прасторы можна стымулюючы незалежныя культурныя ініцыятывы // Новы час [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://novychas.by/kultura/scjapan-sturejka-syjsci-ad-falszu-u-prastory-mozn> (дата обращения: 05.11.2020).

Рымашэўскі: 3.08.2020). Карней І. «Глядзець на лукашэнкаўскую Беларусь невыносна цяжка». Сілавікі і пратэстоўцы ў жывапісных гісторыях Ігара Рымашэўскага. Інтэрв’ю – Рымашэўскі І. [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/30763679.html> (дата обращения: 25.11.2020).

tanya_norka: (30.12.2018). [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <https://tanya-norka.livejournal.com/110145.html> (дата обращения: 05.11.2020).

tarogadanie: (15.10.2019). [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <https://amarok-man.livejournal.com/4653596.html> (дата обращения: 05.11.2020).

Харченко: (20.03.2017). Харченко А. Беларусь в шаге от Майдана: чем не угодил Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vesti.ua/author/a_kharchenko (дата обращения: 05.11.2020).

Список использованных сокращений

- англ. – английский
Б. – белорусский
БЛГ. / болг. – болгарский
ВКЛ – Великое княжество Литовское
греч. – греческий
досл. – дословно
древневерхненемецк. – древневерхненемецкий
индоевр. – индоевропейский
лат. – латинский
латыш. – латышский
П. / польск. – польский
праслав. – праславянский
прост. – просторечное
Р. / рус. – русский
разг. – разговорное
РКИ – русский язык как иностранный
РЯ – русский язык
сербохорв. – сербохорватский
СЛ. – словацкий
сниж. – сниженное
ст.-слав. – старославянский
т.е. – то есть
т.н. – так называемый
т.ч. – в том числе
ФЕ – фразеологическая единица
ФМ – фразеологический минимум
ФМ РКИ – фразеологический минимум русского языка как иностранного
ФМ РЯ – фразеологический минимум русского языка
ФМ ЧКИ – фразеологический минимум чешского языка как иностранного
цслав. – церковнославянский
Ч. / чеш. – чешский
чел. – человек
ЧКИ – чешский язык как иностранный
ЧР – Чешская Республика
ЧЯ – чешский язык

АННОТАЦИЯ

Актуальные вопросы современной славянской фразеологии

Книга представляет цикл научных очерков, посвящённых актуальным аспектам современной фразеологии. Рассматриваются такие вопросы, как фразеологический минимум, символика синего цвета в национальных картинах мира, использование междометных фразеологизмов и другие. Книга адресована лингвистам, культурологам, переводчикам, может быть полезна студентам филологических и переводческих специальностей, изучающим славянские языки.

1. Фразеологический минимум русского языка: традиции – опыт – перспективы

Первая часть книги знакомит с накопленным опытом в вопросе создания русского фразеологического минимума, говорит о его истоках, степени разработанности и современном состоянии. Обобщение накопленного опыта может быть полезно для национальных традиций, в которых фразеологический минимум ещё не создан, или находится на начальной стадии формирования. Фразеологический минимум должен состоять из двух условных частей – А и Б, где часть А – всеобщая основа, предназначенная для всех иностранцев, а часть Б – минимум, приспособленный к каждой отдельной паре языков, вступивших в контакт в образовательной ситуации, кроме того, необходима ориентация на цели и задачи получаемой студентами специальности. Как часть открытой языковой системы, фразеологический минимум время от времени должен обновляться. Перелом XX-XXI веков отражает общемировые экономические процессы, вызывающие к жизни инновативные устойчивые единицы (*«серая» экономика, «серая» зарплата, зелёный маркетинг, зелёный туризм*). Их активное использование ведёт к мысли, что на современном этапе целесообразно пополнение фразеологического минимума единицами с компонентом-колоронимом.

2. Чешский язык на пути к фразеологическому минимуму

Вторая часть знакомит с традицией изучения чешской фразеологии чехами и иностранцами. Представлены этапы, обусловленные историческими событиями, которые привели чешских богемистов к осознанию необходимости более систематичного подхода к

введению фразеологии в преподавание чешского языка в начальных и средних школах Чехии. После Бархатной революции 1989 года в вопросе изучения чешского языка открылся новый аспект. Иностранцы получили возможность учиться, жить и работать в Чехии, на что должна была реагировать система образования, т.к. во всех типах учебных заведений появились иностранцы, не владеющие чешским языком. В этой связи актуальным стал вопрос создания чешского фразеологического минимума для иностранных студентов. Несмотря на то, что этот минимум ещё не сложился, проделана огромная работа, реальные результаты которой ощутимы на иностранцах, получивших образование и проживающих в Чешской республике.

3. Синий цвет в национальных картинах мирах русских и чехов

Основной задачей данного исследования является анализ репрезентации синего цвета в национальных картинах мира двух славянских народов – русских и чехов. Колороним *синий* рассмотрен как фразеологический компонент, позволяющий выявить межъязыковые эквиваленты и лакуны. Компаративный метод позволяет представить взаимосвязи двух рассматриваемых языков, описать факты культуры, которые на различных этапах развития вызвали к жизни слова и фразеологизмы с семантикой синего цвета. Исследование основано на анализе словарного материала, извлечённого методом сплошной выборки из различных типов русских и чешских словарей, преимущественно фразеологических, изданных в разное время. Запечатлены разные исторические срезы развития синего цвета, представлены устаревшие и инновативные единицы. В наше время в чешском и русском языках единиц с семантикой синего цвета осталось меньше, чем в XIX веке, межъязыковых русско-чешских эквивалентов очень мало.

4. ‘Бог’ в белорусской и чешской паремии

Данная часть книги посвящена анализу реализации лексемы *бог* в чешской и белорусской паремии, и шире – в национальных картинах мира двух славянских народов. Лингвокультурологический подход, при котором источниками для компаративного анализа служат материалы словарей, СМИ и данные переписей населения,

позволяет рассматривать компонент *бог* как своеобразный этический маркер. Фразеологизмы ФЕ с компонентом *бог* отражают ментальный опыт народов, нюансы адаптации христианской традиции, объясняют психологические аспекты мышления современников.

5. О синкретизации междометных фразеологизмов

Рассматривается языковой синкретизм на частном примере беларусского междометного этнофразеологизма. В XXI веке единица «хавайся ў бульбу» значительно расширила сферы своего употребления, внедрилась в письменные стили национального языка, а кроме того – в русские и украинские тексты. Автор представляет функции, роли, значение, контексты и стилистическую окраску данной единицы, относя к её ключевым характеристикам многозначность, контекстуальность, полиаффективность, отражение множества стилистических нюансов: ирония, сарказм и др. Анализ примеров, полученных методом сплошной выборки из интернет-блогов, живых журналов, комментариев к текущим новостям и статьям в интернете, показал, что этнофразеологизм «хавайся ў бульбу» на протяжении короткого срока перешёл из разговорной речи в письменные стили, и в настоящее время является наиболее частотной беларусской единицей, используемой для выражения эмоций.

SUMMARY

Current questions of contemporary Slavic phraseology

The book introduces a cycle of scientific overviews concerning current aspects of contemporary phraseology. Various topics like phraseological minimum, symbolism of blue color in national images of the world, usage of interjectional phraseological units and others are examined. The book is intended for linguists, culturologists, translators and may also be useful to students of philological and translation study fields that are focused on slavic languages.

1. Phraseological minimum of the Russian language: tradition – experience – perspective

The first part of the book presents the obtained experience about creating Russian phraseological minimum, introduces its sources, level of development and contemporary situation. The generalization of obtained experience can be helpful for national language traditions that have not yet created the phraseological minimum or those whose development of phraseological minimum is only in an early stage. The phraseological minimum has to consist of two parts – A and B, where A is a common basis for all the students and B is a minimum adjusted to a pair of languages that are in contact in educational or cultural situation. Apart from that it is necessary to focus on the aims and missions of the field of study. Phraseological minimum is a part of open language system that needs to be renewed from time to time. At the turn of this century common processes were noticed in world economics that brought innovative units to life (*gray economy, gray money, green marketing, green tourism*). Active use of these units leads us to conclusion that nowadays it is convenient to include innovative idioms with colour component, that reflect the tendencies and trends, into the phraseological minimum.

2. Czech language on its way to phraseological minimum

The second part introduces the Czech tradition of phraseology studies by Czechs and by foreigners. There are distinct stages corresponding with historical events that lead the Czech bohemists to realization that it is necessary to use more systematic approach in teaching phraseology of the Czech language in Czech elementary and secondary schools. After the Velvet revolution in 1989 a new aspect appeared in teaching Czech

language. Foreigners were given the opportunity to study, live and work in Czech Republic and the education system had to adapt to the fact that foreigners, which do not know the language yet, will now be studying alongside Czechs in all types of schools. In connection with this fact the creation of Czech phraseological minimum for foreign students became necessary. Regardless of the fact that a comprehensive minimum does not yet exist, a lot of work has been done and the results are already observable on the foreigners, who got their education and live in Czech Republic.

3. The blue colour in National images of the world of Russians and Czechs

The main goal of this research is to analyze representations of blue colour in national images of the world of two Slavic nations – Russians and Czechs. Coloronym *blue* (*синий – modrý*) is examined as a phraseological component that helps identify equivalents and lacunae common to both languages. Comparative method shows the mutual units of the two inspected languages and describes the cultural factors that in different stages of developments of those languages lead to the existence of idioms with semantics of blue colour. The research is based on the analysis of the dictionary material collected from different types of Russian and Czech dictionaries, mostly phraseological dictionaries published in different time periods. There are multiple historical stages of development of the colour blue, both outdated and neological units are represented. Nowadays there are much less phraseological units with blue color semantics in both Czech and Russian than there were in the 19th century. There are very few interlingual Russian-Czech equivalents.

4. “God“ in Belarusian and Czech paremiias

The given part of the book is dedicated to the analysis of implementation of lexeme God in Czech and Belarusian paremiias and in the national images of the world of two slavic nations. Cultural linguistic approach, where the sources for comparative analysis were dictionaries, newspaper articles and census information, allows us to study the word God as an ethical feature. Idioms with the word God reflect mental experience of the nation, nuances of adaptation of the Christian tradition and explain psychological aspects of thoughts of the current generation.

5. Syncretism of interjunctive idioms

Language syncretism is being interspected using the example of Belarusian interjunctive idiom. In the 21st century the usage the unit «*хавайся ў бульбу*» (*chavajsja u bul'bu*) widened significantly, the unit permeated all functional styles of Belarusian language and also started being used in Russian and Ukrainian texts. The author introduces functions, roles, meanings, contexts and stylistic coloring of this unit. The main characteristics of this unit are ambiguity, contextualization and reflections of many stylistic nuances like irony, sarcasm etc. Analysis of the examples collected from various internet sources – blogs, magazines and comments on news and articles showed that ethno-idiom «*хавайся ў бульбу*» transferred in a short period of time from colloquial language to other functional styles and is now widely spread language unit to express emotions.

АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ СУЧАСНАЙ СЛАВЯНСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Кніга прадстаўляе цыкл навуковых нарысаў, прысвечаных актуальным аспектам сучаснай славянскай фразеалогіі. Кампаратыўнае даследванне дапамагае прасачыць славянскія гістарычныя ўзаема-сувязі, вылучыць агульнае і ўнікальнае ў моўных карцінах свету рускіх, беларусаў і чэхаў. Манаграфія адрасавана лінгвістам, культуролагам, перакладчыкам, студэнтам філалагічных спецыяльнасцяў, якія вывучаюць славянскія мовы. Кніга складаецца з пяці частак:

1. Фразеалагічны мінімум рускай мовы: традыцыі – вопыт – перспектывы
2. Чэшская мова на шляху да фразеалагічнага мінімуму
3. Сіні колер у нацыянальных карцінах свету рускіх і чэхаў
4. Бог у беларускай і чэшскай парэміі
5. Аб сінкрэтызацыі выклічнікавых фразеалагізмаў.

AKTUÁLNÍ OTÁZKY SOUČASNÉ SLOVANSKÉ FRAZELOGIE

Kniha představuje cyklus vědeckých esejí, věnovaných aktuálním aspektům současné slovanské frazeologie. Komparativní studie pomáhá sledovat slovanské historické vztahy a díky tomu vytyčit co je společné a co je jedinečné v jazykových obrazech světa Rusů, Bělorusů a Čechů. Monografie je určena lingvistům, kulturologům, překladatelům, studentům filologických oborů, kteří studují slovanské jazyky. Kniha se skládá z pěti částí:

1. Frazeologické minimum ruského jazyka: tradice – zkušenosti – perspektivy
2. Český jazyk na cestě k frazeologickému minimu
3. Modrá barva v národních obrazech světa Rusů a Čechů
4. Bůh v běloruské a české parémii
5. K synkretizaci zvolací frazeologie

Ключевые слова / Keywords

I: фразеологический минимум, фразеология, фразеодидактика, фразеологизм, русский опыт, русский язык как иностранный (РКИ), колороним, носитель языка, пользователь языка, инофон, инновации, учебник

1: *phraseological minimum, phraseology, phraseological didactics, idiom, Russian experience, Russian as a foreign language (RFL), coloronym, native speaker, language user, foreigner, innovations, textbook*

II: фразеологический минимум, фразеодидактика, фразеология, чешский язык, Бархатная революция, богемист, фразеологизм, учебник

2: *phraseological minimum, phraseological didactics, phraseology, Czech language, Velvet revolution, bohemist, idiom, textbook*

III: фразеология, чешский язык, русский язык, синий цвет, устаревшие единицы, колороним, инновация, эквивалент, лакуна

3: *phraseology, Czech language, Russian language, blue colour, outdated units, coloronym, innovation, equivalent, lacunae*

IV: паремии, белорусский язык, чешский язык, лингвокультурология, Бог, вероисповедание, национальная картина мира

4: *paremias, Belarusian language, Czech language, cultural linguistics, God, religion, national image of the world*

V: синкретизм, междометие, фразеологизм, этнофразеологизм, «хавайся ў бульбу», современная коммуникация, стилистическая окраска

5: *syncretism, interjection, idiom, ethno-idiom «хавайся ў бульбу» (chavajsja u bul'bu), contemporary communication, stylistic coloring*

Ключевые слова / Ключавыя словы / Klíčová slova / Keywords

фразеологический минимум, фразеология, фразеодидактика, фразеологизм, лингвокультурология, русский язык как иностранный (РКИ), чешский язык, белорусский язык, носитель языка, пользователь языка, инофон, учебник, устаревшие единицы, инновация, эквивалент, лакуна, паремии, колороним, Бархатная революция, синий цвет, Бог, вероисповедание, национальная картина мира, синкретизм, междометие, этнофразеологизм «хавайся ў бульбу», стилистическая окраска

фразеалагічны мінімум, фразеалогія, фразеадыдактыка, фразеалагізм, лінгвакультуролагія, руская мова як замежная, чэшская мова, беларуская мова, носьбіт мовы, карыстальнік мовы, інафон, падручнік, устарэлыя адзінкі, інавацыя, эквівалент, лакуна, парэміі, каларонім, Аксамітная рэвалюцыя, сіні колер, Бог, веравызнанне, нацыянальная карціна свету, сінкрэтызм, выклічнік, этнафразеалагізм «хавайся ў бульбу», стылістычная афарбоўка

phraseological minimum, phraseology, phraseological didactics, idiom, cultural linguistics, Russian as a foreign language (RFL), Czech language, Belarusian language, native speaker, language user, foreigner, textbook, outdated units, innovation, equivalent, lacunae, coloronym, Velvet revolution, blue colour, God, religion, national image of the world, syncretism, interjection, ethno-idiom «хавайся ў бульбу» (chavajsja u bul'bu), stylistic coloring

frazelogické minimum, frazeologie, výuka frazeologii, frazeologism, lingvokulturologie, ruština jako cizí jazyk, český jazyk, běloruský jazyk, rodilý mluvčí, uživatel jazyka, cizinec, učebnice, zastaralé jednotky, inovace, ekvivalent, lakuna, koloronym, parémie, modrý, Bůh, náboženství, národní obraz světa, synkretismus, citoslovce, etnofrazeologismus „schovat do brambor“ (chavajsja u bul'bu), stylistické zabarvení

Информация об авторе**PhDr. Inna Kalita, Ph.D. (И. В. Калита, I. У. Каліта)****ORCID ID: 0000-0003-0005-1425 | Scopus ID: 57190299777 | ResearcherID: A-4474-2018**

Инна Владимировна Калита – доктор философии, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры богемистики Университета им. Яна Евангелисты Пуркине г. Усти над Лабем, Чехия. С 2001 г. преподаёт на специальности «Деловой русский язык». Сфера научных интересов: славистика, языковая и литературная компаративистика, РКИ, межкультурная коммуникация, социолингвистика (субстандарты: трасянка, сленг), лингвокультурология, фразеология.

Основные публикации:

Kalita I. Česko-běloruský frazeologický slovník. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. – 258 с.

Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. – 256 с. DOI: 10.21062/ujep/42.2018/k/978-80-7561-105-5

Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов и чехов. – М.: Дикси Пресс. – 176 с.

Калита И. Магические реминисценции в творчестве Дмитрия Липскерова. – М.: Дикси Пресс. – 272 с.

Калита И. Практика речевого общения: Часть I. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2013. – 256 с.

Калита И. Стилистические трансформации русских субстандартов, или Книга о сленге. – М.: Дикси Пресс. – 234 с.

Kalita I. Obrisy a tvary nespisovnosti: ruština vs. čeština. Komparativní pohled. Ruský slang v procesu vývoje. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2011. – 194 s.

Калита И. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. – Ústí nad Labem: PF UJEP, 2010. – 300 с.

Научное издание

Калита Инна Владимировна

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Монография

Чебоксары, 2020 г.

Ответственный редактор *И.В. Калита*
Компьютерная верстка *Л.С. Миронова*
Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 28.12.2020 г.
Дата выхода издания в свет 30.12.2020 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 7,905. Заказ К-769. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru